

ДЖОН МАДДОКС РОБЕРТС

УБИЙСТВО В ТАРСИСЕ

ФЭНТЕЗИ-ДЕТЕКТИВ

КТО УБИЛ ВОЖДЯ?

JOHN MADDOX ROBERTS

MURDER IN TARSI

Fantasy mystery

TSR, Inc.

ДЖОН МАДДОКС РОБЕРТС

УБИЙСТВО В ТАРСИСЕ

Фэнтези-детектив
из сериала
„САГА О КОПЬЕ“

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
1996

**ББК 84.7 США
М 13**

John Maddox Roberts

«Murder in Tarsis»

**COPYRIGHT © 1996 TSR, Inc. All rights reserved.
DRAGONLANCE TM and TSR logo are trademarks
of TSR Inc.**

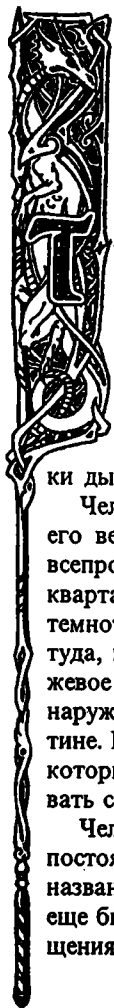
Маддокс Робертс Дж.

**М 13 Убийство в Тарсисе: Роман / Пер с англ.
В. Правосудова. — СПб.: Азбука—Терра, 1996. —
320 с.**

ISBN 5-7684-0198-9

Смерть бродит по улицам Тарсиса, унося одну жертву за другой. Кровь невинных вызывает к отмщению! Кто принес на Криин новую смуту, кто сеет раздор и ненависть? Об этом вы узнаете из нового романа замечательного американского фантаста Джона Маддокса Робертса.

ISBN 5-7684-0198-9

Глава 1

Тонкое снежное покрывало легло на город. Над побелевшими улицами в свете полной луны сверкали серебром шпили замков, остроконечные крыши домов и зубцы стен. Из многих окон лился ровный свет масляных ламп или более живой, желтоватый, — свечной. Над большинством домов к небу тянулись тонкие струйки дыма от каминов и очагов.

Человек, созерцающий это зрелище, нашел его весьма миловидным, хотя и не лишенным всепроникающей меланхолии: целые районы и кварталы города были разрушены и тонули в темноте. Ни единого дымка не поднималось от туда, не растекалось вокруг домов желто-оранжевое свечение. Наблюдатель с удивлением обнаружил в себе неприязнь к этой мрачной картине. Ведь сам он считал себя истинным поэтом, которых меланхолия и грусть должны притягивать с непреодолимой силой.

Человек стоял у окна под самой крышей постоянного двора «Счастливое возвращение», названного так в те времена, когда этот город еще был большим портом и счастливые возвращения его аргонатов из далеких морей были

обычным делом. Разумеется, учитывая альтернативу, любое возвращение можно было считать счастливым.

Гостиница находилась на небольшом холме в юго-западной части города, по соседству с громадой форта, некогда прикрывавшего гавань. Отсюда, с четвертого этажа, открывалась панорама города. Лишь башни замков и крепостных стен возвышались над уровнем наблюдателя.

Некогда этот город назывался Тарсисом Гордым, подумал человек, Тарсисом Прекрасным и даже Городом Десяти Тысяч Кораблей, хотя это уже было явным преувеличением. Каков же он сейчас? Тарсис Умирающий — вот имя, которого он достоин. Во время Великой Катастрофы море отступило от города, покинуло его, предав, как предает жених свою возлюбленную, сбежав из-под венца прямо со ступеней храма. Караванная торговля кое-как поддерживала с тех пор существование города, но никогда уже Тарсису не суждено было восстановить бывшее могущество и благосостояние, которые делали его если не королем городов, то уж, по крайней мере, наследным принцем.

Задумчивый наблюдатель уже собрался сочинить трагическую поэму по этому поводу и даже взялся за поиски рифмы к первой строке, но тут его творческий порыв был прерван стуком в дверь его комнаты.

— Входите, — буркнул он, даже не обернувшись.

Вошедший был невысоким коренастым человеком в наскоро наброшенном на ночную рубашу плаще. С головы он даже не снял свой ночной колпак с длинной кисточкой.

— К вам посетитель, — объявил он.

Действительно, вслед за трактирщиком в комнату вошел второй человек, по виду которого сразу было ясно, что даже стучаться в дверь простолюдина было бы ниже его достоинства. Незнакомец был одет в черный бархат с серебристой оторочкой. Его перчатки и сапоги были сшиты из тонкой черной кожи. Черная маска почти полностью прикрывала его лицо. На поясе незнакомца висел изящный легкий меч и составляющий с ним пару кинжал.

— Живо добавь огня, — бросил аристократ хозяину трактира, даже не кивнув в сторону едва тлеющего камина. — И закрой ставни.

— Я предпочитаю бодрящий воздух здешней ночи, — негромко сообщил поэт. При этих словах трактирщик споткнулся и растерянно сжался, втянув голову в плечи. — Впрочем, делай, что тебе сказал почтенный гость, и поживее, — облегчил он участь хозяина заведения.

Пока трактирщик возился с дровами, ни гость, ни постоялец гостиницы не произнесли ни слова. Постучавшись, в комнату вошла девушка, дочь хозяина, неся на подносе кувшин, два кубка и блюдо с перемешанными сухофруктами и сухим печеньем. Наполнив кубки, она молча удалилась.

Довольный тем, что огонь в камине загудел быстро и весело, трактирщик улыбнулся.

— Что-нибудь еще, уважаемые господа? — поинтересовался он.

Ответа не последовало, и хозяин счел благоразумным удалиться, лишь поклонившись перед тем, как закрыть дверь.

Человек в бархатном одеянии взял кубок, не снимая перчаток, и сделал глоток.

— Ты — Нистур, — сказал он без вопросительной интонации в голосе.

— Да, это я, — ответил поэт, поднимая второй кубок.

— У тебя отличные рекомендации.

— Клиенты всегда были мной довольны.

— Мое имя — не твоего ума дело, — высокомерно вставил человек в бархате.

— Разумеется. И именно поэтому я его и не спрашиваю.

Аристократа такой ответ несколько покорибил. Он привык к почтению, смешанному с самоунижением, которое сквозило в поведении общающихся с ним простолюдинов, даже таких, чья репутация была не менее зловещей, чем у этого. Да и вообще, этот тип оказался не совсем таким, каким он ожидал его увидеть; и сейчас гость внимательно разглядывал стоящего у окна постояльца, взвешивая свои последующие слова.

Человек по имени Нистур был невысок ростом и достаточно плотно сложен. Потертая кожаная куртка с некоторым усилием стягивалась завязками на округлом брюшке. На ногах постояльца были остроносые, с загнутыми вверх носками сапоги из желтой кожи, некогда первоклассные, но теперь изрядно потрепанные. Шерстяные широкие штаны были сшиты из оранжево-черной полосатой ткани. Воротник и манжеты белой льняной рубашки были затерты от множества стирок.

И все же было в этом человеке что-то достойное и основательное. Ногти на руках были тщательно подстрижены и наманикюрены, закрученные кончики усов торчали в стороны, клиновидная бородка аккуратным, симметричным

треугольником спускалась на грудь. Оставленная свободной на затылке копна черных кудрявых волос была аккуратно подстрижена на дюйм выше угольно-черных бровей, из-под которых, словно два куска антрацита, не мигая смотрели холодным, колючим взглядом небольшие глаза.

— Когда вы пришли, я как раз сочинял полутрагическую поэму, посвященную закату вашего города, — сообщил Нистур.

— Поэты лучше тебя посвятили этому долгие годы жизни, — раздраженно ответил посетитель. — И с чего ты решил, что эта тема всего лишь полутрагична? — Еще не договорив фразы, аристократ уже осудил себя за то, что проявил интерес к мыслям простолюдина.

— В истинных трагедиях великие города разрушаются сразу и до основания, как это случилось с Истаром. Недостойно великого эпоса описывать то жалкое существование, которое влачит сейчас твой город, не так ли?

— Я пришел сюда не для того, чтобы беседовать о поэзии, — отрезал аристократ. — Мне нужно, чтобы умер один человек в этом городе. Заказ по твоему профилю?

— Безусловно, — согласился Нистур. — Нет, в душе я, конечно, поэт, но в наши жестокие времена божественным даром стихотворца не проживешь. Вот я и выбрал себе в качестве приносящего кусок хлеба древнее и почетное ремесло асассина*.

— Называй себя как хочешь, мне это безразлично. — Аристократ махнул рукой, затянутой в перчатку; на черной коже сверкнул массивный

* Асассин — наемный убийца.

золотой перстень в форме дракона, сжимающего в когтях большую голубую жемчужину. — Человека, который должен умереть, зовут Железное Дерево. Он — наемный солдат. Сейчас он остановился в одной из таверн у старого мола. Там обычно собираются такие, как он. Почему он должен умереть...

— ...меня не касается. Я прекрасно понимаю это. Если вы не горите желанием поведать мне всю историю, приведшую вас к решению нанять убийцу, то не нужно постоянно напоминать мне об этом. Вы не первый мой клиент.

Пораженный дерзостью этих слов, аристократ уже собрался поставить простолоудина на место, как тут с улицы донеслись воинственные крики, многократно отраженные от стен узкой улицы. Следом послышался лязг стали, ударяющейся о сталь. И постоялец, и его посетитель тотчас же определили, что где-то по соседству обычная кабацкая ссора переросла в драку, а затем и выкатилась на улицу уже в виде поножовщины и вооруженной стычки.

Оба человека подошли к окну и с интересом выглянули на улицу. Аристократ даже наполовину снял с лица маску, чтобы лучше видеть происходящее, но руку он держал так, чтобы не дать Нистуру возможности увидеть себя. Тот, в свою очередь, даже не пытался разглядеть своего посетителя. Весь опыт подсказывал поэту-убийце, что чем меньше он знает о своем клиенте, тем лучше.

Внизу около дюжины человек вовсю орудовали тяжелыми двуручными мечами, действуя не столько с умением, сколько с энтузиазмом. В мгновение ока двое из дерущихся уже оказались

на земле. Послышались стоны и проклятия. На снег потекла кровь, окрашенная луной в черный цвет.

Бой продолжался недолго. Одна из сторон, решив, что с нее хватит, по сигналу бросилась наутек. Вторая, словно стая гончих, почувствовав добычу, бросилась вдогонку. Два человека остались неподвижно лежать на снегу; еще один поковылял прочь, опираясь на меч как на костыль и зажимая рукой рану на боку.

Аристократ и ассасин отошли от окна.

— Эти банды черни просто наводнили город в последнее время, — сказал человек в черном бархате. — И все орудуют этими двуручными тесаками. Да, в былые времена настоящие мужчины встречались в поединках на палашах или даже шпагах. — И он прикоснулся к рукоятке своего изящного клинка.

— Былые времена были куда более изящны, — согласился Нистур. — Единственным преимуществом выбора этих ребят является возможность в короткое время нанести максимальный урон при минимуме умения. Для людей, которых мы только что видели, это главное. Я ведь тоже пользуюсь довольно старомодным оружием.

Нистур кивнул в сторону стоящего в углу комнаты меча. Перевязь была обмотана вокруг ножен и спиралью спускалась на пол. Этот клинок не был ни тонкой рапирой аристократа, ни двуручным мастодонтом уличных бузотеров. Не был он похож ни на длинный прямой широкий меч — излюбленное оружие пехоты в строю, ни на палаш матроса. Это был клинок средней длины, быть может, на три пальца длиннее двух

футов, с глубокой вогнутой гардой. Рядом с мечом лежал на полу и маленький кованый щит, выдающийся вперед заостренным конусом не более фута в диаметре.

— Да, глубокая гарда теперь не в моде, — согласился аристократ. — Но, по крайней мере, это оружие благородного человека. Обоюдострый? — деловито поинтересовался он.

Высший свет Тарсиса традиционно отождествлял себя с рыцарской, воинской аристократией. И хотя на самом деле защита города еще много поколений назад была отдана наемным профессионалам, среди благородных горожан считалось достойным мужчины заниматься воинским искусством и уж по крайней мере разбираться в оружии.

— Нет, заточен с одной стороны, — коротко ответил Нистур и добавил: — Его выковали двести лет назад гномы из клана Дробителей Наковален.

— Да, они знали толк в своем деле, — подтвердил аристократ. — У меня есть кое-что из их произведений в домашней коллекции. Ну да ладно, перейдем к делу. Похоже, дело свое ты знаешь, и теперь тебе известно и имя жер... скажем, объекта приложения твоих знаний. Что-нибудь еще тебе нужно?

— Я, конечно, сомневаюсь, стоит ли беспокоить столь благородного господина по таким пустякам, — закрутил фразу Нистур, — но остался вопрос вознаграждения.

— Вот, — с гримасой презрения посетитель извлек из складок плаща небольшой мешочек и положил его на стол, — здесь половина, как договорено. Выполнишь задание — сообщи трактирщику и получишь остальное.

Торговаться не имело смысла. Плата за такие услуги устанавливалась по древнему обычаю, оставаясь неизменной уже несколько веков.

— Еще одно дело, — продолжил аристократ. — Пустяк, но я хочу, чтобы оно было выполнено.

— Что именно? — поинтересовался Нистур.

— На этом человеке — очень необычные успехи. Выполнив свое задание, потрудись снять их с него и передать мне. Можешь получить за это надбавку к плате за работу.

Нистур вспыхнул от негодования.

— Господин, вы меня оскорбляете! Я — асасин с высокой репутацией, и я не занимаюсь мародерством. Признаю, что для героев и даже рыцарей снять латы с поверженного противника, столь же благородного и знатного, — обычное дело. Но это возможно только на поле боя, после открытого поединка. Для человека моей профессии это было бы деградацией. Я уверен, что у вас найдется немало слуг, которые с превеликим удовольствием сделают это по вашему требованию. Но меня — увольте.

Человек в бархате, казалось, с трудом сдерживает себя от гневного взрыва.

— Ну что ж, если ты о себе такого высокого мнения... Ладно, просто выполни работу, и получишь оставшиеся деньги.

— Именно это я и предполагал сделать, — сказал Нистур. — Вы сами узнаете о том, что заказ выполнен. Не сомневаюсь, что у вас в городе найдется немало добросовестных осведомителей. Деньги пришлите сюда.

— Как хочешь, — согласился аристократ, поправляя маску на лице. — Надеюсь больше с

тобой не встречаться. Лучше, если ты исчезнешь из города, как только получишь свои кровавые деньги, убийца.

— Даже не знаю, что, кроме вашего общества, удерживало бы меня в этом городе по окончании работы, — подчеркнуто вежливо ответил Нистур.

Человек в черном бархате резко развернулся и, сверкнув серебристой отделкой плаща, исчез в темном коридоре.

Дверь закрылась, Нистур вздохнул. С того дня, когда он занялся этой работой, он понял, что ему суждено выполнять заказы таких людей. Этот человек был бы рад убить самого Нистура по окончании дела. Быть может, это попытается сделать человек, передающий деньги. Такие люди много говорят о чести, но действуют, опираясь на ее законы, только когда общаются с равными и когда это явно идет им на пользу. Не в меру нечестных клиентов часто приходилось карать за нарушение слова — не из тяги к справедливости, а просто из стремления спасти свою жизнь.

Вновь наполнив кубок вином, он подошел к окну. Попытавшись продолжить сочинение поэмы, Нистур обнаружил, что первые строчки вылетели из памяти. Ну и пусть, поэт-убийца пожал плечами. Тарсис в его глазах не заслуживал теперь и пары куплетов. Пусть он исчезнет и останется забытым.

Ночная стража уже утащила куда-то тела двух погибших в недавней стычке. На снегу остались лишь черные лужи крови. Луна ярко освещала все вокруг, но одновременно лишала мир красок, делая его черно-серебристым. Нистур обнаружил, что в его мозгу родилось другое произведение —

что-то в стиле элегантного, изящного пятистишья истарских стихотворцев.

Весьма удовлетворенный удачным упражнением своего дара, Нистур подготовился к выполнению полученного заказа.

Привычным движением его рука скользнула за застежку куртки и легла на рукоятку висящего на шее обоюдоострого кинжала. Затем другой рукой он прикоснулся к чуть торчащей из-за отворота правого сапога плоской костяной ручке длинной, тонкой, как шило, заточки. Все было в порядке. Он застегнул перевязь меча на поясе и приторочил к ножнам клинок свой маленький щит. С крюка у входа он снял шляпу, в поля которой были вставлены тонкие, острые, как бритва, лезвия. Поверх всего Нистур накинул подбитый мехом плащ, а на руки надел перчатки из тонкой козьей кожи, украшенные разноцветными лоскутками.

Собравшись, ассасин вышел из комнаты, спустился по лестнице и, миновав общий зал, вышел в темную морозную ночь. Больше всего он походил на самого обычного горожанина, вооруженного всего лишь одним клинком — мечом бюргера, не считающимся серьезным оружием ни аристократами, ни профессиональными бойцами.

Таверна называлась «У утопленника». Здание было смешанной постройки — камень чередовался с деревом, в основном фрагментами обшивки и каркасов старых кораблей. Некогда море плескалось почти у самого порога этих домов. Но и сейчас, отступив, оно оставило о себе не только воспоминания, но и целый мир вещей, так или иначе связанных с мореплаванием. Таверну

освещали старые корабельные лампы, с потолка свисали модели древних судов, а стены были расписаны морскими батальными сценами. Стойка бара была сделана из лопатки морского дракона — так клялся и божился хозяин. В любом случае эта кость принадлежала какому-то огромному созданию.

Несмотря на исчезновение из города моряков, в таверне собиралась шумная, многолюдная и весьма пестрая публика. Погонщики, проводники и охранники многочисленных караванов наполняли такие заведения. Ведь в Тарсисе и по сей день переkreщивались четыре крупнейшие караванные дороги, не считая множества менее важных троп. Немало здесь болталось и наемных солдат, пропивавших в тавернах деньги, полученные за участие в бесчисленных мелких войнах.

Чужаков в Тарсисе не жаловали. Город, некогда бывший портом-космополитом, оставшись островом посреди океана пыльных степей, ушел в себя и терпел пришельцев, только пока те могли тратить в нем деньги. Это касалось даже людей, но в еще большей степени здесь недолгоблюдавали гномов, троллей и прочую нечисть.

Но сейчас, наплевав на отношение к ним городских властей и большинства жителей, постояльцы гостиницы и просто зашедшие на огонек веселились и отдыхали как могли, поглощая в огромных количествах еду и вино, играя в кости, рассказывая о чудесах, виденных в дальних краях, и постепенно готовясь к новой долгой дороге — к морю, к Торбардину — через Пыльные Степи, в почти сказочные восточные страны или еще неведь куда. Хохот, довольные крики, песни на

дюжине языков — все это сразу било по ушам вновь вошедшего.

Во всей этой компании выделялся один человек, сидящий за маленьким столиком у стены в полном одиночестве. Человек был молод, но его глаза говорили о большом и не столь уж радостном жизненном опыте. Распустив по плечам непрчесанные волосы, человек мрачно глядел в почти пустую кружку. Подняв ее, он явственно заметил дрожание руки. Поставив кружку обратно на стол, он с ненавистью, словно на предателей, посмотрел на свои руки.

В этот момент в зал вошел с улицы невысокий, плотно сложенный тип в зимнем плаще и шляпе. Его наружность и поведение заметно отличались от того, что было типично для завсегдатаев таверны «У утопленника». Коротко переговорив с трактирщиком, вновь пришедший направился прямо к одинокому посетителю за столиком у стены. Тот поднял глаза, только когда человек в шляпе подошел к нему вплотную..

— Прошу прощения, уважаемый, — начал разговор тот, который стоял, — но я позволю себе предположить, что вы принадлежите к славному роду наемных воинов.

— Ну и что с того? — вздохнул второй.

— Меня зовут Нистур. Вы позволите присоединиться к вам?

— Садись, — буркнул тот. Вновь подняв кружку, он был вынужден придержать одну дрожащую руку другой.

Нистур сел.

— Простите, если я лезу не в свое дело, господин, но вы напоминаете человека, глядящего в дно своей последней кружки.

— Положим, так оно и есть. Дальше что?

— Ничего. Просто я могу предложить вам еще одну.

Не успел он договорить, как трактирщик уже подошел к ним с двумя огромными глиняными кружками в руках.

— Полнехонькие, — объявил хозяин, — и, как договаривались, самый лучший эль.

В этот миг за спиной трактирщика появилась худенькая фигура в плаще с глубоко накинутым капюшом. С неожиданным для полного человека проворством хозяин обернулся и сдернул с головы незнакомца капюшон, выставив на обозрение узкоскулое лицо человека, определить пол которого сразу никто не взялся бы.

— Эй, Ракушка! — воскликнул трактирщик. — Опять ты здесь! Сколько тебе говорить — не ходи сюда. Прочь отсюда! Нечего приставать к моим гостям!

Большие серые глаза незнакомца излучали выражение оскорбленной невинности.

— Я ведь только чуть погреться... Неужели ты меня выгонишь на улицу в такой холод?

Такой голос мог принадлежать в равной мере и юноше-подростку, и девочке, становящейся девушкой. Рыжие волосы Ракушки были небрежно собраны в какой-то узел на голове, что никак не помогало определить пол этого человека.

— Выгоню-выгоню! Катись отсюда! Марш за дверь, а не то я стражу позову!

Человек, которого звали Ракушкой, с недовольным вздохом повиновался. Трактирщик с услужливой улыбкой обернулся к клиентам.

— Вы уж меня извините. Я пытаюсь не пускать сюда всю эту шушеру, но с тем же успехом

можно ловить корзинкой ветер. Все равно ведь пролезут.

С этими словами хозяин заведения удалился, чтобы обслужить других клиентов.

— Спасибо, — невозмутимо сказал одинокий посетитель, поднимая новую кружку и делая большой глоток. Дрожь в руках почти прошла.

Поставив сосуд на стол, он спросил Нистура:

— Ну и какое у тебя предложение? Ты сам догадался, что я наемник, и первым начал разговор. Мне кажется, ты в курсе, что наемник — это тот, кто нанимается служить за деньги. Я полагаю, что ты хочешь мне за что-то заплатить.

— Логично. Так оно и есть, — согласился Нистур, смакуя эль. Трактирщик не обманул. Напиток действительно был превосходным.

Человек, сидящий перед ним, был не старше четверти века, но что-то в его глазах отличало его даже от большинства выдавших виды наемных солдат. Его руки — сильные, с большими ладонями и сбитыми костяшками — были настоящими руками воина, и в то же время они чем-то напоминали руки гнома. Тонкая золотая полоска сверкала на одном из пальцев незнакомца.

Нистур прикинул, что за человек оказался перед ним. Опытный наемный воин — без сомнений. Его кольчуга действительно была очень редкого вида. Плотнo облегающий тело костюм из мелких поблескивающих чешуек прикрывал его от шеи до запястий и до середины голени, где был заправлен в кожаные сапоги. Была ли чешуя металлической или же представляла собой шкуру какой-то огромной рептилии — этого Нистур сказать не мог. Перчатки из такого же материала были засунуты за пояс воина, на том же ремне

висели пристегнутыми довольно короткий, чуть изогнутый меч и длинный, очень широкий кинжал. Шлем, лежащий на столе, представлял собой всего лишь небольшую круглую стальную шапку.

— Внесем ясность, — сказал Нистур. — Я хочу нанять тебя. Я, понимаешь ли, торговец и собираюсь съездить в Зериак. Это пробная поездка, без каравана — так, чтобы прикинуть, есть ли смысл возить туда кое-какие благовония и специи. Я перепродаю эти товары. Да, еще я этот, ну — представитель союза торговцев...

— Зериак? До него придется проделать часть пути по безлюдной территории, вне всех караванных троп.

— Вот почему я и хочу нанять опытного бойца себе в охрану. А ты, я вижу, подходящий кандидат, к тому же привычный к путешествиям.

— Это правда. Но таких тут полкабака. Почему бы тебе с ними не поговорить?

— Да они же компаниями работают. А честнее сказать — бандами. Наймешь одного — значит, наймешь и всех остальных. Нет, мне нужен только один сопровождающий. Вот трактирщик и показал мне на тебя.

Его собеседник невесело рассмеялся.

— Один? Именно один я и есть. И по весьма веским причинам.

Нистур вздохнул.

— Похоже, вы не очень-то сговорчивы, уважаемый. По моему опыту я знаю, что обычно наемники более чем охотно соглашаются на работу. Если ты не склонен следовать общему правилу, я найду кого-нибудь другого.

С этими словами Нистур стал подниматься со своего табурета.

— Стой! — сказал солдат, подкрепив слова требовательным жестом. — Я очень заинтересован в работе. Но я просто не верю во все с первого слова. Если ты хорошо заплатишь, я пойду с тобой. Хоть сейчас, куда угодно, только бы подальше от этого гнилого города!

Нистур вновь сел.

— Вот и замечательно. Как мне называть вас, господин?

— Железное Дерево.

— И какую же страну вы называете родным краем?

— Никакую. Я решил забыть свое прошлое, как только стал наемником. Спрашивать у моих коллег об их прошлом — неблагоприятное занятие.

— Я знаком с такими обычаями. Поверь, наемники — не единственные, кто предпочитает сам строить свою жизнь, а не следовать тому, что им написано на роду. Ну да ладно. Итак, я собираюсь отправиться в дорогу рано утром. Пойдешь со мной сейчас?

Железное Дерево осушил свою кружку до дна и встал из-за стола.

— Я готов.

— Где твои вещи?

— Все, что у меня есть, — перед тобой. Жилье и еда в Тарсисе дороги. Я потратил или проиграл здесь все, что у меня было. Осталось лишь то, чем я могу заработать еще. — Нахлобучив стальную шапку, подбитую войлоком, себе на голову, он добавил: — Ну что, идем?

Выйдя из таверны, Нистур обнаружил, что у его спутника нет даже плаща. Кольчуга наверняка весьма слабо защищала от холода, и Нистур почувствовал что-то вроде сочувствия к человеку,

попавшему в столь тяжелый переплет. Усилием воли он заставил себя отбросить это чувство, совершенно не подходящее человеку его профессии. Сейчас его касалось только одно — выполнить заказ клиента по возможности чисто и элегантно.

Один из перекрестков на их пути образовывал небольшую площадь с фонтаном посередине. Пересекая ее, они на миг остановились, прислушиваясь к непонятному звуку, шедшему откуда-то сверху. Он напоминал далекий, приглушенный гром, и Нистур внимательно оглядел серебристые тучи, тянувшиеся к луне с юга.

— Эти тучи несут скорее снег, чем дождь, — пробормотал он. — Да и вообще, странно слышать гром в такое время года.

— Это не гром, — твердо сказал Железное Дерево.

Удивившись странному дрожанию в голосе своего спутника, Нистур с удивлением обнаружил столь же беспокойное выражение на его лице. Проследив за его взглядом, Нистур заметил, как меж двух огромных туч мелькнула какая-то черная тень, не оставившая за собой никакого следа на черно-серебристом небе.

Ассассин тряхнул головой. Стоп, подумал он, никакой мистики. Сейчас главное — это работа. Нечего искать видения на небесах.

— Пойдем, — бросил он и направился дальше по узкой темной улочке.

Повернув в узкий переулок, Нистур и его спутник дошли до его конца, где тупик чуть расширился, оставляя серебристую площадку между стенами домов.

— Вот вроде и подходящее место, — объявил Нистур.

— Что? — подозрительно переспросил Железное Дерево. — Подходящее для чего? Куда ты меня вообще тащишь?

Нистур повернулся к нему и церемонно поклонился.

— Друг мой, есть силы, которые желают вашей смерти. Я был привлечен, чтобы удовлетворить это желание. Пожалуйста, не пытайтесь найти в этом личных мотивов. Это всего лишь профессиональный вопрос. Можете считать себя в самой что ни на есть смертельной опасности. — С этими словами он выхватил из ножен меч.

— Ах, так ты ассасин! — почти довольно и безо всякого удивления произнес Железное Дерево. Несомненно, этот человек получал в жизни больше плохих новостей, чем хороших. — И что, ты хочешь выполнить заказ в честном поединке, даже с формальным вызовом? Обычно ваш брат предпочитает кинжал в спину или яд в вино.

— Только отбросы нашего клана поступают так, — заверил его Нистур. — Из-за них о нас идет такая дурная слава.

Отбросив плащ, он шагнул вперед, выставив перед собой свой маленький щит.

Одним привычным движением Железное Дерево сунул руки в чешуйчатые перчатки, а затем выхватил меч и кинжал. Это оружие было столь же странным и необычным, как и снаряжение Нистура. Поединок обещал быть интересным, но в его исходе Нистур не сомневался. Он считал себя настоящим мастером боя, и никогда в жизни он еще не видел наемного солдата, более чем просто умело обращавшегося с оружием. Солдат во многом полагался на силу, храбрость, надежность. Доспехов и редко имел такой же навык в обращении с

оружием, как человек, который долгие годы изо дня в день отбатывал это искусство.

Сверкнувший в свете луны клинок Нистура был остановлен широким кинжалом солдата. В тот же миг Железное Дерево нанес три последовательных удара своим мечом, направив их в голову, колено и бок Нистура. И каждый раз путь его клинку преграждал маленький щит, которым невысокий, плотненький Нистур орудовал с невообразимой скоростью. Лишнего лязга не было слышно — ведь поединок вели настоящие бойцы, а не кабацкие драчуны. Шагах в двадцати — тридцати никто и не заподозрил бы в редком позвякивании свидетельства жаркого боя.

Нистура поразило мастерство наемника. Ему еще не доводилось встречать солдата, так умело пользующегося своим оружием. И все же подчас защитные движения его кинжала запаздывали, и дважды он принимал удары меча Нистура на защищенное двойным слоем брони предплечье. Пока что это не принесло ему ощутимого вреда, но показало, что время работает на противника.

Доспехи солдата будут представлять серьезную проблему, подумал Нистур. Конечно, рубящим ударом в полную силу, наотмашь, ему удалось бы пробить их, но, во-первых, это было бы не в его стиле, а во-вторых, от такого удара изрядно пострадал бы даже его великолепный меч. Оставался укол, но даже в этом случае клинок не был бы застрахован от пары-тройки заусенцев. Нистур решил выждать, пока представится возможность завершить поединок одним уколом в шею — как раз над верхней кромкой кольчуги. Такой финал послужил бы отличным завершением всей этой разыгранной им поэмы в действии.

Нистур уже прикидывал последнюю комбинацию ударов и защитных блоков, как вдруг его противник резко отскочил в сторону. Рука, которую Нистур видел слабо дрожащей над столом, теперь яростно тряслась.

Железное Дерево выругался на незнакомом Нистуру языке, а затем вдруг неожиданно осел на подкосившееся колено и воскликнул:

— Только не сейчас!

Нистур бросился было вперед, чтобы одним ударом покончить с ослабевшим противником, но сдержал свой порыв. В арсенале умелого бойца всегда были такие обманные приемы, как неожиданное недомогание, преувеличенные страдания от пустячной царапины и другие провоцирующие на атаку действия. А ведь при любой атаке нападающий хоть на миг, но остается неприкрытым, уязвимым для неожиданного ответного удара. Вот на использование такого мгновения и были рассчитаны отвлекающие внимание приемы-приманки.

Вместо последнего рывка вперед Нистур отступил на шаг, ни на миг не ослабляя внимания. Он не стал атаковать противника, а издали резко ударил своим клинком по его мечу. Изогнутое лезвие вылетело из словно онемевшей руки Железного Дерева, который, казалось, тратил все силы только на то, чтобы удержаться на ногах. Но Нистур не купился и на это, зная, что и кинжал в руках опытного воина — грозное оружие. Прикрываясь нацеленным в лицо противника мечом, ассасин сделал выпад и ударом кромки щита выбил широкий кинжал солдата из ослабевшей руки. Второй клинок со звоном упал на холодные, припорошенные снегом камни мостовой.

Железное Дерево задрожал всем телом и вдруг повалился на землю, зашуршав по камням чешуей кольчуги. И все-таки какая-то шкура, подумал Нистур. Не металл. Осторожно, носком сапога он перевернул на спину бившегося в судорогах противника.

— Боюсь, я вынужден покончить с этим делом, мой невезучий друг, — сказал Нистур, убирая меч в ножны. — Не принимай это так близко к сердцу. Я не знаю, от чего именно ты так мучаешься, но мне ясно, что шансов продолжить карьеру наемника у тебя никаких; кроме того, я теперь понимаю, почему ты был так одинок.

Из-за голенища Нистур выхватил блеснувшую в лунном свете заточку. Десятидюймовый клинок, как и меч асассина, был заточен лишь с одной стороны, массивная тыльная часть лезвия добавляла силы рубящему удару, которого противник, готовый к уколу, не ожидал бы от такого оружия.

Наклонившись над солдатом, Нистур почувствовал что-то вроде сожаления по поводу бессмысленности происходящего. Его противник был повержен, но не им, а какой-то неведомой болезнью. И вот теперь этот великолепный, но невезучий воин должен умереть по прихоти какого-то заносчивого аристократишки, возненавидевшего солдата и презиравшего убийцу, но желавшего оставить чистыми свои руки, одетые в бархатные перчатки.

Бесполезные размышления, оборвал сам себя Нистур. Он приставил острое заточки к горлу противника, но в этот момент рука солдата, в которой что-то сверкнуло, метнулась к его шее. Нистур почувствовал укол и растекающееся по телу оцепенение. Попытавшись вонзить свой клинок в намеченное место, он понял, что не может

этого сделать. Спрятанный кинжал! Да к тому же отравленный! Как это низко и подло, особенно для доблестного вояки. Нистур тяжело сел на заскрипевший под его штанами снег.

— Я повержен. И, главным образом, из-за моих недостойных мужчины сомнений, — произнес Нистур, жалея, что не приготовил для такого случая более патетического заявления. Непростительное упущение для поэта.

— И все же, уважаемый, — обратился он к солдату, — я был о вас лучшего мнения.

Железное Дерево невесело усмехнулся.

— Будь это кинжал — разве ты смог бы сидеть и нести всякую чушь? — Слова с трудом вырывались из его полупарализованной гортани. — Нет, твой язык был бы уже намертво приколот к глотке. Вот, взгляни, какая девочка тебя поцеловала.

С этими словами солдат вновь поднял руку и показал асассину повернутое наружу кольцо. На обратной стороне украшения золотые нити сплетались в сложный узор. Нистуру уже доводилось видеть этот узор.

— Узел Таналуса! — выдохнул он.

— Точно. Даже такой отчаянный парень, как я, старается обезопасить себя от всякой шушеры. Ну что ж, убийца, теперь ты заколдован и не сможешь причинить мне вреда.

Железное Дерево попытался засмеяться, но силы покинули его. Тело отказывалось служить ему, и лишь глаза, не закатываясь, внимательно, не мигая, смотрели на Нистура.

Тот же, в свою очередь, тоже неподвижно сидел, словно оглушенный. Быть заколдованным и привязанным к тому, кого только что собирался убить?! Не поверить в реальность случившегося

он не мог. Будь заклинание не действующим, он смог бы вонзить клинок в горло противника, даже будучи смертельно раненным. Проблема теперь была другой — что делать? Нистур понятия не имел о том, что за болезнь мучила солдата. Был ли этот приступ смертельным или он должен пройти? Но в любом случае промерзший переулок не место, чтобы проводить ночь, — ни для него, ни для его жертвы-господина.

Ассасин встал и подобрал свой плащ, затем поднял с земли оружие Железного Дерева. Обернувшись, он увидел силуэт в капюшоне, склонившийся над его предполагавшейся жертвой.

— Эй, ты! Пошел прочь от этого человека!

Незнакомец выпрямился, и Нистур узнал человека по имени Ракушка, которого трактирщик выгнал на улицу.

— Ему нужна помощь, — сказал — или сказала — Ракушка: точно определить этого Нистур не мог.

— Да что ты говоришь! Ни за что не догадался бы по свойственному мне скудоумию.

— Я сейчас позову кого-нибудь, — пробормотало существо неопределенного пола, пробираясь к выходу из тупика вплотную к Нистуру. — Ой, извините, господин, так скользко. Я сейчас...

Не сделав и шага, подозрительная тень была схвачена за плечо Нистуром. Развернув человека в капюшоне к себе лицом, ассасин ловко и привычно наскоро обыскал его. Это мероприятие дало ему двойной результат. Во-первых, оказалось, что Ракушка — женщина или, скорее, девушка, причем худая почти до стадии истощения. Во-вторых, Нистур выяснил род ее деятельности: он извлек на свет два кошелька, один — пустой, а другой —

полный под горловину. Их завязки были аккуратно и чисто срезаны.

— Украсть кошелёк у него — невелика премудрость, — сказал Нистур, указывая на лежащего наемника, но по поводу моего — прими мои комплименты. Я даже ничего не почувствовал.

Ракушка и сама выглядела немало ошарашенной.

— А как же ты догадался?

— Во-первых, бескорыстное милосердие — вещь почти нереальная и потому подозрительная. А во-вторых, я видел, как ловко ты можешь двигаться, поэтому, стоило тебе споткнуться на ровном месте, как я сразу заподозрил неладное. Кстати, странно, что ты не стащила и вот это кольцо.

— Я хотела, — призналась она, — но оно не слезало.

— Многие люди без колебаний забрали бы его вместе с пальцем или с рукой.

На этот раз девушка оскорбилась:

— За кого ты меня принимаешь?

— Давай пока что замнем этот вопрос. Скажи мне лучше, есть ли здесь где-нибудь место, где мой друг мог бы прийти в себя от своего приступа?

Девушка нахмурилась и с сомнением спросила:

— Друг? Не дури меня.

— Теперь — друг. И я чувствую страстное желание помочь ему. Ну, отвечай. Я заплачу тебе, если ты поможешь.

— Я знаю одного лекаря. Очень хорошего. Он живет в старой гавани. А платить мне не надо. Я сама украду все, в чем нуждаюсь.

— Я не собирался подвергать сомнению твой профессионализм, — церемонно извинился Нистур. — Ладно, держи его оружие. Подбери перевязь

и шлем. Я понесу парня, а ты показывай дорогу, только не убегай далеко вперед.

— Ты потащишь его на себе? — скептически отнеслась к его словам девушка. — Да он вполвину больше тебя.

— Как часто люди обманываются, глядя на форму...

Нистур нагнулся над солдатом, приподнял его, подставил плечо под середину тела и разогнул ноги. Железное Дерево повис у него на плече. Нистур продолжил свою речь:

— Уверен, ты и не предполагаешь, что я еще и поэт. Я прав?

— Пожалуй, что так, — удивленно согласилась воришка.

Они направились вниз по улицам по направлению к старому порту. Тучи сгустились, закрыв луну; пошел снег.

Глава 2

алеко еще? — спросил Нистур.

Он пытался не показывать усталости, но солдат в кольчуге на его плече явно становился тяжелее с каждым шагом.

— Совсем рядом. Где-то вот за этим кораблем. В общем, совсем близко.

С этим сомнительным утешением они продолжили свой путь среди лежащих на земле кораблей.

Много лет назад море, отступая от Тарсиса, оставило после себя множество кораблей. Великая Катастрофа случилась в конце навигации, когда все суда — от рыбацких шхун до боевых галер — либо были загнаны в доки, либо стояли на якоре и на рейде. Большинство из них были большими торговыми парусниками с двумя-тремя мачтами, с объемистым трюмом, просторными каютами для пассажиров и внушительными кубриками для команды. Почти все они осели на песчаное дно гавани ровнехонько килем вниз и уже никогда не покидали своего места, разве что по частям.

Спустя годы часть кораблей, в основном небольших, пустили на строительство домов и на дрова. Самые старые просто сгнили,

превратившись в зловонные кучи древесной струхи, но большинство было превращено в дешевое жилье для бедняков и изгоев. Великая Катастрофа коснулась города и мощным землетрясением. Тысячи людей погибли под развалинами домов, и с тех пор выжившие не чувствовали себя спокойно в каменных постройках, предпочитая деревянные хижины или старые корабли.

Толстые бревна шпангоутов, упираясь в борта, поддерживали корпуса судов в вертикальном положении. Некоторые из кораблей обросли пристройками и даже были надстроены на один-два этажа над палубами. В качестве материала для работы опять же шли детали брошенных судов. Над дверями, прорубленными в бортах, тут и там виднелись вывески магазинов, мастерских, увеселительных и питейных заведений. Эти корабли имели более приличный вид, многие даже были заново покрашены. Большинство же превратилось в жалкие лачуги, где ветер гулял по комнатам, проникая в щели между досками обшивки, из которых он давно уже выдул всю смолу и паклю.

Населяли гавань, конечно, жители Тарсиса, но городская власть да и жители самого города не считали их полноправными горожанами, относясь к ним с презрением, как и к иностранцам или гномам.

— Здесь! — победно воскликнула Ракушка.

Они стояли около пузатого торгового корабля — сухогруза средних размеров, некогда годного, скорее всего, для долгих плаваний с небольшим, но дорогим грузом. На взгляд Нистура, корпус неплохо сохранился и явно носил следы бережливой обработки в последнее время. Как и у всех кораблей в этом мертвом порту, у этого

отсутствовали давно спиленные мачты, которые заменила дымовая труба. Струйки дыма над нею выглядели более чем гостеприимно — так казалось уставшему и замерзшему Нистуру. Бледно-желтый свет лился из иллюминаторов в борту судна.

Ракушка громко постучала в дверь.

— Эй, старик! Впусти меня! — крикнула она и повторила довольно бесцеремонный стук.

Дверь приоткрылась, выпуская на открытое снегом дно залива полосу света.

— Кто там? А, Ракушка, это ты? С тобой что-нибудь случилось?

Нистур не видел говорящего, скрытого за створками двери.

— Не со мной. Тут человек, которому чертовски плохо. Не посмотришь, что с ним?

— Думаю, что да. Заносите его.

Хозяин отступил с прохода, в который тотчас же шмыгнула карманница. Нистур, пошатываясь под тяжестью тела, стараясь не задеть за дверные косяки, последовал за ней. Войдя, он оказался в переднем отсеке трюма. Толстые шпангоуты полукругиями уходили к потолку, на котором выделялись лежащие крест-накрест балки. Освещалось это пещероподобное помещение подвешенными к потолку на крючьях судовыми лампами.

— Ну, что с ним, ранен в поединке?

Хозяин оказался мужчиной весьма почтенного возраста, с совершенно седыми волосами и бородой.

— Нет, ни царапины, — ответил Нистур. — Его тут подкосил приступ какой-то странной болезни, а моя подруга сказала, что ты понимаешь толк во врачевании.

— Я всего лишь скромный ученик, лишь кое-что понимающий в этом деле. Зовут меня Станбог, и я не сказал бы, что достоин носить звание лекаря...

— Старик, толстяк хорошо заплатит, — сказала Ракушка, желая помочь делу. — У него полно денег, он ведь наемный у... ой! — воскликнула она, почувствовав железную хватку Нистура на своем плече.

— Я — поэт по имени Нистур и друг этого несчастного человека. Пожалуйста, помоги ему, чем сможешь.

— Я постараюсь. Сделаю, что смогу, независимо от платы. Мирса! Отнеси беднягу в кабинет иними с него эту змеиную шкуру.

Откуда-то из темноты в комнату вошла женщина. Она была намного выше Нистура, с широким, скорее, по-мужски красивым лицом. По ее плечам спускались две толстые косы из странно перемешанных рыжих и светло-золотистых волос. Она явно была родом из какого-то варварского племени, но Нистур так и не смог определить какого, хотя и считал себя знатоком географии и разных народов. Нистура поразило, с какой легкостью она приняла с его плеча безжизненно висящее тело солдата. Ее мощное, красивое, как у храмовой статуи, тело плотно облегалі кожаные одежды. Даже рисунки, украшающие этот наряд, казались татуировкой на ее собственной коже. Как бы ни была тяжела сама женщина, сколько бы ни весила ее ноша, но ни звука не донеслось из-под ее отороченных мехом сапог, когда она шла по дощатому полу к двери в другое помещение.

— Сейчас я его осмотрю, — сказал лекарь. — Проходите, погрейтесь.

Убийца и воровка проследовали за стариком внутрь судна и по деревянному трапу поднялись в другую комнату, бывшую некогда, по всей видимости, капитанской каютой. В ней были окна с литыми стеклами, вдоль тяжелого деревянного стола стояли резные скамьи, а главное — в углу весело гудела сложенная из кирпичей печь, подмигивающая огоньками сквозь отверстия в заслонке.

Нистур снял с себя шляпу и плащ, повесив их на крюк, на котором в прошлом, видимо, висела штормовая накидка капитана. Сняв с плиты медный кувшин, Станбог плеснул теплого вина в кубки и протянул их гостям.

— Премного признателен, — сказал Нистур, отхлебнув и почувствовав, как вино начинает делать свое дело. — Ума не приложу, что случилось с моим другом. Только что он дрался, как... в общем, был весел и здоров и вдруг — задрожал, руки и ноги отказались служить ему, даже голос пропал. Похоже, он может только дышать. Да, еще глаза. Они не пусты. Я уверен, что парень в сознании.

— Ясно, — сказал Станбог. — А никаких признаков болезни раньше не было заметно?

— Еще вечером я обратил внимание на то, что его руки дрожали. А потом... — Нистур явно колебался, стоит ли продолжать.

— Что «потом»? — спросил Станбог.

— Ну, может быть, это к делу не относится, но мы слышали какой-то странный звук, шедший с неба. Похоже на далекий гром — но какая гроза может быть в это время года? Так вот, этот парень просто затрясся от ужаса. Не верю, чтобы солдат, настоящий воин, боялся грома. Скорее всего, у него было какое-то кошмарное видение

или же он вспомнил что-то, что заставило его так ужаснуться.

— Звук, похожий на гром... А сам ты ничего не видел?

— В какой-то миг мне показалось... Да нет, чепуха, ничего не было.

— Ясно, — сказал старик врачеватель, обращаясь к входящей женщине.

— Я приготовила его, — сказала Мирса с таким жутким акцентом, что Нистур с трудом понял ее.

— Я вас ненадолго оставляю, — сказал лекарь. — Грейтесь; угощайтесь вином. Мирса, найди им что-нибудь поесть. В такую ночь человек должен подкрепить свои силы.

Врачеватель вышел, а Мирса направилась к еще одной двери, которая вела, судя по всему, в кухню или же на камбуз, если морская терминология еще была применима к этому странному дому. Ракушка, почувствовав себя как дома, залезла с ногами на один из угловых диванов. Нистур внимательно и с интересом осматривал столь странное, даже с точки зрения такого много повидавшего на своем веку асассина, помещение.

Воздух здесь был наполнен ароматами трав — *лучки высушенной зелени свисали из-под потолка*. Те же ароматы распространяли и засунутые между потолком и поперечными балками полотняные мешки. Книги с магическими заклинаниями и колдовскими текстами делили место на полках с непонятными приспособлениями из дерева, металла, стекла и камней. Целые батареи стеклянных бутылок и каменных флакончиков выстроились вдоль стен, надписанные незнакомыми иероглифами или обозначенные магическими символами. Тут и там валялись кости каких-то непонятных животных,

кое-какие были даже сложены в полные скелеты, застывшие в живых позах. В нескольких ступках и под жерновами были видны перемолотые минералы и перетертые травы.

— И не говори, просто скромный врачеватель, — пробормотал Нистур, берясь за ручку красивого зеркала в бронзовой оправе.

Скосив глаза, он сумел рассмотреть на шее, чуть ниже челюсти, маленький шрам, словно от свежего ожога. При этом боли не чувствовалось, исчезло и онемение. На коже четко отпечатался узор Узла Таналуса, со всеми переплетениями его нитей, размером с отпечаток большого пальца. Нистур со вздохом отложил зеркало. Сколько же ему суждено нести на себе это клеймо и приносимое им заклятие?

Мирса вернулась.

— Вот, держите, — сказала она, — чтоб с голоду не подошли.

Она резко поставила на стол большой поднос, на котором лежали тонкие плоские лепешки, куски сухого сыра, сухофрукты и мелкая вяленая рыбешка. Такая заготовленная впрок еда была нормальной пищей бедняков в это время года. Лишь богатые горожане могли позволить себе покупать свежие продукты.

Ракушка быстро пересела с дивана на скамью у стола и без лишних предисловий принялась набивать себе рот. Нистур сел напротив и начал есть с наименьшей охотой. Его положение было сейчас более чем незавидным, и теперь приходилось наедаться впрок, не зная, когда и где он сможет поесть в следующий раз.

— Не присоединишься к нам? — спросил он у дикарки.

— Не голодная, — сообщила она таким тоном, что стало ясно: никакой голод не заставил бы ее сесть за один стол с ним.

Нистур был уверен, что ничем не оскорбил эту женщину, но и неоправданная враждебность не была ему в новинку. Он решил отнестись к этому делу как философ и поэт и принялся деятельно обглаживать очередную рыбу.

— Мирса, не будь такой суровой, — сказала Ракушка. — Он вовсе не такой плохой, каким кажется. Он застукал меня со своим кошельком и даже не дал пинка.

Договорив, девушка отправила в рот очередной кусок лепешки с сыром.

— Ну, если ты так говоришь, малышка... — Нистур с удивлением увидел какое-то подобие нежности на лице дикарки, погладившей девчонку по голове. Никакого намека на это чувство, разумеется, не было в ее взгляде, устремленном на *него самого*.

— Боюсь, я не смогу определить, откуда ты родом, — попытался завязать разговор Нистур. — Рисунок на твоей тунике напоминает мне украшения некоторых горных племен. А вот покрой брюк и сапоги — скорее как у народов с Ледника. В любом случае, сдается мне, твой дом далеко от этих мест.

— А кто тебе сказал, что у меня есть дом? — возразила Мирса и пошла прочь. На ее широкой спине, расправив крылья, парил нарисованный на коже куртки орел.

— Очень приветливая дама, — усмехнулся Нистур, выждав небольшую паузу.

— Не обращай внимания. Она ненавидит всех и каждого, кроме Станбога и, может быть, меня.

Но и мне нужно держать ухо востро, когда у нее плохое настроение.

— Варвары славятся своей агрессивностью, — заметил он, — но редко она так явно проявляется. Обычно враждебность приберегается для кровных врагов, а с незнакомцами дикари более или менее приветливы, хотя и настороженны.

— Не думаю, что у нее есть свое племя, — сказала Ракушка. — Наверное, она такой же изгой, как и я.

Это кое-что проясняло. Нистур знал, что дикари обычно очень сильно привязаны к своим племенам, кланам или родам. Эти люди, переносящие любые ранения как легкие царапины, выдерживающие любые нагрузки и трудности, панически боятся быть отвергнутыми племенем, быть изгнанными из него. Если эта женщина — изгнанница, то ее дурной характер, пожалуй, более чем простителен.

Через несколько минут врачеватель присоединился к ним. Он налил себе вина, сел за стол и снял с переносицы очки с толстыми линзами.

— В настоящий момент твой друг вне опасности. Через несколько дней он оправится от приступа. Но эта болезнь смертельна, она убьет его через год-другой.

— Что же это за недуг? — спросил Нистур. — Я был знаком с ним совсем недолго, и мне никогда не доводилось видеть ничего подобного ни с ним, ни с кем-либо другим.

— Я думаю, что он отчаянно смелый, дерзкий и страшно невезучий человек... — начал лекарь, но Нистур перебил его:

— О храбрости можно догадаться по его профессии. Редко когда трусливые наемники доживают

даже до его лет. Дерзость и невезение определить сложнее, если нет возможности долго наблюдать за человеком.

— Я знаю, что он дерзок и бесстрашен, потому что однажды он вступил в бой с черным драконом. Не повезло же ему в том, что чудовище укусило его.

— Быть укушенным драконом и выжить после этого! — взвыл Нистур. — Да я сказал бы, что этот парень просто везунчик.

Станбог покачал головой.

— Нет, несмотря на свой страшный вид и жуткие клыки, многие драконы не столь уж сильны в бою. Они слишком уж полагаются на свое отравленное дыхание и огромные, но неуклюжие когти. А этот был, видимо, еще молод, иначе от его яда человек умер бы на месте. А получилось, что твой приятель заработал периодически возвращающиеся приступы паралича. Когда-нибудь паралич затронет сердце или легкие — и он умрет.

— Откуда ты знаешь, что тот дракон был черным? — спросил Нистур.

— Я читал о таком воздействии яда молодых черных драконов в древних книгах. Да к тому же на нем часть драконьей шкуры.

— Он мог и украсть доспехи, — предположила Ракушка, держа в одной руке вяленую рыбу, а в другой — сушеную грушу и явно не зная, в какой очередности съесть их.

— Нет, нет, — не согласился Станбог, — этот костюм был выкроен точно по нему и никому другому не подойдет. Он сидит на нем как влитой, как кожаная одежда на Мирсе. Иногда солдаты переделывают чужую кольчугу под себя, но такая переделка всегда видна за версту. Судя по состо-

янию чешуи, эту шкуру сняли с дракона лет пять назад, не больше. Этот срок совпадает со стадией развития болезни. В общем, человек, лежащий у меня в кабинете, был, по крайней мере, одним из тех, кто убил дракона, снял с него шкуру и сделал себе из нее доспехи.

— Но мести дракона он все же не избежал, — возвышенно произнес Нистур. — Нет, честное слово, случай, достойный поэмы... Я, кстати, специалист по героическому эпосу, если вдруг понадобится.

— Неужели? — сказал Станбог. — А я было подумал о тебе как о человеке, скажем так, более агрессивной профессии.

— Правда? Тогда позволь обратить внимание на тебя, — перевел разговор Нистур. — Все эти колдовские штуковины, твои ученые речи, глубокие познания в области драконов разного цвета — все это вызывает подозрения, что ты не просто скромный лекарь тел человеческих.

Станбог аккуратно протер линзы очков.

— Я ведь только ученик в магических науках, ну, может быть, скромный подмастерье. Но практикую я только искусство врачевания.

— Понятно, — кивнул Нистур. — У тебя, наверное, железный характер и незыблемая воля.

— С чего ты взял? — самым невинным голосом спросил Станбог.

— С того, что очень мало кто из тех, кто освоил магические силы и заклинания, может удержаться и не опробовать их действие на практике. Говорят, что у человека, занимающегося магией, сердце меняет ритм и движется в унисон с вибрациями скрытых сил...

— Доходили до меня эти слухи, — отмахнулся Станбог. — Но я не обращаю на них внимания. Я вот слышал другую сказку: мол, человек, много лет совершенствовавшийся в боевых искусствах, не сможет сдержаться, чтобы не опробовать свои умения в деле, а подчас и не связать свою жизнь и судьбу с оружием. Но мы-то с тобой знаем, что это полная ерунда, пустая болтовня, правда?

— Истинная правда, уважаемый лекарь, — согласился Нистур.

Наблюдавшая за этим словесным поединком Ракушка едва успевала перевести взгляд с одного собеседника на другого. Единственное, что она поняла, это то, что оба хотели побольше узнать друг о друге, не рассказывая слишком много о себе.

Этот странный разговор был прерван громким стуком в дверь.

— Кто там еще? — спросил Станбог.

— Бессонные ночи — извечный спутник врача-*вателя*, — заметил Нистур.

Появилась Мирса, за которой по трапу поднялась маленькая фигурка, оказавшаяся гномом, принадлежащим к совершенно незнакомому Нистуру клану. Борода и усы этого карлика были абсолютно белыми, хотя он не выглядел очень старым, по своим, разумеется, меркам. Его кожа была розовой, как румянец на щеках засмущавшейся девушки. Лишь темно-синие ветви вздувшихся вен пересекали тыльную сторону его ладоней. Гном щурился, словно даже тусклый свет ламп был нестерпимо ярк для него.

— Что случилось, друг мой? — спросил Станбог.

— У малышей опять колики, — ответил гном, голос которого был похож на скрип мельничных

жерновов. — Боюсь, некоторые могут умереть. Не посмотришь, что с ними?

Станбог вздохнул:

— Если ты думаешь, что это так серьезно, то лучше сходить. Мирса, приготовь мою сумку.

Женщина вышла и вернулась через минуту, неся большой мешок из тюленьей кожи.

— Плохая погода, — сообщила она. — И опасно.

— Я подожду тебя снаружи, Станбог, — сказал гном. Он явно хотел поскорее уйти от нестерпимо яркого для него света.

— Если волнуешься, можешь проводить меня, — весело сказал лекарь Мирсе.

— И оставить этих здесь одних? — ткнула она пальцем в гостей.

Лекарь улыбнулся:

— Ракушка никогда не станет воровать у нас, а что касается нашего нового знакомого, то, уверяю тебя, он слишком возвышенная и благородная натура, чтобы опуститься до такого. Нистур, видишь ли, поэт.

Дикарка фыркнула, разумно полагая такой довод не слишком-то убедительным.

— А откуда взялся этот гном? — поинтересовался Нистур. — Я в городе ни одного не видел. Разве что его компания объявилась здесь только этой ночью? Тогда откуда он тебя знает?

— Нет, этот народ живет здесь со дня основания города. Они — наследники тех гномов, которых наняли копать котлованы под первые фундаменты, шахты, колодцы. Многие старые здания в городе уходят на три-четыре этажа под землю. Там и живут гномы Тарсиса. Сейчас их осталось немного — последствия нехватки свежей крови и

вырождения из-за слишком близкородственных браков. Еще несколько поколений — и, боюсь, они совсем исчезнут. Разумеется, по человеческим меркам это не такой уж маленький срок, учитывая, сколько живут эти карлики.

— Интересно. А я-то думал, что в Тарсисе живут только люди.

— Мало что оказывается таким же простым, каким мы видим его в первый раз. Этот город — не исключение. В Тарсисе несколько городов: Старый Город, Новый, Подземный, Гавань — это только основные. Есть и другие. Ну да ладно, пойду я. Тут есть пустые каюты, можешь переночевать. Рано утром я осмотрю твоего знакомого.

— Прими мою глубочайшую признательность, — отвечивал Нистур.

— Не благодари, пока он не оправится, — сказал Станбог.

Надев плащ, лекарь накинул на голову капюшон. Вслед за ним за дверь вышла дикарка, неся на спине его мешок. Напоследок она одарила Нистура взглядом, в который вложила предупреждение о самых печальных для него последствиях, если она, вернувшись, обнаружит какой-нибудь беспорядок. Затем оба скрылись в темноте.

— Этот город, оказывается, более интересное место, чем я мог подумать, — заметил Нистур. — Странная пара. Да еще этот гном. А остальные похожи на него?

Ракушка кивнула:

— Более или менее. Все они живут под землей и не выносят яркого света. Они никому не причиняют вреда, но люди побаиваются их, считая привидениями или чем-нибудь еще.

— Боюсь, что лечение моего приятеля будет недешево. Не знаю, как и чем я смогу рассчитаться.

Глаза девушки широко раскрылись:

— Я видела твой кошелек. Он достаточно тяжел. А старик Станбог никогда не просит много.

— Нет, эти деньги я должен вернуть. Это был мой гонорар за дело, которое я не выполнил. — Нистур печально вздохнул.

Казалось, что глаза воришки вот-вот выпрыгнут из орбит.

— Вернуть? Ты что — спятил?

— Нет. Просто я — человек принципов. Есть такая штука, как профессиональная этика, понимаешь?

— Не понимаю и понимать не хочу! Сначала ты собираешься убить человека, а когда небеса преподносят тебе его на блюдечке, ты вдруг отказываешься от своей затеи. Затем ты тащишь его к доктору, а теперь еще и собираешься вернуть деньги какому-то мерзавцу, который нанял тебя, чтобы убить этого беднягу! Хорош убийца.

— Полегче, полегче! — оскорбленно воскликнул Нистур. — Я не убийца, я — ассасин.

— Невелика разница.

— Я и не ожидал, что ты сможешь понять меня. Ты на себя посмотри. Тоже та еще штучка. Ракушка — очаровательное прозвище. Как ты его заработала?

Девушка широко улыбнулась:

— Это по моему ремеслу.

В тепле она сняла плащ и верхнюю куртку, оставшись в плотной полотняной блузе. Нистур заметил, что она не так уж истощена, как ему показалось вначале; скорее, у нее было стройное,

жилистое тело гимнастки. Откуда-то из-за пояса она вынула кольцо из створки перламутровой ракушки, которое надевалось на первый сустав большого пальца. Ее излом представлял собой острое лезвие не больше дюйма в длину.

— Вот так я и работаю. Отвлекаю человека сама или прошу напарника. А потом шнурок, на котором висит кошелек, пропускаешь между пальцами и режешь кромкой кольца. Дело техники. Обычно клиент даже ничего не чувствует, а когда спохватится — будет уже поздно.

— Знакомый прием. У меня на родине воришки пользовались роговым наперстком и маленьким костяным ножичком на другом пальце. Некоторых из них так и звали — «Рогатые пальцы». Ракушка — куда более приятное прозвище.

— А откуда ты родом?

— Издалека... А как тебя звали, пока ты не получила почетный профессиональный псевдоним?

— А как хотели, так и звали. Обычно не больно-то ласково. Не слишком ли ты много хочешь выудить из меня, не сказав ничего о себе?

— Я просто очень любопытен от природы. И при этом весьма скрытен. Я свободно раскрываю себя только с моей Музой. Не хочешь послушать кое-что из моих откровений?

— Как-нибудь в другой раз, — сказала девушка, выразительно зевая. — Я вот чего думаю: останусь-ка я тоже здесь переночевать. Сто лет досыта на ночь не ела. Пошли, я покажу тебе пустую каюту.

Нистур последовал за ней.

— Ты часто здесь оставалась?

— Один раз, с год назад. Попала в одну заварушку и получила кинжалом по ноге. Меня упекли

в городскую тюрьму, и рана стала гноиться. День ото дня мне становилось все хуже. Одна нищенка, оказавшаяся со мной в камере, рассказала мне о лекаре, который живет в гавани, в старом корабле. Когда меня выпустили, я из последних сил разыскала его. Он спас мне ногу и жизнь. Я здесь прожила чуть ли не месяц на всем готовом, а он даже ни слова не сказал про плату. Вот почему я больше здесь никогда не оставалась.

Нистур, идя за ней следом по узкому коридору с целым рядом дверей, остановился:

— Теперь я не понимаю тебя.

— Я ведь как разумею: если тебя лечат и хорошо с тобой обходятся — не злоупотребляй таким отношением. Теперь понял? Если бы я стала часто ходить сюда, он бы подумал, что я просто пользуюсь его добротой.

— Ну да, тогда ясно, — пробормотал Нистур.

Девушка привела его в узкую комнату с прикрученной к стене и полу кроватью и подсвечником у входа. Небольшой столик, шкаф и табурет дополняли аскетическую обстановку каюты кого-то из младших офицеров экипажа.

Нистур прокашлялся:

— Ты уж извини, что я так грубо и пренебрежительно говорил с тобой. Теперь-то я понимаю, что ты можешь оценить честный и благородный поступок.

— Да, вот еще. — Девушка словно не расслышала его слов. — Я не хотела бы надоесть Мирсе и попасть ей под горячую руку. Эта женщина дрожит над Станбогом, как мать над младенцем.

— Да, парочка действительно хоть куда, — сказал Нистур, сам с трудом удержав зевоту: как-никак, а денек сегодня выдался не из легких. —

Я вообще удивляюсь, как они могли оказаться вместе, да еще и прожить бок о бок столько лет.

— Я, честно говоря, не знаю эту историю, — призналась Ракушка. — Но бьюсь об заклад — без твоих любимых трагедии и проявлений чести там не обошлось.

Он бежал по объятной огнем деревне. Со всех сторон сыпались искры и полыхали языки пламени, пляшущего по стенам и крышам домов. Шум сражения стих. Появилось что-то другое, неизмеримо более страшное. Он никогда не убегал с поля боя, но сейчас он бежал, бежал от чудовищного создания, преследующего его. Удушливое дыхание монстра проникало в легкие обжигающей смесью едкого газа и подхваченного ветром колкого песка. Повсюду лежали трупы крестьян — сожженных или задохнувшихся. На всех лицах застыло выражение запредельного ужаса. Казалось, все погибшие обвиняют его в чем-то.

Над ним нависла огромная крылатая тень, закрывшая, казалось, половину неба. Это чудовище, гнавшееся за ним, приблизилось вплотную. Он знал, что если ему удастся сбросить с себя чешуйчатую кольчугу, то появится надежда на спасение. Но он с ужасом обнаружил, что не может оторвать доспехи от кожи. Чешуйчатая шкура приросла к нему. В ушах слышалось бие-ние огромного сердца чудовища, безмолвно распростершего свои гигантские крылья над ним.

Железное Дерево очнулся, покрытый холодным потом, в ужасе вращая глазами. Где я? — подумал он. Лишь сердце и легкие продолжали работать. Остальные органы и части тела были безжизненны

и неподвижны. Он едва мог дышать и чуть поворачивать голову из стороны в сторону. Руки и ноги перестали быть бесчувственными, но двигаться все еще не могли. Воспоминания о кошмарном сне ослабли, улетучились из памяти, оставив после себя лишь ощущение давно пережитого ужаса.

Итак, еще один приступ позади. Такого сильного и тяжелого у него еще ни разу не было. Над головой он увидел шпангоуты и дощатый потолок. Пахло смолой. Где он? На корабле? Как он сюда попал? Где ассассин? Бой был последним, что осталось у него в памяти. Он все еще был настолько слаб, что ничего не мог сделать, чтобы облегчить свои страдания. Не мог даже позвать на помощь. Он почувствовал, как сон снова наваливается на него, и он, уже засыпая, мысленно зашептал заклинания, выученные несколько лет назад, призванные защитить его от кошмарных видений.

Глава 3

Правитель Тарсиса проводил совещание с Высшим Советом. По древнему обычаю, все советники надели маски, что теоретически должно подчеркивать анонимность их выступлений. Хотя на самом деле все присутствующие прекрасно осведомлены о том, кто есть кто под той или иной маской. Лишь Верховный Правитель присутствовал на Совете с открытым лицом. Это был высокий человек с вечно угрюмым выражением на вытянутой физиономии. Свой пост он занимал не по праву крови. Правитель города избирался двумястами аристократами Нижнего Совета из десяти членов Высшего. Огромные силы, деньги, интриги пускались в ход, чтобы стать членом Высшего Совета. Еще больше умения играть в политические игры и еще больше денег требовалось, чтобы стать Верховным Правителем. Таким образом, на этот пост попадал наиболее изворотливый, по-своему умный и беспринципный из всех аристократов города.

Большинство горожан ничего не знало об этих закулисных играх. Все знали, что кому-то суждено родиться в семье аристократов, кому-то

из них — стать Правителем Тарсиса. Простолюдинам вообще не объявляли ни имени Правителя, ни времени его смерти или переизбрания нового. Для горожан Правитель был как бы один — полутень, полубог — со дня основания города.

В отличие от большинства других городов, высший свет Тарсиса не был обязан своим положением обширным земельным владениям с богатыми пастбищами, пашнями и тучными стадами. В этом городе аристократами были выходцы из древних купеческих родов. После Великой Катастрофы и ухода моря многие из них разорились, а оставшиеся на плаву изо всех сил пытались поддерживать вид беззаботной и помпезной жизни. Когда та или иная семья окончательно погружалась в нищету, то ее представители предпочитали покинуть город, нежели пережить позор лишения титула и обращения в простых горожан.

Земли вокруг Тарсиса были действительно мало пригодны для земледелия. Небольшие крестьянские хозяйства производили лишь самое необходимое для того, чтобы прокормить город, но никак не на внешнюю продажу. С другой стороны, окрестные равнины отлично подходили для скотоводства — разведения тех животных, которые не боятся холодов и не нуждаются в заготовке корма на зиму. Как и в большинстве стран, этим делом здесь занимались кочевые племена, готовые в равной мере как к набегу на город, так и к мирной торговле с ним. Кочевники были воинственны и непредсказуемы. Подчас они нарушали мирные договоры просто со скуки — от нечего делать. Они давно могли бы уничтожить Тарсис, если бы не выясняли постоянно отношения между собой.

Именно они, кочевники, беспокоили Правителя Тарсиса в тот вечер.

— Мои господа, — начал он, — настало время договориться о чем-то конкретном по поводу посольства, присланного в город Киагой Метким Луком, новым Верховным Вождем племен кочевников.

— «Посольство» — не слишком ли громко сказано для кучки немытых дикарей? — сплюнул один из присутствующих, Советник Рукх, главный соперник Правителя на последних выборах, все еще не потерявший надежды занять когда-нибудь этот пост.

— Согласно традициям дипломатии, все делегации называются так, представляют ли они великие цивилизованные страны или мелкие племена дикарей. Это всего лишь условность, но условность, отлично работающая уже не одно столетие. Главного посланника зовут посол Ялмук — Кровавая Стрела, и его присутствие здесь мы будем терпеть, пока его соплеменники не нарушают мир.

— Долго это не протянется, — сказал из-под желтой маски Советник Бласим — толстый ленивый человек, обеспечивший себе место в Высшем Совете только благодаря своему огромному состоянию. — Эти невежественные дикари понятия не имеют о самоограничении. Сами, с позволения сказать, послы перепьются и начнут драться — не успеешь оглянуться. А там и до войны рукой подать.

— Если так произойдет, посольство будет выслано из города, — нетерпеливо сказал Правитель. — Есть куда более серьезные проблемы, чем наша неприязнь к варварам. Нам придется иметь

с ними дело, и успеха мы сможем добиться, только действуя все воедино, одним фронтом и следуя общему плану. Эти дикари, может быть, и примитивно устроены, но они моментально увидят любую нашу слабость и воспользуются ею. Всем понятно, что я сказал?

— Разумеется, Правитель, — ответил нестройный хор.

Приходилось удовлетвориться этим. Правитель знал, что не может положиться ни на одного из присутствующих. Он пожалел, что Тарсис — не настоящее наследное королевство, где каждый аристократ приносит присягу на верность королю. Но чего нет, того нет. Город был основан торговцами, ревностно следившими друг за другом, почти до потери здравого смысла. Они и установили такой порядок, при котором верховная власть вверялась одному выбранному человеку, но ни одна семья не могла навечно присвоить себе титул и право власти. В результате сейчас он, Правитель, был окружен завистниками и соперниками, а не верными вассалами и слугами.

— Советник Мелкар, вы взялись провести разведку владений этого Меткого Лука. Какую реальную опасность он представляет?

На Мелкаре были белые одежды и красная маска. Он ответил:

— Опасность действительно абсолютно реальна. За много поколений Меткий Лук — первый Вождь, провозгласивший себя и, главное, подтверждающий свой титул — Повелителя Пыльных Равнин. Он худо-бедно добился некоторого единства кочевых племен этих самых равнин. Долгие годы кочевники тешили себя междоусобными

войнами, а к нам приходили только затем, чтобы выменять на свое мясо, молоко, шерсть и шкуры то, что производилось в городе или привозилось в него. Киага решил, что теперь пришло время требовать у нас все необходимое как дань, а армия, которую он сколотил, может сделать эти требования более чем убедительными.

Эти слова вызвали всеобщее беспокойство.

— Видели ли вы сами эту армию? — поинтересовался Советник в синей маске.

— Да, видел. Пять тысяч опытных воинов. Все — отличные стрелки. У каждого — четыре-пять первоклассных сменных лошадей. И главное, они верны Меткому Луку. Они полагают, что он — могучий колдун.

— Стрелки, — иронично повторил Советник Рух. — Ребенку известно, что на равнине этим парням лучше не попадаться. Если сумеешь ускользнуть от их лошадей, тебя догонят их стрелы. Но вот что эта гвардия сможет противопоставить стенам и башням города, я, право, не знаю.

— Крепость — надежная защита, — согласился Правитель, — но лучше избежать опасности прежде, чем город будет осажден.

Столь осторожные слова скрывали серьезную озабоченность. Стены Тарсиса были возведены, когда население города было раз в десять больше нынешнего, а множество деревень вокруг составляли в случае опасности дополнительных защитников из крестьян, укрывавшихся в городе. Сейчас стена во многих местах была разрушена, и Правитель не был уверен, что у него хватит солдат хотя бы на треть протяженности укреплений.

— Итак, вы предлагаете посеять семена раздора между племенами? — спросил Советник Бласим.

— Это всегда было нашей политикой, — сказал Правитель. — Нужно отделить кое-кого из участников посольства и поговорить с ними наедине. Я уверен, что кое-кто из них не прочь свалить вожда, прибравшего к рукам их власть. Обычные члены племени могут думать, что он — бог, но вожди и знать уверены, что он просто-напросто очень удачливый и наглый представитель их братии. Да и вообще, я встречал мало людей, не готовых за определенную мзду предать своего господина. А кое-кто готов это сделать и бесплатно — было бы кому.

— Я позволю себе продолжить свою обычную политику, — произнес Бласим. — Попробую убедить некоторых из них в пользе и выгоде мирного сотрудничества с нами, как это было заведено веками.

— Попробуйте. Остальные пусть также действуют каждый по отдельности, но в том же направлении. Сейчас я собираюсь пригласить посланников. Потрудитесь изобразить великий интерес и дружелюбие. Когда начнете переговоры и неофициальные беседы, старайтесь расколоть их, узнать, кто что любит, кому по вкусу вино, кто без ума от золота или красивого оружия. Советник Рукх.

— Да, Правитель.

— Как отвечающему за безопасность города, вам следует осмотреть стены, но потрудитесь сделать это, не особо афишируя. Мне не нужна паника среди горожан. Одновременно займитесь наймом солдат, ошивающихся в портовых

кабаках. Официально это будет набор в карательную экспедицию против бандитов, перекрывших караванный путь из Залива Ледяных Гор. Поселите солдат в старых казармах портового форта — подальше от лагеря кочевников. Если уж суждено быть войне, лучше пожертвовать чужаками, чем своими горожанами.

— Как прикажете, Правитель, — ответил Рух тоном, недалеким от дерзости.

— Кто за все это будет платить? — подал голос Советник Меде, казначей, чью маску пересекала золотая полоса.

Правитель Тарсиса заскрипел зубами. Эти торгаши больше заботятся о деньгах, чем о собственной жизни. Но ему приходилось считаться с их мнением — иначе его положение стало бы еще более шатким.

— Придется поднять таможенные пошлины на провозимые через город товары. Случись заварушка — большая часть наемников погибнет, сэкономив нам деньги на оплату. Есть еще вопросы? Нет? Отлично. Всем понятна наша задача, а теперь примем наших гостей.

Взяв с подставки рядом с троном обтянутый войлоком молоток, Правитель ударил в висящий по соседству гонг. Советники поспешили занять места в креслах, стоящих по обе стороны от трона Правителя.

В дальнем углу зала распахнулась дверь, и на пороге появился мажордом. Ударив жезлом об пол, он громко произнес:

— Что угодно моему господину?

— Пригласи послов Книги — Меткого Лука, — приказал Правитель Тарсиса.

Дворцовый управитель сделал шаг в сторону, и из-за его спины показалась весьма странная процессия. Возглавлял ее человек в выкрашенных в красный цвет козьих шкурах, гордо переступающий короткими кривыми ногами, ни дать ни взять — вылитый принц. Его лицо, покрытое шрамами, украшала змеевидная татуировка. Длинные усы спускались над тонкими губами. Узкие глаза сверкали синими огоньками. На нем была широкая квадратная шапка, отороченная мехом, из-под которой во все стороны торчали разноцветные пряди волос, подозрительно напоминающие человеческие скальпы.

Вслед за ним ступал еще более странный персонаж. Кожаные одеяния этого человека были увешаны разными амулетами и талисманами, костями — равно человеческими и звериными, звякающими бубенчиками и колокольчиками, миниатюрными фигурками животных, отлитыми из бронзы и железа, кусками янтаря, коралла и лазурита. На его поясе висели бубен и рог, а на голове была водружена высокая коническая шляпа из войлока, еще более плотно увешанная всеми вышеперечисленными предметами, свисающими на лицо плотной завесой, почти закрывавшей его от посторонних глаз.

Остальные члены делегации были типичными представителями воинов степей, одетыми в кожи и шкуры, обутыми в мягкие сапоги с загнутыми вверх носками, подпоясанными широкими ремнями с металлическими и каменными украшениями. Сложность татуировок на их лицах указывала на их высокий ранг в своих племенах. Никто из вошедших не был вооружен, но пустые колчаны, ножны и перевязи для луков составляли

часть костюма каждого из них, за исключением шамана.

Мажордом сделал шаг вперед и трижды ударил жезлом о мраморный пол.

— Слушайте все! Правитель Тарсиса и Высший Совет принимают посольство от Киаги — Меткого Лука, Повелителя Пыльных Равнин. Посланник Ялмук — Кровавая Стрела в соответствии с законами Тарсиса вручил свои верительные грамоты Совету и признан полномочным послом со всеми привилегиями и почестями, вытекающими из этого звания.

Мажордом поклонился и вышел из зала. Первым нарушил молчание чужеземец.

— Посол Ялмук был вынужден вручить также свой меч, кинжал, лук и быстрые стрелы. Это оскорбление посланника. Воин степей не может быть лишен своего оружия!

Правитель Тарсиса поборол в себе закипевший *от такой дерзости гнев.*

— Я понимаю, что вы чувствуете себя оскорбленными. Но таков обычай нашего двора. Разве иноземцы появляются перед вашим Вождем с оружием?

— Конечно нет! — воскликнул Ялмук. — Но мой господин Киага — повелитель мира и может приказывать кому угодно, ибо имеет на это право.

Остальные посланники одобрительно зашумались при этих словах.

— Становится ясно, — заявил Правитель Тарсиса, — что вопросы субординации нужно прояснить сейчас, прежде чем мы приступим к дальнейшим переговорам.

— Какие еще переговоры? — возмутился Ялмук. — У меня есть четкие приказы моего Вождя!

— И все же ты должен понять,— собрав в кулак всю выдержку, спокойно и негромко сказал Правитель,— что я ни при каких условиях не соглашусь иметь дело с твоим господином на неправомерной основе. В обычае всех народов, включая и кочевые племена, чтобы правители обращались друг с другом как равный с равным. Я признаю посольство твоего Вождя только на этих условиях.

— Мой мудрый господин,— заносчиво объявил Ялмук,— позволил мне снисходительно принять при необходимости эту твою жалкую просьбу. Отныне и впредь мой Вождь называет тебя братом, равным ему во всем.

— Отлично,— чуть улыбнувшись, сказал Правитель Тарсиса.

Он понял, что весь этот странный спектакль был затеян только для того, чтобы проверить его на крепость, посмотреть, как далеко он шарахнется от занесенного кнута. Это был самый обыкновенный прием, хорошо известный цивилизованной дипломатии.

— Прошу тебя огласить просьбы моего брата, Вождя Киаги — Меткого Лука.

— Требования Киаги — Меткого Лука таковы: до сих пор жители равнин имели обыкновение приходить в Тарсис, чтобы обменять прекрасную и ценную продукцию наших стад и табунов на всякую не стоящую внимания ерунду, произведенную в вашем городе. Отныне и впредь Тарсис будет обязан выплачивать дань каждый год во время праздника Долгого Дня. Дань составляют: тысяча седел из лучшей кожи и дерева, тысяча мечей из лучшей стали, тысяча кинжалов такого же качества, десять тысяч

наконечников для стрел такого же качества, десять тысяч тюков тонкой шерсти, десять тысяч тюков тканого шелка и десять тысяч стальных монет.

На миг в зале воцарилась тишина.

— Я понял, — прокашлялся Правитель. — Даже отложив на миг тот факт, что это не подлежит обсуждению, я хотел бы спросить, понимает ли Вождь Киага, что весьма затруднительно ткать шерстяную ткань, не получая сырья — стриженной шерсти с равнин?

Посол нетерпеливо отмахнулся.

— Разумеется, вы вольны покупать нашу шерсть, как и в прошлом. Лишь цена будет изменена. До сего дня она была равна одной унции серебра за сто весовых мер шерсти. Отныне и впредь она устанавливается в десять раз выше.

— Эти требования абсолютно неприемлемы, — несколько устало произнес Правитель Тарсиса. — Мы не видим причин, по которым стоило бы менять веками сложившиеся отношения между городом и вашим народом. Как бы то ни было, если наши условия обмена и цены кажутся вам не соответствующими истинной стоимости, — что ж, мы готовы к переговорам.

— Вы не поняли намерений Киаги — Меткого Лука, — прошипел посол. — Он не желает вести переговоры. Вы должны принять его условия, в противном случае вас ждут война, осада и истребление!

— Все предельно ясно, — спокойно продолжил Правитель. — И все же нам в любом случае придется обсудить кое-какие вопросы с вашим посольством. А пока что я приказал устроить

завтра вечером большой пир по случаю появления первого посольства от нового Властелина Равнин.

— Мы принимаем ваше предложение, — сказал Ялмук. — Но учтите, у вас мало времени. Через три заката и рассвета мой Вождь прибудет в наш лагерь, и, если он не будет удовлетворен моим докладом, он сотрет Тарсис с лица земли!

Посол развернулся и, не поклонившись, пошел к выходу. За ним последовали его соплеменники. Как только дверь за ними захлопнулась, советники заговорили.

Советник Рукх начал первым:

— Я не ослышался? Этот вшивый и блохастый степной шакал требует дань с нашего города да еще и угрожает нам?

— Успокойтесь, — сказал Правитель. — Это же всего лишь торговля. Вождь кочевников первым взял слово и, естественно, заломил неприемлемую цену. Так он заранее обеспечивает себе положение великодушного и разумного политика, когда ему придется выдвинуть какие-нибудь менее абсурдные требования.

— Мой господин, — обратился к нему Медкар, — я думаю, вы недооцениваете Киагу. Боюсь, он собирается получить все до последней монеты, а в случае отказа — привести в исполнение свои угрозы. Нужно немедленно подготовить город к обороне.

— Я уже отдал необходимые указания, но, надеюсь, обойдется без крови. Завтра на банкете начинаем прощупывать этих дикарей. У нас есть три дня, чтобы отколоть их от своего Вождя. Этого времени должно хватить.

Правитель Тарсиса обвел банкетный зал довольным взглядом. Пока все шло в соответствии с его планами. Дикари орали, пили, жутко воняли, отвратительно вели себя, но пока что до откровенных потасовок дело не доходило. По периметру зала стояли стражники с дубинками наготове, но Правитель не очень-то надеялся на эту охрану. В Тарсисе было мало своих воинов. Городская стража давно уже превратилась в чисто полицейскую команду — плохо обученную и неэффективную.

Все члены Высшего Совета, сняв маски, веселились и улыбались, словно находясь в кругу самых близких людей. Перед каждым из них сидел один из членов посольства, а за дальними концами стола веселились и пировали приглашенные аристократы Нижнего Совета.

Рядом с Правителем сидели Ялмук и шаман, которого называли Говорящий с Тенями. В его компетенцию входило общение с духами умерших, а также тысячами мелких божков и десятком главных божеств жителей степей. Видимо, шаман был крупной шишкой среди своих соплеменников. Он все время находился рядом с Ялмуком, который то и дело обращался к нему за советом. Правитель Тарсиса понял, что шаман — тот человек, которого надо разрабатывать. Проблема была в том, на что может клкнуть этот шарлатан.

— Почтенный Говорящий с Тенями, — обратился к нему Правитель, — это по воле ваших богов Киага — Меткий Лук возвысился до положения Повелителя Пыльных Равнин?

Из-под завесы амулетов и всякой дребедени на него глянули ничего не говорящие глаза шамана.

— Все духи наших предков пришли ко мне и сказали, что Киага и есть тот, о ком пророчествовали долгие века.

— Понятно. То есть это благодаря тебе он стал Вождем?

— Благодаря воле предков, — ответил шаман, — и благодаря своей силе и своему уму. После долгих лет вражды он сумел объединить многие племена.

— Как это впечатляет, — сказал Правитель и подумал, что дело идет, пожалуй, в нужном направлении. Если этот колдунишка помог Киаге стать Вождем, то он должен считать себя по крайней мере равным ему, если не ставит себя выше. Наверное, любой недостаток почестей он воспринимает как личную обиду.

— Твой Вождь должен ценить тебя и ставить выше всех остальных соплеменников.

— Мой Вождь слушает, когда я говорю, — спокойно ответил шаман.

— Да, он слушает своего мудреца, — вставил свое слово Ялмук, — но Вождь знает, что его слова и сила покоятся в мечах и луках его верных воинов!

С этими словами он залпом осушил изрядных размеров кубок с вином.

— У Вождя должны быть воины, — продолжил шаман, — но лучшие стрелки и всадники не помогут ему, если не будет он в согласии с богами и духами предков.

— Как скажешь, шаман, — пробурчал Ялмук.

Через несколько минут посол встал и пошел вдоль стола, и Правитель мог доверительно поговорить с шаманом один на один.

— Похоже, посол думает, что он выше тебя, — прокомментировал он.

Говорящий с Тенями коснулся кончиками пальцев обода бубна.

— Он — великий Вождь своего племени, уступающий только моему господину, который ценит его больше других.

— Я уверен, что это место должно принадлежать тебе — тому, кто привел Киагу к вершине власти и сделал так, чтобы все племена признали его своим господином.

— Киага — Меткий Лук выбирает и решает так, как считает нужным. Негоже обычному человеку подвергать сомнению или обсуждать его решения.

— Ну конечно же. Но мы здесь, в Тарсисе, умеем ценить заслуги по достоинству.

В этот момент Ялмук вернулся к их столу.

Через некоторое время шаман присоединился к группе придворных дам, которые заинтересовались обычаями и обрядами его племени. Правитель Тарсиса получил возможность поговорить с послом один на один.

— Ваш шаман, похоже, высоко себя ценит, — заметил он как бы невзначай.

— А, все эти говоруны с тенями ставят себя выше, чем нужно, — буркнул кочевник, явно с трудом ворочая мозгами и языком от выпитого вина. — Они не работают, у них нет табунов, они не воюют, и при этом они считают, что имеют право жить лучше других да еще и презирать всех остальных.

— Полностью согласен с тобой. Кстати, заметь — в Тарсисе жрецы не лезут в государственные дела. Они занимаются делами божественными, а мы, люди торговые и военные, занимаемся земными проблемами. Я знаю, что ты —

вождь великого племени. И как правитель правителя, я понимаю, что тебя задает то, как много чести выпадает на долю кого-то колдуна, а не достойного человека вроде тебя и твоих воинов.

Ялмук покачал головой:

— Я никогда не оспорю решений своего Вождя. Он не такой, как другие люди.

— Конечно нет. Ты ведь верный слуга своего господина. Поверь, я, как никто другой, знаю цену истинной верности. И я знаю, что такие люди, как ты, никогда не предадут своего Вождя, а вот ваш шаман... боюсь, он не устоит перед соблазном настроить Вождя против тебя. Случись такое, знай — здесь, в Тарсисе, ты всегда найдешь достойный прием и безопасность.

— Я на этот счет не беспокоюсь, — заявил посол, но что-то в его голосе выдавало неуверенность в собственных словах.

К концу банкета Правитель Тарсиса был доволен тем, как он сумел влить яд в свои сладкие речи.

На следующий день члены Высшего Совета собрались в Зале Заседаний, чтобы представить свои доклады Правителю. Первым взял слово Советник Рукх:

— Господин, я принял в своем доме троих дикарей из этого посольства: самого посланника и еще двоих. Одного зовут Гуклак, прозвище другого — Потрясающий Копьем. Посол Ялмук — парень себе на уме, но в целом, боюсь, он достаточно верен своему Вождю. Гуклак — просто фанатик. А вот Потрясающий Копьем — совсем другое дело. Киага победил его в поединке и

насильно присоединил его племя к своему. Естественно, парень не забыл такой обиды, да и по единоличной власти тоскует. А кроме того, он туп, тщеславен и жаден до золота. Думаю, нескольких монет будет достаточно, чтобы перекупить его.

— Очень хорошо, — сказал Правитель, оставив при себе сомнения по поводу верности Ялмука своему Вождю. Так же он не стал вслух подвергать сомнению истинность доклада Рукха. Чем бы ни закончились переговоры Советника с его постояльцами-кочевниками, он расскажет все так, как ему нужно. Правитель Тарсиса знал, что может доверять только той информации, которая подтверждена многократно из самых разных источников, включая доклады его собственных осведомителей, внедренных в дома почти каждого из членов Совета.

Затем Правитель выслушал более или менее сходные доклады других советников.

— Ну что ж, дела идут неплохо, — подытожил он сказанное ими. — Расклад получается примерно такой: треть посольства фанатично предана Киаге, треть колеблется, а треть только ждет повода, чтобы взбунтоваться. Если это действительно так, то мы можем действовать против Киаги по нашей обычной схеме. Я полагаю, что и всех остальных вождей, собирающихся в лагере под нашими стенами, можно разделить примерно в той же пропорции. Я постараюсь затянуть насколько возможно переговоры с посланцем, а вы тем временем продолжайте свои переговоры с другими вождями. Дарите им подарки. Обещайте им почетные звания и титулы — благо, это нам ничего не стоит. Обещайте им золото, даже жен-

щин Тарсиса в жены и наложницы. Обещайте им все, что угодно.

— Киага — Меткий Лук прибывает завтра, господин, — напомнил Советник Мелкар. — Он может быть не в настроении вести переговоры.

— В любом случае продолжайте готовить город к отражению штурма.

— Мой господин, — вотупил в разговор Советник Альбан, известный своей суеверностью, — мой астролог предупредил меня о тяжелом будущем, нависшем над городом. Он говорит, что есть все признаки войны людей, колдунов и драконов. Не может ли этот шаман Киаги быть могущественным магом? Если это так, то какие шаги мы можем сделать, чтобы защитить себя от этой напасти?

Правитель с трудом скрыл неудовольствие. С Альбаном приходилось считаться: у этого старика было огромное состояние. Колдуны? Драконы? Древняя история и легенды! Что все это значит в современной дипломатии и военной науке! Но приходилось говорить спокойно и вежливо:

— Советник Альбан, я говорил с этим шаманом и понял, что это самый обычный кочевник, ничем не отличающийся от остальных. Кроме того, я проконсультировался с торговцами, регулярно общавшимися с этими дикарями. Все в один голос утверждают, что племенные колдуны — просто мелкие шарлатаны. Считается, что они общаются с мертвыми. Ну и что с того? Неужели мертвый дикарь опаснее живого? А кроме того, они умеют только лечить кое-какие болезни да проклиная непокорных соплеменников. Кое-что из этого совсем не требует магических знаний, а все их заклинания — самые простые и

примитивные. Если бы у этих кровожадных ди-
карей были настоящие могучие колдуны, разве не
попытались бы кочевники захватить весь мир еще
много веков назад?

— Мудрые наблюдения, — признал Советник
Альбан, — но есть вероятность, что что-то изме-
нилось. Я получил беспокоящие меня сведения,
господа. Часовые на башнях докладывают, что в
небе время от времени мелькает огромная кры-
латая тень, появление которой сопровождается
далекими раскатами грома. Судя по всему, это
похоже на близкое появление настоящего дракона
типа Великого Вирма. Если это так, то нам грозят
великие бедствия и разрушения.

Правитель Тарсиса вздохнул. Только этого
сейчас не хватало! Ну почему нужно общаться с
таким идиотом? Ответ был дан так же беззвучно,
как был поставлен вопрос. Потому что он богат
и влиятелен, вот почему. Вслух же Правитель
сказал:

— Мой уважаемый Советник, я должен напо-
мнить вам, что вот уже в течение многих поко-
лений ни единого дракона, какого бы то ни было
типа или вида, не было замечено в окрестностях
Тарсиса. Более того, что касается докладов ча-
совых: большинство из несущих службу на баш-
нях — наемники из самых отсталых и прими-
тивных народов. Этим людям дракон мерещится
в каждой туче, как дриады в каждом кусте в
вечернем лесу или привидения в любой темной
комнате.

Эти слова вызвали легкий смешок у присутст-
вующих.

— И все же, — дипломатично завершил свою
речь Правитель, — мы не должны сбрасывать со

счетов никакую опасность. Я просто вынужден умолять вас, Советник Альбан, внимательнейшим образом продолжить ваши изыскания и держать меня в курсе дела.

— Если мне будет позволено, я соберу совет наиболее компетентных в этой области горожан, чтобы выработать должные контрзаклинания и отработать магическую защиту от драконов, — живо принялся за дело Советник Альбан.

— Разумеется. У вас будут все необходимые полномочия, — согласился Правитель.

По крайней мере старый дурак займется делом и не будет мешать настоящей дипломатии.

— Ну а теперь к делу. Все ли готово к приему Книаги — Меткого Лука?

— Почетный эскорт собран и вымуштрован, — отрапортовал Рукх. — Музыканты до сих пор репетируют. Сухие лепестки цветов собраны в корзины и установлены на балконах. К каждой корзине приставлена дама, чтобы осыпать лепестками торжественный кортеж. Если бы этот дикарь приехал летом, он был бы осыпан свежими лепестками, но он, похоже, понятия не имеет о церемониале встреч. Пусть довольствуется сеном. А если серьезно, почтенный Правитель, медленнодвигающаяся по узким улицам процессия — отличная возможность раз и навсегда избавиться от этого властителя мира. Одна стрела — и его нет. А без своего лидера эти кочевники превратятся в стадо, которое останется только грамотно загнать в загон и отправить на бойню.

Правитель Тарсиса кивнул:

— Очень заманчивое решение проблемы. Я прикидывал его с того момента, когда узнал, что этот дикарь собирается приехать в город. Это,

конечно, было бы нарушением всех дипломатических норм и законов, но не это останавливает меня. В конце концов, речь идет не о настоящем короле или правителе, а всего лишь о главаре дикарей. Дело в другом. Есть другие причины, по которым я отвергаю эту идею. Первое — я не думаю, что угроза столь сильна, что стоит прибегать к таким радикальным мерам. Второе — мы еще недостаточно знаем о том, что за армия стоит под нашими стенами. И третье — нашей политикой всегда было натравливать одних дикарей на других, а не предпринимать активных действий самим. Пока я не почувствую, что все возможности исчерпаны, мы будем полагаться на продолжение переговоров и закулисную игру. Всем ясно?

— Да, господин, — хором ответили советники.

— Тогда за дело. И строго следовать моим инструкциям.

В этот вечер, удовлетворенный тем, как идет подготовка по всем возможным направлениям, Правитель Тарсиса направился в спальню, чтобы отдохнуть и хорошенько выспаться перед трудным днем. Но ему не суждено было провести эту ночь спокойно.

— Господин, господин! — Панический крик сопровождался громким стуком в дверь. — Господин, проснитесь!

Правитель Тарсиса сел на кровати и протер руками глаза, пытаясь согнать пелену сна с сознания.

— Ну, что там случилось? — недовольно крикнул он. Ему казалось, что он лишь секунду назад положил голову на подушку.

— Скорее, скорее, господин! Там убийство!

Наконец он узнал этот голос. Констебль Вейт, начальник ночной стражи — достойное место для человека, шарахающегося от собственной тени.

— И чего ради будить меня по этому поводу? — оборвал его Правитель.

Его тон не сулил ничего хорошего тому, кто прерывает его драгоценный сон по всяким пустякам.

— Убит посол дикарей, этот, ну как его, — Ялмук!

При этих словах Правитель бросился к двери и распахнул ее. В спальню ввалился бледный, как полотно, констебль, а за ним — старый слуга, безмолвно принявшийся одевать господина.

— Это случилось на исходе третьей ночной смены, Правитель. Портовый патруль как раз заканчивал осмотр старого волнореза и возвращался во Дворец Правосудия с группой задержанных...

Правитель быстро перевел это бюрократическое заклинание на язык реальности: стражники пропьянствовали ночь напролет в какой-то забегаловке. А чтобы выполнить положенную квоту задержанных, арестовали тех, кто подвернулся под руку, в основном пьяных в хлам посетителей, выставленных трактирщиками за дверь. Банды, терроризировавшие ночной город, оставались вне поля зрения патрулей. Вся полиция годилась только на то, чтобы поднять шум, случись где пожар.

— ...когда до стражников донесся шум с площади.

— Какой площади? — терпеливо спросил Правитель, зная, что Вейт был типичным

констеблем, а значит — несколько туповатым и медленно соображающим (даже в трезвом виде).

— Площадь перед Дворцом Правосудия, господин. Там, около статуи Абушмулума Девятого, собралась толпа.

— Что делала толпа на площади в такой час?

— Она выскочила из таверны «Бездонная бочка», господин. Это заведение — ну прямо за статуей. Тело лежало у ног памятника.

— Его кто-нибудь трогал?

— Нет, господин. Один из стражников сбегал во Дворец Правосудия и сообщил мне о происшествии. Я выставил там пост, а затем тотчас же направился к вашему превосходительству.

— Ты был во Дворце Правосудия и не заметил толпы на площади?

— Они собрались в другом конце, господин. А стены и двери у нас толстые...

Не толще, чем твой череп, подумал Правитель. Вслух же он сказал:

— Констебль Вейт. Я сам осмотрю место происшествия. Не беспокойтесь, дорогу до площади я сам найду. А от вас я хочу, чтобы вы послали по гонцу к каждому воротам с приказом страже никого ни под каким предлогом не выпускать из города! Ни ночью, ни утром не открывать ворот никому! И так до моего особого распоряжения. Вы меня поняли?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Выполняйте.

Расправив плечи и выставив при этом живот, констебль Вейт неумело отсалютовал, неловко повернулся на каблуках, чуть не упав, и выскочил вон из спальни.

Вслед за ним вышел и Правитель Тарсиса. Идя по коридорам дворца и по мерзлым камням мостовой в окружении ночной стражи, он думал, что все предосторожности наверняка уже опоздали. Его не столько беспокоило то, что убийца мог уже покинуть город, сколько то, что известие об убийстве, скорее всего, дойдет до лагеря кочевников. Правителя страшила не сама перспектива войны, а возможность ее развязывания прежде, чем он будет полностью готов к ней.

Перед Дворцом Правосудия Правитель обнаружил довольно большую толпу. Площадь перед дворцом, как и все другие площади города, некогда блиставшие великолепием, теперь же была весьма запущенным пустырем с выщербленным покрытием, обшарпанными фасадами обступивших ее домов и изуродованными, полуразрушенными статуями. Одна из них и представляла собой запечатленный в камне образ Абушмулума Девятого, короля из тех давних времен, когда Тарсисом правили короли, таких давних, что никто уже и не помнил, за что этот монарх удостоился этой статуи. Само собой, ничего больше о нем тоже не было известно.

Плотная цепь стражников с секирами наперевес окружала толпу, в которой большинство составляли подвыпившие горожане и чужеземцы, уже изрядно протрезвевшие на холодном ветру.

— Кто-нибудь из свидетелей ушел с места преступления? — спросил Правитель у старшего стражника из оцепления.

— С тех пор, как мы здесь, — никто, господин Правитель, — отказывал тот.

— Хорошо. Отведите их во Дворец Правосудия и распределите по камерам до допросов.

В этот момент кто-то из кабацких завсегдатаев попытался запротестовать. На это Правитель ответил следующим замечанием:

— Всех, кто будет создавать излишние проблемы, можете убить без суда и следствия.

Протестующие крики тотчас же смолкли.

Конвоиры и задержанные удалились в сторону Дворца Правосудия, и Правитель оглядел оставшуюся перед ним неподвижную фигуру.

— Факелы, — коротко приказал он.

В пляшущем свете перед его глазами предстала страшноватая картина.

Тело лежало навзничь на постаменте статуи — на мраморном кубе высотой почти в немалый рост Правителя. С одной стороны пьедестала свешивались ноги погибшего, обутые в сапоги с загнутыми вверх носками. С другой — голова Ялмука — Кровавой Стрелы глядела застывшими глазами куда-то вдаль. На горле кочевника зиял страшный, глубокий разрез. Большая струя крови сбежала по мраморной глыбе и растеклась лужей по снегу и камням мостовой. Руки вождя были подняты перед грудью, пальцы скрючены и выставлены вперед, словно когти кошки, отбивающейся от врага, лежа на спине.

Над трупом возвышался каменный Абушмулум в своей королевской мантии. Древнему королю, казалось, было неловко, что Правитель застал его в столь неприятной компании.

— Снимите эту падаля и унесите во дворец, — приказал Правитель. — Передайте тем, кто будет его бальзамировать, чтобы они отнесли к этому как к похоронам государственной важности. Хотя он и варвар, дикарь, но — как ни крути — посол. Их Вождь может потребовать тело назад.

Затем Правитель осмотрел пьедестал. Как же убийца поднял тело так высоко? Ялмук не был сухошав, скорее; наоборот, а следовательно, это было дело не для слабосильного. Или же убийца был не один. Но это уже не имело значения. Хуже всего было то, что этот дурак Ялмук соизволил оказаться зарезанным внутри стен Тарсиса, проявив невежливость и явно желая опозорить город и его Правителя. Это было совершенно бестактно.

А хуже всего то, что наутро должен был появиться Киага — Меткий Лук. Он-то явно захочет выяснить, что случилось с его послами. Стоит ли надеяться на то, что он не узнает об убийстве?

Правитель был вынужден признаться себе, что такая надежда была бы самообманом. В «Бездонной бочке» было полным-полно посетителей, и многие из них наверняка тотчас же отправились в лагерь кочевников, чтобы передать столь важную новость. После приказа никого не выпускать из города возможность проникнуть за ворота просто-напросто стала дороже. Взятка охране вместо медяка стала равняться двум или самое большее трем монетам. Знай Правитель, что новость можно удержать в городе, — он, не колеблясь, посадил бы под арест всех жителей, жестоко расправляясь с теми, кто ослушался бы его приказа. Но судя по всему, такие драконовские методы были бы бессмысленны.

Идя по направлению к portalу Дворца Правосудия, Правитель вдруг почувствовал, что над ним нависла какая-то черная тень. Подняв голову, он увидел, что между темно-серыми тучами мелькнул какой-то змеевидный силуэт. Мелькнул — и

тотчас же исчез. Какая-то невыносимая тяжесть навалилась на плечи Правителя. Даже изваяние древнего короля, казалось, гневно глядело на него, словно упрекая в том, что некогда великий, процветающий город дошел до такого жалкого состояния.

Правитель потрянул головой, чтобы сбросить эти нездоровые видения. Похоже, что эти неприятности вкупе с бреднями колдунишки Альбана плохо действуют на меня, сказал он сам себе. Ничего удивительного. Куда более загадочно сейчас, например, то, как убийце удалось затащить труп на пьедестал.

Глава 4

Барабанная дробь глухо доносилась до старого порта из-за городских стен. Железное Дерево и Нистур стояли на бывшей палубе корабля, служившей теперь крышей этому странному дому. Тут и там вокруг них поднимались к небу дымы других очагов и печей, выходившие из заменивших мачты труб.

— Кочевники нервничают, — заметил Железное Дерево, прикрывая лицо от ледяного ветра. — Им нужно сражаться или двигаться куда-то. Они не привыкли так долго оставаться на одном месте, ничего не делая.

— Тут ходят слухи, — сказал Нистур, — что у них появился новый вождь, сумевший объединить их племена.

— Похоже, это больше чем слухи. Я уже три года слышу об этом человеке, который называет себя Киага — Меткий Лук. Видел я и то, что осталось от городов на краю пустыни, взятых его воинами.

Нистур пожал плечами:

— Эти беззащитные городишки под силу захватить даже банде с большой дороги. Взять такой город, как этот, — совсем другое дело.

— Я еще кое-что узнал, — добавил Железное Дерево. — Ракушка сказала, что в городе появились чиновники, набирающие в солдаты всех, кто пожелает. Плату предлагают хорошую.

Нистур подчеркнуто заботливо посмотрел на него.

— Какая жалость, что ты сейчас не в том состоянии, чтобы наниматься в солдаты.

— Я уже почти поправился, — возразил солдат. — Слабость всегда проходит через два-три дня после приступа. Так что я готов к службе хоть сейчас.

— И все же стоит ли ввязываться в это дело? Правители Тарсиса славятся скупостью и умением нечестно вести все сделки.

— Наемник, который ищет господина с хорошим характером, очень быстро сдохнет с голоду. В день выплаты основного жалованья господа всегда устраивают склоку, но в итоге платят почти все, о чем договаривались, потому что они нас боятся.

— Да, эти дела ты лучше меня знаешь, — признал Нистур. — Но мне не улыбается перспектива воевать на стороне обреченных. Как ты думаешь, эта толпа дикарей может одолеть Тарсис?

— Я не знаю, в каком состоянии оборона города, его стены, — пожал плечами Железное Дерево. — Никогда не думал, что найду здесь работу. Тарсис — то место, где наемники проводят время между войнами. Тут появляется множество заказчиков — и человек моей профессии не засиживается долго без работы, прогуляв последний заработанный грош. А что касается твоего вопроса, то кочевники — великолепные воины, но в основном как конные лучники. В чистом

поле с ними лучше не встречаться. Уйдешь от их скакунов — попадешь под стрелу. В ближнем бою они неплохо орудуют копьем и весьма посредственно — мечом. Обычно укрепленный город — орешек не по их зубам. Для штурма нужны осадные машины. Нужны люди, умеющие вести подкопы, строить катапульты. У кочевников всего этого нет. Защищать такой город можно, всего лишь контролируя стены и подходы к ним и выжидая, пока кочевникам не надоеет это дело и они не снимут осаду.

— Может быть, — с сомнением сказал Нистур. — Но это ведь город торгашей, а они ни за что не согласятся пожертвовать частью своих денег. Только уж в отчаянной ситуации, при смертельной опасности.

— И все равно, — отрезал Железное Дерево, — легкая это будет война или нет, я нанимаюсь в защитники. Не могу же я и дальше сидеть на шее у доброго старика.

Нистур сокрушенно вздохнул:

— Значит, я обречен наниматься вместе с тобой. — И он задумчиво почесал клеймо, оставленное на его шее кольцом Железного Дерева.

Наемник одарил его грустной улыбкой.

— Если не хочешь оказаться привороженным к наемнику — не нанимайся сам убивать его. Ничего, Нистур. Умереть, повинувшись древнему волшебству, — не худшая судьба.

— Остается только проверить правоту твоих мыслей на деле, — пробурчал экс-ассassin.

Над таверной покачивалась вывеска с изображением двух скрещенных ножей. Уже с порога вошедшие увидели, что, несмотря на ранний час,

в заведении было полно людей, в основном одетых в разнокалиберные, несомненно, трофейные доспехи наемных солдат. Просто цельный набор брони, без повреждений и по размеру, был здесь редкостью, не говоря уже о такой диковине, как идеально пригнанная драконья кольчуга Железного Дерева.

В одном углу комнаты спиной к очагу сидел офицер, проводивший запись. В его руках были пергаментный свиток и золоченое перо. Бок о бок с ним важно восседал представитель городского казначейства, перед которым возвышались столбики по пять стальных монет в каждом. Желаящие получить работу, вспомнив армейскую дисциплину, выстроились в более или менее организованную очередь. Зарегистрировавшись в пергаментном списке, каждый солдат получал свои пять монет.

— Пять железяк только за запись. — Железное Дерево довольно хмыкнул. — Неплохое начало.

— Вот только правителям Тарсиса это почти ничего не стоит, — вздохнул его компаньон.

— Это почему?

— Наемники потратят почти все эти деньги здесь же, в Тарсисе. В основном в кабаках и гостиницах. Правитель введет специальный налог на покрытие военных расходов. Большую его часть выплатят хозяева этих заведений. Очень скоро эти монеты вновь перекочат в городскую казну.

— Верно соображаешь, — согласился Железное Дерево, — скупердяничать они всегда начинают ближе к концу. Чаще всего в середине кампании выплату жалованья приостанавливают, обещая все заплатить в конце, да еще и с

надбавкой. Вот тогда и нужно насаждать на них всерьез.

— Как странно — честному человеку приходится собачиться из-за уже оговоренных денег со всяким сбродом, я имею в виду хозяев, — сообщил Нистур.

Подошла их очередь. С лица офицера слетело выражение презрительной скуки, когда его взгляд наткнулся на доспехи и оружие Железного Дерева.

— Неплохо смотришься, — заявил он. — А вот твой приятель не очень-то похож на солдата. Что скажешь?

— А я и не вояка, — вступился за себя Нистур. — Я вообще поэт!

— Он куда лучше управляется с мечом, чем можно подумать, глядя на него, могу вас уверить, — с полным правом сказал Железное Дерево.

— Думаю, что к твоей характеристике стоит прислушаться, — согласился чиновник. — Ты и сам выглядишь как офицер.

— Я был пехотным капитаном в полудожине армий.

— Отлично. Я набираю солдат в полк Шагбара. Ему нужны опытные офицеры. На первых порах — двойная плата. Твое имя?

— Железное Дерево.

Золотое перо, только что опустившееся в зеленые чернила, зависло над пергаментом.

— Железное Дерево? Слышали мы об одном таком, слышали.

— Да кто о нем не слыхал, — сказал наемник в изрядно исцарапанной бронзовой кирасе и не менее старом шлеме. — Он же проклятый. С ним никто служить не захочет.

Остальные согласно загнули.

— Это правда? Ты и есть тот самый Железное Дерево?

— Да, это я. Но на мне нет проклятия. Просто дело в том, что я...

Чиновник поднял руку:

— Достаточно. Можешь не продолжать. Я должен учитывать общее мнение, ты ведь понимаешь. Я не могу нанять того, кому не доверяют остальные, не могу жертвовать эффективностью своих людей. Ты уж не обижайся. Я сам против тебя ничего не имею.

— Ну да, ничего не имеешь, — грубо повторил его слова Железное Дерево.

Резко развернувшись, он растолкал очередь и вышел на улицу. Нистур же облегченно вздохнул:

— Ну и ладно. Не пойти ли нам обратно к гостеприимному лекарю, чтобы в спокойной обстановке обсудить кое-какие планы на предмет того, как убраться подальше из этого города?

— Я умею только воевать, — сказал Железное Дерево. — Пойдем попытаем счастья у других вербовщиков.

С печальным вздохом Нистур последовал за ним, кутаясь в плащ.

К обеду им дали от ворот поворот еще в шести тавернах. Дурная слава Железного Древа всюду опережала его. Никто толком не знал, что с ним не так, но никто не соглашался служить с ним. В полном отчаянии приятели забрели в какую-то трущобу, где наткнулись на открытую покосившуюся дверь, над которой вместо вывески был прибит человеческий череп с торчащей в одной из глазниц рукояткой кинжала.

— Будет ли это разумным шагом? — поинтересовался Нистур. — Нам сегодня отказали во всех

мало-мальски приличных полках. В последний набирали всякий сброд. Не сомневаюсь, что здесь вербуют только отпетых бандитов, по которым давно петля плачет.

— Разумным шагом? — переспросил солдат. — А кто говорит о здравом смысле? Нет, просто я должен получить работу. Неужели в этом огромном городе не найдется полка, отряда или хотя бы банды, где не отказались бы нанять такого, как я?

— Друг мой, — проникновенно заметил Нистур, — я не думаю, что отчаяние, которое охватывает командира при виде одного из его воинов, является тем чувством, которое должно царить в какой бы то ни было армии.

— Мы зря теряем время, — оборвал его Железное Дерево и, чуть нагнув голову, чтобы пройти под низкой дверной притолокой, шагнул вперед.

Наемники, собравшиеся на этом вербовочном пункте, своей свирепостью и омерзительностью превзошли все самые худшие ожидания Нистура.

Даже тусклый свет коптящих ламп не мог скрыть клейма, отсеченные уши, вырванные носы и разные татуировки, которыми правосудие двух дюжин стран метило отъявленных каторжников и смертников. На нескольких шеях и вовсе виднелись синие следы от веревки — следствие неудачной казни через повешение. Доспехов у этого воинства отродясь не водилось. Их оружие составляли длинные кинжалы, тяжелые тесаки и, лишь у немногих, короткие палаши. Но менее опасными от этого они не выглядели. При первом же взгляде на них становилось ясно, что этим ребятам убить человека не сложнее, чем рюмку опрокинуть.

Человек, проводивший запись, выглядел едва ли чуть приличнее остальных, да и одет был ненамного лучше их. Перед сидевшим рядом с ним хмурым казначеем высились столбики всего из двух монет. Да, здесь вербовали явно не в элитный полк.

Покрасневшими от дыма и винных паров глазами чиновник оглядел вновь прибывших.

— Имя? — хрипло бросил он.

— Железное Дерево. Я... — При этих словах чиновник и казначей зашлись в нездоровом хохоте. — Не понял. Что здесь смешного? — угрожающим голосом спросил Железное Дерево.

— Смешного? Да тут умереть со смеху можно. Я, конечно, не семи пядей во лбу, но и не настолько туп, чтобы нанимать человека, который известен всем и каждому тем, что приносит несчастья всем, с кем ни свяжется. Ступай, приятель, да если я даже... — Голос чиновника сменился хрипом, когда на его горле сомкнулись пальцы Железного Дерева.

Солдат с завидной легкостью выволок вербовщика из-за стола и прижал того к каменной стене.

— Ты, видать, трижды тупой, если думаешь, что я готов унижаться и выслушивать оскорбления от какого-то капрала, поставленного над бандитской шайкой. На что вас нанимают: добивать раненых, шарить по их кошелькам после того, как другие завершат сражение?

С нечленораздельным криком вербовщик схватил кинжал, но его рука была тотчас же остановлена коротким режущим ударом стилета Нистура. Из раны на запястье полилась кровь; и кинжал выпал из онемевших пальцев.

— Не стоит драться, обменявшись противоречивыми мнениями, — заметил экс-асассин.

— Убить их! — взвыл вербовщик, зажимая здоровой рукой рану, чтобы прекратить кровотечение.

Желая порадовать своего начальника, только что записанные наемники бросились на двух чужаков. Нистуру пришлось тотчас же расквасить нос одному из нападавших ударом щита. Второй получил не менее ощутимый удар гардой меча в челюсть. Железное Дерево обезвредил еще двоих, взмахнув по разу мечом и кинжалом.

Краем глаза Нистур заметил, что трактирщик, пригнувшись, шмыгнул через открытую дверь на улицу. Настало время уходить. В переполненном зале было трудно эффективно использовать оружие.

— Уходим! — сказал Нистур. — Тут особо не развернешься, да и стража скоро подоспеет.

Еще один бандит упал, схватившись за рану под коленом. Следующий, как и первый, вышел из боя с разбитым конусом щита лицом.

— Пробивайся к выходу, — сказал Железное Дерево. — Я прикрою сзади.

Нистур не стал спорить. Кольчуга солдата давала тому неоспоримое преимущество в положении прикрывающего. На Нистуре же никаких доспехов не было. Через несколько мгновений экс-асассин вывалился в дверной проем и тотчас же откатился в сторону, крикнув: «Давай!» Сразу же за ним последовал его компаньон, на щеке которого появился неглубокий, чуть кровоточащий шрам.

— Пора сваливать! — крикнул Нистур, и оба метнулись к ближайшему перекрестку.

Вслед за ними бросились в погоню и бандиты из таверны. Но за углом все резко остановилось. Там, выстроившись поперек улицы, стояла дюжина стражников с огромной сетью в руках. За первой шеренгой виднелись еще две дюжины солдат с секирами наперевес.

— Именем Правителя Тарсиса, — монотонно загудел из середины строя офицер, — сдайте оружие и проследуйте за нами во Дворец Правосудия.

Железное Дерево вызывающе крикнул:

— С каких это пор городская стража стала так ревностно относиться к своим обязанностям?

— С тех пор, как Правитель объявил в городе военное положение. Ясно тебе, чужеземец? Сдай оружие.

Железное Дерево повернулся к Нистуру:

— По-моему, он просто цену набивает. Но думаю, нескольких медяков на эль ему и паре его приятелей будет достаточно.

— Сдается мне, что на этот раз... — начал Нистур, но его слова утонули в резком окрике офицера:

— Взять их!

В тот же миг на приятелей была наброшена крепкая сеть. Их недавние противники уже давно растворились в темном переулке позади таверны, не желая погибать в явно неравной схватке. Нистур и Железное Дерево тотчас же прекратили сопротивление и были разоружены, связаны и препровождены в изрядно заполненные камеры Дворца Правосудия.

— Вот ведь тупицы, — пробормотал Нистур, приводя в порядок одежду после обыска. — Как

они только умудряются найти все деньги у задержанных, если пропускают даже оружие?

С этими словами он поправил за голенищем стилет и занялся другими, еще более экзотическими приспособлениями, оставшимися при нем после обыска.

— Им нужны твои деньги, а если ты вдруг зарежешься или пырнешь своего сокамерника — в том для них большой беды не будет, — сообщил Железное Дерево.

Оба приятеля сидели на покрытом соломой полу в камере без окон, где находилось еще с дюжину заключенных. Кое-кто из них был с изрядной жестокостью избит. На лицах и телах некоторых виднелись следы пыток средней тяжести.

— Они не сняли мою кольчугу только потому, что она не по размеру ни одному из этих жирных свиней. Но боюсь, они скоро найдут на нее покупателя.

— Заткнитесь, вы оба, — прохрипел один из их сокамерников. — Вас-то хоть было за что арестовывать. Нарушение общественного порядка — вполне достойный повод. А мы вообще ничего не сделали.

Не обращая на него внимания, Нистур наставительным тоном сказал своему компаньону:

— Если бы ты не был так настойчив в желании получить работу, мы, вполне вероятно, не оказались бы в столь дурацком положении. А что касается реплики нашего собрата по несчастью, то осмелюсь заметить, что ни в одной из тюрем я не встречал абсолютно невинных узников. Что привело вас сюда, друг мой? Какая злая игра судьбы? Наверное, негодяй-карманник подкинул

вам за пазуху чужой кошелек и поднял шум, чтобы досадить вам, а самому избежать заслуженного наказания?

Железное Дерево подхватил:

— А я знал одного парня, которого застукали в темном переулке над еще теплым трупом. Одной рукой он держался за рукоять кинжала, вонзенного в сердце убитого, а второй шарил у него за пазухой в поисках кошелька. Так этот умник клялся на суде, что в тот момент он только что наткнулся на беднягу и хотел вытащить кинжал из раны, заодно пытаясь нащупать лульс на теле.

Взрыв невеселого смеха встретил эту историю солдата. Но один из узников, подождав, сказал:

— И все же с нами — совсем другое дело. Мы действительно оказались здесь ни за что. Мы просто сидели в «Бездонной бочке» и выскочили на площадь, когда кто-то заорал, что нашел труп на постаменте памятника, что у самого входа в таверну. Мы хотели только посмотреть, а тут налетела стража, продержала нас на холоде, а потом отвела сюда. Да разве будешь с ними спорить, тем более что сам Правитель приказал.

В разговор вступил другой арестованный, уже изрядно избитый:

— Теперь Правитель и его следователи начали трясти нас всех по очереди. Им нужно выяснить, не видели ли мы или не слышали чего-нибудь, относящегося к убийству. Да кто там чего слышал! А когда результаты допроса следователю не нравятся, сам знаешь, что бывает. С каждым разом нас лупят чуть посерьезнее. Еще немного — и дело дойдет до каленого железа и плетей.

— А что за суматоха из-за какой-то мокрухи? — деловито поинтересовался Нистур. — Важную шишку завалили?

— Какого-то кочевника, — ответил один из арестантов. — Говорят, чуть ли не их посла.

— Понятно, чего эти дикари забили в барабаны, — пробормотал Железное Дерево. — Не думаю, что такая новость настроит их на мирный лад. Как его убили?

— Перерезали глотку, — ответил человек, судя по одежде — странствующий торговец. — В следующий раз, окажись я рядом с трупом в чужом городе, смоюсь куда подальше.

— Мудрый вывод, — прокомментировал Нистур.

Так, рассказывая о себе, узники скоротали время до ужина, когда им принесли жидкую похлебку в деревянных мисках. Чуть позже спокойное течение времени в зарешеченной камере без окон было нарушено шумом и криками в коридоре.

— Руки не распускай! Сама дойду! Хватит шарить, уже все отобрали.

Сомнений не было. Этот голос принадлежал Ракушке, которую вел по коридору стражник в черном балахоне с капюшоном — форме тюремщиков Дворца Правосудия. Дойдя до камеры, где находились ее приятели, Ракушка капризно остановилась и чуть ли не требовательным голосом сказала:

— Хочу в эту!

С этими словами она сунула что-то в ладонь стражника, снимавшего с ее рук конвойные кандалы. Тот, чуть приоткрыв решетку, втолкнул девушку внутрь и тотчас же захлопнул за ней замок. Улыбаясь, Ракушка сказала:

— Ну и ну, кого я вижу!

— Плохой из тебя воришка, — вместо приветствия сообщил Железное Дерево. — При твоей-то работе быть пойманной дважды за несколько дней!

— Я попалась потому, что мне это было нужно.

— Предположим, что это так, — сказал Нистур. — Но объясни тогда, почему ты предпочитаешь сидеть на тюремной соломе, а не гулять на свободе?

— Я хотела разыскать вас, вот почему, — ответила она, присаживаясь рядом.

— Признаюсь, я тронут, — сказал Нистур, — но зачем тебе это?

— Ну, это не совсем моя идея, — созналась Ракушка. — Я узнала, что вас арестовали, и рассказала Станбогу. Он очень боится за тебя, Железное Дерево, и попросил меня помочь вам здесь чем можно. Я-то в этом заведении гость частый, знаю, что к чему...

— Я очень благодарен старику за то, что он меня выходил, — буркнул солдат, — но нянька мне не нужна.

— Конечно, — презрительно улыбнулась девушка, — могучий воин, равного которому нет, но почему-то время от времени падающий на ровном месте без сознания.

— Не обижайся, мы действительно оценили твою жертву, — примирительно сказал Нистур. — Значит, это заведение тебе знакомо?

— Знакомо — не то слово. Я тут чуть не полжизни провела.

— Везет тебе, — буркнул кто-то из узников-иностранцев. — Во многих странах за повторную кражу отрубают руки.

— А кому это здесь нужно? — возразила она. — Страже? Еще чего, я ведь для них — постоянный источник дохода. Зачем им бесполезный инвалид в городе?

— Кстати, — спросил Нистур, — как ты пронесла сюда монету, за которую тебя отправили именно в нашу камеру?

— Лучше не спрашивай, у тебя все равно так не получится, — демонстративно гордо ответила Ракушка.

Правитель Тарсиса спешил к основанию башни, прикрывавшей северную сторону Западных ворот. Здесь еще сильнее слышался барабанный гул, который привел горожан почти что в панику. По пути к воротам Правитель видел ужас, застывший в глазах прохожих, еще вчера выражавших лишь презрение по отношению к варварам-кочевникам.

Внутри башни толстые стены хранили тишину, но на ее верхней площадке барабанная дробь с удвоенной силой наваливалась на уши. Казалось, сами стены содрогаются от этого грохота. Главные ворота Тарсиса и ближайшие стены были надежно защищены гарнизоном городской стражи и, что было более эффективно, элитными отрядами наемных воинов. Но Правитель знал, что большие участки полуразрушенной стены во многих местах едва прикрыты редкими патрулями. Сквозь бой барабанов до его ушей доносились звуки работы кузнецов и плотников, лихорадочно приводивших в порядок военные механизмы и приспособления, запущенные и полуразвалившиеся за долгой ненадобностью.

Правитель направился к площадке для переговоров, которая возвышалась над серединой ворот, проклиная про себя торгашей-сенаторов, так запустивших оборонительные сооружения города. То, что он сам принимал участие в формировании городской политики, никак не умаляло его гнева.

Как только он поднялся на деревянный помост, нависший над воротами, воздух прорезал вой дюжины фанфар. Это дунули в свои инструменты выстроившиеся за спиной Правителя герольды.

Стоя на виду у вражеской армии, выше всех защитных сооружений города, Правитель почувствовал себя неуютно. Но что поделать — тот, кто властвует, должен оправдывать свое звание и положение. Кроме того, несколько зорких телохранителей внимательно следили за неприятельским войском, готовые при первом же намеке на выстрел из лука, арбалета или пущенный из пращи камень сбить господина с ног, повалить его на помост под прикрытие толстых бревен переднего бортика.

Неожиданно барабанный бой стих. Войско кочевников зашевелилось. Задвигались с места на место флаги и штандарты. Правитель, наблюдая за этим зрелищем, нерадостно отметил, что перед ним оказалось чуть ли не вдвое больше воинов, скакунов и шатров, чем он видел два дня назад. Похоже, Киага прибыл не один, а с подкреплением. Плохая новость, нечего сказать.

Армия кочевников представляла собой колоритное зрелище: разноцветная, блестящая упряжь и попоны лошадей, яркие цветные одежды воинов, их начищенные до блеска остроконечные шлемы. Лица кочевников были закрыты до глаз

разноцветными повязками. Воины яростно размахивали над головой мечами и потрясали копьями, украшенными шелковыми лентами. Но Правитель знал, что это был всего лишь спектакль для устрашения. Настоящее оружие кочевников — маленькие, круто изогнутые луки — пока что покоилось притороченным к седлам. Как только оно окажется в руках свирепых воинов, можно будет считать, что игра окончена и война началась всерьез.

Вдруг, словно по команде, армия кочевников расступилась, образуя длинный прямой коридор от ворот до дальнего, самого большого шатра, сотканного из алых и черных полос. Всадники, образовавшие коридор, подняли копья в приветственном салюте.

Правитель увидел приближающиеся к стенам две фигуры. Вскоре в одной из них он узнал Говорящего с Тенями, верховного шамана кочевников. Второй всадник в алом плаще с золотым подбоем, лицо которого закрывала до глаз полувауаль из такой же ткани, не мог быть ни кем иным, кроме как Киагой — Метким Луком.

Чуть позади следовал еще один всадник в сверкающей кольчуге, чье лицо было полностью скрыто за бронзовой маской. Этот воин нес высоко поднятый к небу штандарт — на длинное древко был насажен череп какого-то рогатого животного. Ниже, после венца из развевающихся конских хвостов, колыhalось знамя с вытканной на нем хищной птицей, сжимающей в когтях изогнутую саблю.

Два верховных властителя кочевников и сверкающий знаменосец остановились перед воротами Тарсиса. Повисло молчание.

— Я приветствую тебя, Киага — Меткий Лук. Мир тебе, — прервал паузу Правитель. Его голос, привычный к торжественным церемониям, звучал громко, достойно и уверенно.

— Я не приветствую тебя с миром, Правитель Тарсиса! — прокричал одетый в алое кочевник. — Ты убил моего посла. Этим ты оскорбил меня, всех кочевников Пыльных Равнин и всех бессмертных богов. Не будет мира между нами, пока не восторжествует справедливость!

Начало не предвещало ничего хорошего. Правитель набрал воздуха и заговорил:

— Я пропущу мимо ушей твои оскорбления и невежливость твоих слов. Убийство посланника — серьезный повод для гнева. Но я заверяю тебя, что не имею к этому никакого отношения и что я найду убийцу или убийц. Это несчастье не должно прервать наши переговоры.

— Несчастье? Ты еще не знаешь, что такое настоящее несчастье, Правитель. Но ничего, скоро ты все познаешь сполна! И несчастье, и горе. За нанесенное мне и моему народу оскорбление я разрушу твой город, сровняю его с землей, уничтожу всех его жителей, перепашу всю эту землю и смешаю ее с солью, чтобы даже трава не росла здесь еще сотни лет!

Войско кочевников одобрительно загнуло при этих словах.

Правитель пробурчал себе под нос:

— Этого он делать не собирается, иначе уже давно напал бы на город. А значит, ему нужно сохранить лицо, отложив штурм. Попробуем помочь ему.

Вслух же Правитель произнес:

— Если даже тебе это удастся, то потребует сил и времени. Чего бы ты хотел от меня сейчас, мой брат-правитель?

— Выдай мне убийц! Они должны быть приведены ко мне через пять восходов солнца, чтобы быть преданными смерти по нашим обычаям.

Это уже лучше.

— Будь уверен, они будут найдены. И я лично доставлю их к тебе.

— И не вздумай дурачить меня! — взвыл Киага. — Я не приму трупы тех, кто якобы был убит при аресте.

— Ни в коем случае. Сколько бы человек ни участвовало в заговоре, они все будут доставлены тебе в здравии и в состоянии принять и оценить любое наказание, которое ты сочтешь нужным наложить на них.

— Итак — пять дней! А затем — готовься к войне. Пока я не получу убийц, ни один человек не покинет Тарсиса.

— Согласен, но я требую, чтобы мои уполномоченные следователи имели свободу входа и передвижения по вашему лагерю. И им нужно разрешение на допрос любого из твоих воинов, невзирая на его ранг.

— С чего это я должен позволять такое?

— Потому что я не могу быть уверен, что не твои люди убили Ялмука — Кровавую Стрелу. Много дней твои люди свободно ходили по городу наравне с остальными жителями. И любой из них теоретически мог убить посланника.

— Это абсурд! — крикнул Киага. — Но никто еще не говорил, что Меткий Лук не великодушен и мелочен. Твои офицеры могут свободно приходить в мой лагерь, спрашивать любого из нас

независимо от ранга и получать честные ответы. Я обещаю им безопасность и право возвращения в город. Пусть на них будут твои личные печати. Любой, кто попытается покинуть город без этого пропуска, будет тотчас же убит.

— Согласен! — крикнул Правитель Тарсиса.

— Пять дней! — напомнил Киага.

Развернув коня, он поскакал прочь от ворот Тарсиса. За ним последовали шаман и знаменосец. За все время переговоров шаман не произнес ни слова.

И вновь Правитель Тарсиса собрал Высший Совет. Маски на лицах советников раздражали Правителя, ибо мешали разглядеть выражение лиц. Но ему и в голову не приходило предложить им снять никому не нужные маски. С традициями не шутят.

Слово взял Советник Рукх:

— Не вижу проблемы, господин. У нас в тюрьме полным-полно всякой швали. Выберем парутройку бандитов посвирепее на вид и выдадим их этому дикарю. Тот порадует, да и наш палач получит лишний отгул.

Правитель возразил:

— Не думаю, что Киагу так легко одурачить. Я общался с ним недолго, но он произвел на меня впечатление человека с мозгами. Он готов вести переговоры и торговаться, поэтому не стоит лишний раз провоцировать гнев его самого и его воинов.

В разговор вступил Советник Меде, казначей:

— Уважаемый лорд Рукх прав лишь отчасти. Я знаю, что в Тарсисе есть достаточное количество весьма достойных людей, которые абсолютно ра-

зорены и изрядно задолжали казне. Уверен, что среди них найдутся такие, которые ради благополучия своих семей и погашения долгов согласились бы признаться в убийстве. Сознавшийся аристократ будет выглядеть более убедительно, чем каторжник-головорез.

— Убедительно, но только до первых горячих щипцов, — возразил Правитель, — а там они живо сознаются в обмане.

— Господин, — вставил Советник Мелкар, — а что, если вместо поисков убедительного фальшивого убийцы поискать настоящего, выяснить, кто на самом деле убил варвара, и передать его или их Киаге?

— Это было бы наилучшим выходом, — согласился Правитель, — но боюсь, тут возникнут сложности. Во-первых, у меня нет опытных следователей по таким делам. Наши дознаватели занимаются в основном контрабандистами, теми, кто уклоняется от уплаты налогов, да чиновниками — ворьем и взяточниками. Кроме того, наши аристократы не очень-то жаждут предстать перед допросами каких-то следователей невысокого ранга.

— Я с удовольствием принял бы на себя столь тяжкую обязанность, — негромко сказал Советник Рукх. — Не считая вас, я самый знатный человек в городе и имею полное право опрашивать кого бы то ни было.

С таким же успехом ты можешь быть и убийцей, подумал Правитель и сказал:

— Благодарю вас за готовность возложить на себя сей груз, но я не хотел бы, чтобы люди могли сказать, что мы решаем все дела келейно, выводя себя из-под подозрения, когда назначаем

следователем одного из членов Совета. Я не могу позволить, чтобы наша репутация честных, достойных и бескомпромиссных правителей подвергалась сомнению. Нет, господа, я найду достойного следователя, имеющего опыт и ни кровно, ни финансово не связанного с высшим светом Тарсиса.

Глядя на удаляющихся советников, Правитель прикидывал, сумеет ли он выполнить столь убедительно звучащее решение. Где же найти такого человека? Правитель глянул в сторону песочных часов, стоящих в углу комнаты. Уже весьма ощутимая часть отпущенных ему пяти дней пересыпалась в нижнюю колбу.

Глава 5

Сколько дней мы здесь? — спросил Железное Дерево.

Нистур внимательно посмотрел на своего компаньона.

— Или у тебя очень медленно растет борода, или же мы здесь еще совсем недолго, — раздраженно ответил он.

— Успокойтесь и отдыхайте, — со знанием дела посоветовала Ракушка. — Вы в тюрьме еще и дня не провели. Просто тут время по-другому двигается.

Сама она лежала на спине, закинув ногу на ногу, и жевала соломинку.

— Это не единственное, что здесь идет не так, как обычно, — сказал Нистур, почесав себя под мышкой. — Двуногие обитатели этого места вполне терпимы. Четвероногих можно, по крайней мере, как-то избегать. А вот что делать с шестиногими — ума не приложу.

Оба приятеля отказались от очередной похлебки. Ракушка же, ничуть не смущаясь, умяла их порции, стоя у решетки и болтая о чем-то с охранниками. Вернулась она с задумчивым выражением на лице.

— Ну что, есть новости? — поинтересовался Нистур.

— Кое-какие известия из дворца, — ответила девушка.

— Разумеется, — скептически заметил солдат. — Дворцовая канцелярия не забывает держать тебя в курсе дел.

— Вы что, действительно не знаете, как мир устроен?

— Знаешь, я думал, что знаю, — сказал Нистур, — но, познакомившись с тобой, я скорее склонен усомниться в этом.

— Ну и как он устроен? — буркнул Железное Дерево.

Ракушка улыбнулась:

— Понимаете, богатые и важные люди прячут свои слова и мысли друг от друга, совершенно забывая, что вокруг них есть другие, а то и не считая этих других за людей. Они никогда не обращают внимания на охрану и слуг.

— Справедливое наблюдение, — согласился Нистур. — Ну и что же услышали эти непрошенные уши во дворце?

— Стражники говорят, что из-за этого убитого дикаря могут быть большие неприятности. Вождь кочевников вне себя от ярости. Он дал Правителю пять дней, чтобы найти и доставить ему убийцу. Потом он начнет штурм. Сдается мне, что осталось уже не пять дней, а четыре с половиной.

— Теперь понятно, почему стража так ревностно взялась за дело, — сказал Железное Дерево. — Ну и что дальше собираются делать во дворце?

Ракушка гордо поделилась столь важной информацией:

— У Правителя серьезные трудности. Ему нужно назначить следователя, а он никому не доверяет. Его стражники могут найти только кружку с

элементом на расстоянии вытянутой руки. А любой из членов Высшего Совета не преминет воспользоваться такими полномочиями, чтобы избавиться от самых опасных конкурентов, а то и подсадить самого Правителя.

— А другие чиновники? — спросил Нистур. — Судьи, например? Неужели в правительстве города не найдется достойных людей?

— Все они получили эти места по протекции и теперь полностью зависят от своих патронов среди советников, — ответила Ракушка.

— Над этим стоит поразмышлять, — пробормотал Нистур, почесывая бородку.

— Вот еще, — буркнул солдат. — Что тебе до дворцовых дел, когда сам ты в тюрьме?

— Нет, нет, подожди. Слушай, Ракушка, а твоя система наоборот не работает? Ну, не сможешь ли ты передать кое-что отсюда во дворец?

Девушка подумала.

— Никогда не пробовала. Но, наверное, должно получиться. Проблема в том, что слуги-то всегда прислушиваются к словам господина, а вот наоборот — далеко не всегда.

— Да, это будет труднее, но надеюсь, что немалого, — сказал Нистур. — Тут нужно подключить материальную заинтересованность. Я думаю, что если обещать каждому, кто будет участвовать в этой цепочке, некоторое вознаграждение, то наше послание довольно быстро дойдет до Правителя.

— Какое еще послание? — удивился Железное Дерево.

— Я просто ишу способ выбраться из этой клетки, куда, смею напомнить, нас привела главным образом твоя настойчивость в поисках работы.

— Хватит напоминать мне об этом. Что ты задумал?

— Минутку. Вдохновение нисходит от богов, а они подчас весьма неторопливы.

Солдат и девушка терпеливо ждали, пока экс-ассасин и поэт размышлял. Наконец он снова нарушил молчание:

— Я полагаю, что мы можем стать решением той самой проблемы, которая так мучает господина Правителя. Представьте себе, что он узнает, будто в его темнице томятся узники, чье ремесло — расследование убийств, заговоров и прочей грязи. Не востребует ли он услуг таких людей?

— Еще как востребует, — согласился Железное Дерево, а затем, оглядевшись, поинтересовался: — Но вот где он их возьмет?

— Не прикидывайся болваном, — недовольно фыркнул Нистур. — Мне сейчас не до удовлетворения твоего чувства юмора. Сосредоточься лучше на придумывании для нас блестящей легенды о наших успехах в прошлом в разных странах, достаточно далеких от Тарсиса.

— Первый шаг может сработать, — признал Железное Дерево. — Правитель вытащит нас отсюда и вызовет к себе. Проблема в другом — поверит ли он нам?

— Ты забываешь о ключевом факторе. Он страстно захочет поверить нам, цепляясь за единственную возможность решить свою проблему. Поэтому он закроет глаза на многое из того, на что в другой раз несомненно обратил бы внимание.

— Попробовать стоит, — сказал солдат. — По крайней мере выберемся из-за решетки, а там уже будем думать, как уйти из города.

— Не знаю... — усомнилась Ракушка. — Передать что-то просто во дворец — не проблема. А вот самому Правителю — я не уверена.

— У самого неприступного властителя есть доверенные слуги — старая няня, верный паж, иногда мажордом...

— Виночерпий! — воскликнул Железное Дерево. — В городе, где никто из аристократов не доверяет друг другу и боится быть отравленным, виночерпий должен быть самым надежным человеком.

— Замечательно, — заметил Нистур. — Мой друг, ты уже делаешь первые успехи на новом поприще.

Ракушка посмотрела на одного приятеля, потом на другого и поинтересовалась:

— А как же я? Мне что, так и сидеть тут?

— Не волнуйся, — успокоил ее Нистур. — Окажись мы на свободе, уж как-нибудь тебя вытащим. А теперь, подруга, слушай внимательно, что именно ты должна передать во дворец.

Склонившись к ней, Нистур с четверть часа негромко втолковывал девушке что-то; затем Ракушка встала, подошла к решетке и забарабанила по прутьям.

Правитель Тарсиса поймал себя на том, что грызет ногти. А ведь от этой привычки он избавился много лет назад. Песчинки одна за другой пересыпались в нижнюю колбу часов, а решение проблемы не становилось ни на йоту ближе. Ни один из опрошенных чиновников не показался ему ни достаточно умным, ни достойным доверия. А уж о сочетании этих двух качеств и мечтать не приходилось.

— Господин?

Правитель поднял голову и увидел стоящего перед ним виночерпия.

— Что?

— Вам нужно подкрепить силы, господин. Вы не спали и не ели с того времени, как прибыл этот вождь дикарей. Нельзя так пренебрегать собой. Я приказал повару приготовить для вас кое-чего вкусного, а сам смешал несколько бодрящих напитков.

Старик держал перед собой большой поднос с несколькими тарелками и большой чашей теплого вина, от которой шел запах каких-то трав.

— Наверное, ты прав, — согласился Правитель и потянулся к чаше.

— Господин, знаете ли, я тут узнал кое-что интересное. Быть может, это окажется полезным в решении проблемы с кочевниками.

— Да? — с надеждой спросил Правитель. — Что ты узнал? Неужели нашлись свидетели? Кто-то видел убийц и может описать их?

— Нет, господин, не совсем это. Просто у вас в тюрьме под Дворцом Правосудия находятся два чужеземца, которые известны во многих странах как следователи по убийствам, заговорам и всяким таким делам.

— Ерунда! Я вчера утром сам допрашивал всех свидетелей с места преступления. Не было в тюрьме никаких таких чужеземцев.

— Я слышал, что их задержали только вчера вечером, за нарушение порядка.

— Тогда... пошли-ка за констеблем Вейтом. Немедленно.

Виночерпий бросился исполнять приказание, а Правитель Тарсиса стал прикидывать преимуще-

ства такого поворота дел. Если все это правда, то вполне возможен благоприятный исход: ведь именно такие следователи ему и нужны — не местные, не повязанные с его главным соперниками в борьбе за власть. Как виночерпий узнал об этих людях, Правителя не интересовало. Он достаточно доверял старику, но никогда не снисходил до того, чтобы вникнуть в его мысли или внутренний мир. Обычно он вообще едва замечал его присутствие.

Минуту спустя появился констебль Вейт.

— В нижней тюрьме находятся два чужеземца, задержанные за нарушение порядка вчера после обеда, — сказал Правитель. — Они утверждают, что являются следователями по убийствам. Привести их ко мне.

Вейт заморгал:

— Но... Господин, я не слышал о таких задержанных...

— Зато я слышал. У Правителя Тарсиса есть источники информации, недоступные какому-то констеблю. Иди и выполняй приказание.

— Слушаюсь, господин! — Констебль отдал честь, развернулся на каблуках и бросился к выходу.

Меньше чем через час Вейт вернулся. Вслед за ним конвоиры ввели в зал двух закованных в кандалы узников. Один был высоким, крепким на вид парнем в очень необычной кольчуге. Второй скорее походил на купца или молодого ученого. Причем он умудрился даже из камеры выйти так, что сохранил некоторое подобие достоинства в своем костюме. Замыкал процессию стражник, с трудом тащивший в руках оружие и личные вещи, конфискованные у задержанных при аресте.

— Вот эти чужеземцы, господин, — доложил Вейт сам собой разумеющийся факт.

— Детектив Нистур, к вашим услугам, мой господин, — сказал один из пленников, умудрившись при этом, несмотря на ручные и ножные кандалы, отвесить церемонный поклон и снять шляпу.

— Детектив Железное Дерево, мой господин, — сообщил второй, коротко, по-военному поклонившись и отдав честь.

— Констебль, — обратился Правитель к Вейту, — можете быть свободны вместе с охраной. И снимите с них эти железяки.

— Господин, это опасные преступники! — запротестовал Вейт.

— Снимите кандалы и вынесите их оружие из зала. Я буду в достаточной безопасности, если вы останетесь за дверью.

— Как прикажете, господин, — с сомнением согласился констебль.

Повернувшись к арестованным, он пригрозил:

— Чтоб без шуток! Только дернитесь! Не забывайте, я здесь — за дверью.

— Да уж, при таких-то угрозах — кто посмеет хоть шаг ступить? — заметил Нистур.

Зазвенели падающие на пол цепи, и стражники вышли из зала. Последним шел Вейт, подозрительно оглядываясь на арестованных.

— У меня не так много времени, чтобы тратить его попусту, — сказал Правитель Тарсиса. — До меня дошло известие, что вы двое — опытные следователи. Это так?

— И даже более того, — сказал Нистур, подкручивая кончик левого уса. — Мы очень известны во многих местах. Взять хотя бы великий город

Тансуг. Кто, как не мы, расследовали и предупредили о страшном заговоре жрецов Жабьего Бога?

— Тансуг? — переспросил Правитель. — Никогда не слышал о таком городе.

— Это довольно далеко отсюда. Но о Палантасе вам уж наверняка известно.

— Разумеется.

— Так вот, всего-то полгода назад именно мы нашли убийцу Йесамуна, главы Гильдии Строителей. Вам следует всего лишь послать туда гонца и получить от тамошнего правителя подтверждение. Я думаю, он даст нам самые лучшие рекомендации.

— На это уйдет несколько недель. У меня нет столько времени.

— Очень жаль, — продолжил Нистур. — Всегда лучше заручиться чьей-нибудь поддержкой на новом месте. Но могу дать вам слово благородного человека, что мы — я и мой коллега — непревзойденные мастера расследования уголовных дел. Только дайте нам разрешение, предоставьте полномочия — и мы сделаем все, что вам нужно.

Правитель долго молча смотрел на них, а затем все же принял решение.

— Рискнем, пожалуй. Но учтите, что, скорее всего, первое же ваше дело в этом городе станет для вас последним. У вас есть всего лишь чуть больше четырех дней, чтобы распутать убийство. После этого армия кочевников уничтожит... возьмет город в осаду. Мне же нужно от вас вот что... — И Правитель коротко ввел приятелей в курс дела, рассказав о переговорах, о том, как был найден труп посла, и о требованиях Киаги — Меткого Лука.

— Все ясно, — сказал Нистур, дослушав рассказ до конца. — Не волнуйтесь. Злоумышленник

или злоумышленники будут переданы вам в течение четырех дней.

— Рекомендую вам сдержать свое слово, — не очень любезно сказал Правитель и, посмотрев на Железное Дерево, добавил: — Я смотрю, твой приятель не очень-то разговорчив.

Нистур поспешил объяснить:

— Я — аналитический центр нашего дуэта. А мой компаньон обеспечивает военно-боевую экспертизу, что, сами понимаете, немаловажно в таких делах.

— Да, ты-то явно не боец, — сказал Правитель, кивнув в сторону Нистура.

Затем он встал и подошел к резному деревянному сундуку, откуда извлек на свет два серебряных амулета с его личной печатью. Амулеты висели на тонких серебряных цепочках.

— С этой печатью вы можете везде проходить и всех допрашивать, включая и лагерь кочевников.

— Нам нужна еще одна печать, мой господин, — сказал Нистур.

— Еще одна? Зачем?

— Нам потребуется проводник — мы ведь не знаем города. В тюрьме мы познакомились с одной молодой горожанкой по имени Ракушка. Похоже, она прекрасно ориентируется во всех районах города. Если вы согласитесь выпустить ее под нашу ответственность, мы обязуемся проследить за ее законопослушным поведением.

— Констебль Вейт!

Констебль, словно слон, ввалился в зал.

— Да, мой господин!

— В тюрьме есть заключенная по имени Ракушка?

— Так точно, мой господин! Она у нас всегда.

— Привести ее сюда.

— Слушаюсь, мой господин.

Казалось, констебль уже перешел порог способности удивляться. Подождав, пока за ним закроется дверь, Нистур вновь заговорил:

— Остался еще один маленький момент, господин.

— Не понимаю, о чем идет речь. Вы получили задание, полномочия, и каждая секунда, проведенная здесь, является потерянным для следствия временем.

— Я имею в виду наш гонорар.

— Гонорар? Ты имеешь в виду плату, деньги?

— Господин на редкость догадлив.

— Вам обоим нравится дышать, не так ли?

— Осмелюсь признаться, что я с трудом представляю себе жизнь без удовлетворения этой скромной потребности, — сообщил Нистур.

— Так вот. Выполните то, за что взялись, — и я позволю вам дышать. Провалите дело — вас повесят. Я думаю, что жизнь — достаточно щедрый гонорар. Кстати, еще можно будет выдать вас Книге. Этот парень найдет что-нибудь повеселее банальной виселицы.

— Как будет угодно господину, — печально согласился Нистур. — И все же нам понадобятся деньги на оперативные мероприятия. Много в нашей работе основывается на мелком подкупе слуг и прочей черни в целях получения крупной нужной информации.

— Хорошо. Дворцовый казначей выдаст вам разумную сумму, о расходовании которой вы подадите подробный отчет.

— Как вам будет угодно, — согласился Нистур.

— Тогда — прочь отсюда. Принимайтесь за дело.

Новоявленные следователи водрузили себе на шею серебряные печати, чем немало удивили поджидающих их у выхода из зала конвоиров. Получив обратно свое оружие, приятели потребовали от ближайшего конвоира отвести их к дворцовому казначею.

— Кто вы такие, чтобы приказывать мне! — заорал было стражник.

Тут ему в лицо уткнулся зажатый в руке Железного Дерева серебряный медальон.

— Мы — следователи по особо важным делам, назначенные и уполномоченные Правителем Тарсиса! Понял, болван? Если жить надоело — можешь не слушаться нас.

— Да, господин, слушаюсь, господин, — забормотал стражник, выпучив глаза. — Пойдемте, я провожу вас.

Ракушка присоединилась к ним у дворцовых ворот.

— Значит, получилось! — радостно улыбаясь, воскликнула она.

Нистур повесил ей на шею печать Правителя.

— Ты теперь следователь, назначенный Правителем Тарсиса. С этой штукой ты можешь допрашивать кого хочешь — хоть самого Киагу.

— Зачем мне это нужно? — сказала девушка, взвешивая серебряный амулет на ладони. — Я вот думаю, сколько бы мне за эту штуковину дали?

— Не смей никому отдавать ее даже на время, пока мы не окажемся в безопасности, — предупредил ее Нистур.

— Предлагаю первым пунктом нашего плана поставить нормальный обед, — заявил долго молчавший Железное Дерево. — Я умираю с голоду.

— Хорошая еда, теплая ванна — звучит заманчиво, — согласился Нистур. — Ракушка, води нас в достойное заведение. Я полагаю, мы можем списать такие траты на текущие оперативные расходы.

Следуя за Ракушкой, солдат пробурчал:

— Этот Правитель Тарсиса — всего лишь жалкий ростовщик, меняла. Это видно по тому, как он отсчитывает монеты. А жадность! Плебей. Настоящий аристократ щедро заплатил бы нам, а не стал торговаться, как старуха на рынке.

— Увы, это не город благородных принцев, — вздохнул Нистур. — Местные уроженцы даже в поэзии ничего не понимают.

Ракушка привела их в дорогую таверну «Три дракона». Добротная скульптурная группа из трех бронзовых крылатых змеев возвышалась над входом, предупреждая, что это заведение предназначено для состоятельных клиентов. Навстречу компании выскочил человек в фартуке, который, окинув презрительным взглядом Ракушку, вежливо, но холодно обратился к ее спутникам:

— Могу я быть чем-нибудь полезен?

— Любезный хозяин, — Нистур взял его за плечо, — отведите нас в лучший кабинет, накройте нам стол, принесите лучшего эля и готовой еды. Подавайте все в таком количестве, какое окажется необходимым для удовлетворения нашего голода и жажды. Пообедав, мы предадимся неге в вашей, надеюсь, уже подогретой бане.

Поймав недоверчивый взгляд трактирщика, Нистур, по примеру Железного Дерева, резко сунул тому под нос серебряную печать.

— Мы — следователи, назначенные Правительством.

Выражение лица хозяина тотчас же изменилось.

— Разумеется, господин. Пожалуйста, проходите сюда. Все, что у меня есть, — в вашем распоряжении.

С почти волшебной быстротой для троицы был накрыт стол, на котором выстроились стройными рядами аппетитно пахнущие блюда.

— Эти серебряные безделушки — отличная вещь, — заметил Нистур.

Затем в их комнате воцарилось молчание, прерываемое только чавканьем да звоном тарелок.

Наконец, наевшись и оставив на столе лишь сладости, приятели отослали официантов прочь и приступили к обсуждению. Естественно, первым взял слово Нистур:

— Итак, друзья мои, нам нужен план. Мы должны исходить из того, что город закрыт и плотно окружен кочевниками. Покинуть его будет нелегкой задачей.

— Ну через ворота мы с нашими побрякушками выйдем, — напомнил Железное Дерево.

— И окажемся среди дикарей, которые будут следить за нами почище местной стражи. Так что хрен редьки не слаще.

— Я, пожалуй, осмотрю городские стены, — сказал солдат. — Может быть, кочевников не так много, чтобы действительно плотно окружить город. Если между их заставами можно просочиться, то с наступлением темноты я предлагаю рискнуть. Конечно, есть шанс нарваться на шальной патруль, но это уже судьба, да и перехитрить их трудно, но можно.

— Вам-то хорошо, — сказала Ракушка, — а я из города никогда не выходила.

— У тебя нет другого выбора, — спокойно сказал Железное Дерево. — Кочевники вполне могут захватить город. Тогда здесь камня на камне не останется. Поехали с нами. Жизнь я тебе обещаю интересную, хотя, вполне вероятно, не очень длинную.

— Я уже мечтала о путешествиях, но карманников нигде особо не жалуют. Своих везде хватает.

— Друзья мои, — обратился к ним Нистур, — мне кажется, мы совсем упускаем из виду другую возможность.

— Какую же? — поинтересовался солдат.

— Действительно выяснить, кто убил этого посланника.

Железное Дерево обалдело посмотрел на него:

— Но ведь мы не следователи. Это же всего лишь легенда.

— Как знать? — вздохнул Нистур. — Мы ведь никогда не пробовали. Осмелюсь напомнить, что мы все — храбрые, полные сил, умеющие приспособиваться к жизни люди с весьма развитым интеллектом. Да мы просто созданы, чтобы быть следователями!

В голосе Нистура появился энтузиазм, не разделенный Железным Деревом.

— Ну, я не знаю... — начал он неуверенно, но был прерван Ракушкой:

— Слушайте, мы ведь не можем просто так высматривать путь к бегству. Скоро нас здесь каждая собака узнавать будет. Будьте уверены, кое-кто из горожан добросовестно сообщит Правителю о каждом нашем шаге. Нам придется притворяться, будто мы что-то делаем. Лучшим прикрытием, как я понимаю, станут поиски убийцы. Не забывайте,

у нас только четыре дня. За это время мы должны что-то решить.

— Вот видишь, — оживился Нистур, — даже наша юная дама согласна с тем, что в моем предложении есть глубокий смысл.

— Согласен, — буркнул Железное Дерево. — Следователи так следователи. Но с чего мы начнем?

— Глубокая мысль, коллега, — отозвался Нистур. — Начнем с предложений самого младшего из нас.

Ракушка вздрогнула и вдруг заговорила, напуская на себя серьезный вид:

— Ну... Я вот думаю... Ну, о тех, кто попал за решетку вместе с нами, но ни за что. Я всегда оказывалась в тюрьме заслуженно, а они просто попались под руку Правителю. Теперь, когда их допросили, Правитель забудет о них, и неизвестно, сколько еще времени бедняги просидят за решеткой. Не можем ли мы чего-нибудь для них сделать?

— Отличное предложение! — согласился Нистур. — Что может быть более естественным, чем допрос свидетелей следователями? Вперед, в тюрьму! Но, стоп — сначала в ванну!

— Вот что, приятель, — Нистур дружески хлопнул старшего конвоира по плечу, — мы допросили свидетелей и выяснили все, что было нужно. Больше они нам не нужны. Можешь выпустить их.

Тюремщик с сомнением оглядел троицу вчерашних узников.

— Из дворца я не получал такого приказа.

— Ты разве не понял, кто мы? В права следователя по особо важным делам входит право и арестовывать, и отпускать на свободу любого, кто может быть полезен в расследовании. Так что

выполняй приказ. Хотя, если не веришь, можешь побеспокоить Правителя и потребовать у него разъяснений...

— Ну... я, пожалуй, выполню ваш приказ... но только под вашу полную ответственность.

— Под полнейшую, — подтвердил Нистур.

Когда тюремщик удалился, Железное Дерево сказал:

— Пока что мы неплохо берем их на испуг нашими побрякушками. А что, если кто-нибудь серьезно упрется рогом? Не окажется ли у нас кишка тонка?

За воротами бывшие узники тепло поблагодарили своих неожиданных избавителей. Железное Дерево напомнил им:

— Не думаю, что вы теперь намного в лучшем положении. Книга не выпускает никого из города.

— Все равно, это куда лучше, чем сидеть за решеткой, — возразил странствующий торговец. — Если начнется штурм и кочевники ворвутся в город, можно будет попытаться прорваться отсюда с оружием в руках.

Нистур поинтересовался:

— А кстати, под какой статуей вы нашли труп?

— Я покажу. — Купец подвел их к памятнику Абушмулumu Девятому и поспешил вслед за другими узниками удалиться от дверей тюрьмы, опасаясь, что власти могут и передумать.

«Следователи» без посторонних глаз начали осмотр пьедестала. Кровь до сих пор никто не смыл — ни с мраморного куба, ни с плоских каменной мостовой.

— Не понимаю, зачем убийце понадобилось затаскивать труп на пьедестал, — пожал плечами Железное Дерево.

— А ну-ка, подсади меня, — попросил его Нистур. — Посмотрю, что там, наверху.

Вслед за Нистуром на камень с ловкостью обезьяны влезла и Ракушка.

— Ну и что там? — спросил оставшийся внизу солдат.

— То, что можно было предположить, — разочарованно ответила девушка. — Большая лужа крови, словно старина Абушмулум напустил в штаны. Ничего интересного.

— А мне вот это и кажется любопытным, — заметил Нистур.

— Что именно? — спросила она.

— Наверху крови значительно больше, чем внизу. Туда, на мостовую, стекла лишь небольшая часть.

— Ты хочешь сказать, что убили его не внизу, а сначала затащили на пьедестал живым? — спросил Железное Дерево.

— Выходит, что так, — сказал Нистур, слезая с мраморного куба. Вслед за ним легко прыгнула Ракушка.

— Что за чушь получается? — пробормотал Железное Дерево. — Значит, Ялмук зачем-то забрался на пьедестал вместе с убийцей? Не понимаю.

— И не поймешь, пока мы не соберем все факты, — сказал Нистур.

— Ты говоришь так, словно понимаешь толк в этом деле.

— Я учусь, как, впрочем, и ты. Пошли.

— Куда ты собрался? — спросила Ракушка.

— Констебль говорил, что труп перенесли в дворцовый морг. Будем надеяться, что он все еще там.

— Еще не хватало дохлых дикарей рассматривать, — недовольно фыркнула девушка, но пошла вслед за своими спутниками.

Морг находился, естественно, в самом дальнем от покоев Правителя крыле дворца. Здесь готовили к погребальному обряду важных городских покойников. Нистур наскоро объяснил цель их визита унылому, зловещего вида типу — старшему из похоронной команды.

— Вы как раз вовремя, — торжественно объявил он. — Скоро мы отвезем его за ворота и отдадим кочевникам, чтобы те похоронили его по своим обычаям.

Ялмук — Кровавая Стрела возлежал на обитом шелком катафалке. Одежда вождя была выстирана, а его тело вымыто и натерто благовониями. Его руки лежали на груди, сжимая рукоять сабли. Смертельная рана была со вкусом задекорирована шелковым шарфом. Даже лицу покойника служители морга сумели придать мирное, спокойное выражение.

— Хорошая работа, — заметил Железное Дерево. — Можно подумать, что бедняга только и ждал такого случая и был счастлив умереть.

— Мы всегда стараемся сделать все возможное для наших клиентов, — с достоинством и гордостью сообщил главный бальзамировщик.

Нистур аккуратно отодвинул с шеи покойника шелковый шарф. Вдвоем с напарником они внимательно осмотрели рану на шее. Ракушка, побледнев, отвернулась и отошла в сторону.

— Я думаю, ты немало насмотрелась на жертв убийц на своем веку, — буркнул Нистур.

— Более чем достаточно, — ответила она, — но привыкнуть к этому никак не могу. Я ведь вор, а не головорез.

— Странная рана, — сказал Железное Дерево. — Не могу, правда, сказать почему...

— Я тебя понял, — подхватил Нистур. — Дело в том, что рана ровная и абсолютно равная по глубине. Любой клинок оставил бы другой след. А тут... вся шея перерезана. Так даже серпом не получится...

— Вы, по-моему, просто наслаждаетесь, — с отвращением пробормотала Ракушка.

— Упражнения на тренировку остроты мысли всегда приятны, — ответил Нистур.

Затем он обратился к служителю морга:

— Мне нужно приподнять его, чтобы осмотреть затылок и шею сзади.

— Это действительно необходимо? — переспросил тот, явно пораженный таким неуважением к проделанной работе.

— Уверяю вас, ему от этого хуже уже не будет.

С оскорбленным видом бальзамировщик и смотритель морга приподняли Ялмука за плечи, почти посадив труп.

— Ага! — воскликнул Нистур. — А вот, друзья мои, что мы имеем с этой стороны. Шрам идет по всей окружности шеи и сзади доходит по глубине до кости. Но заметили ли вы разницу?

Ракушка, не желая выглядеть трусихой перед своими приятелями, потянулась в сторону трупа и, с трудом сдерживая тошноту, сказала:

— Словно два шрама. Один заходит за другой.

— Совершенно точно! — согласился Нистур.

— Что же это могло быть? — озадаченно почесал в затылке солдат. — Никогда не видел такой раны.

— А мне доводилось, — сказал Нистур. — В бытность, скажем так, представителем некоей профессии, я ознакомился с преимуществами и недостатками множества видов оружия. Эта рана на-

несена не клинком. Я уверен, что ее причиной стала проволочная удавка. Ну да, просто прочная стальная нить с двумя ручками на концах. Накидываешь такую штуку сзади и тянешь за ручки крест-накрест, чтобы затянуть петлю. Двойной разрез получается там, где струна перекрещивается на затылке.

По знаку Нистура служители морга уложили труп на место и ревностно принялись вновь приводить его в порядок.

— Пойдемте отсюда, друзья, — сказал Нистур. — У нас еще много дел.

На улице Ракушка вздохнула свободнее.

— Не нравится мне это место. Я, конечно, не в хоромах живу, но, по крайней мере, не среди мертвецов.

— А где ты живешь, когда не ночуешь у Станбога или не пользуешься гостеприимством городской тюрьмы? — поинтересовался Железное Дерево.

Девушка пожала плечами.

— Здесь, там. Везде. В основном — в Старом Городе.

— А я думал, он заброшен, — сказал Нистур.

— Так говорят городские власти, и для них это истинная правда. В этом районе не платят податей и не ведут никаких дел с Правителями. Но те люди, кто не может найти другого места, живут там. Если тебе негде переночевать, там всегда можно найти какую-нибудь нору, где ты будешь в безопасности и даже в относительном тепле.

— А почему говорят, что там очень опасно?

— Так ведь там бандит на бандите. Они охотятся за воришками вроде меня, вытряхивая добычу за день. Мало того, начнут пытаться, так ты

им про все заначки расскажешь, где что спрятала. Многие из этих ребят явно не в себе. Убить могут просто так, даже не для того, чтобы ограбить.

— Ну а теперь у тебя есть шанс стать официальным лицом.

— Еще чего не хватало. Моя жизнь — это моя жизнь, и я не собираюсь менять ее на другую.

— Давайте лучше займемся нашими делами, — прервал их разговор Железное Дерево. — Жаль, что труп обмыли да и одежду постирали.

— Согласен. Он, конечно, много выиграл с точки зрения эстетики, но улики уничтожены начисто. Хорошо еще, что мы его вообще застали здесь.

— Что будем делать теперь? — спросила Ракушка.

— Мы знаем, что многие высшие аристократы Тарсиса были задействованы в дипломатических играх с посланниками. Конечно, первое подозрение падает на них. Но я не считаю, что мы должны начинать допрашивать их всех подряд.

— Почему же? — спросил Железное Дерево.

— Не забывай — один из них нанял меня, чтобы убить тебя. Значит, он не откажется еще от одной попытки нанять убийц, увидев нас вместе. А кроме того, он с полным правом может считать себя обманутым и оскорбленным мною. Я ведь так и не вернул деньги.

— Понятное дело, — вздохнул солдат.

— Хотя найти его все же не помешало бы.

— Зачем? — поинтересовалась Ракушка.

— Да чтоб деньги вернуть, я же сказал. Мне не нужно того, что я не заработал.

Железное Дерево что-то напряженно обдумывал. Наконец он сказал:

— В моих путешествиях я только один раз встретился с людьми, которые используют удавки в качестве повседневного оружия. Это одинокие кочевники, изгнанники нескольких далеких племен, которые таким образом расправляются с застигнутой врасплох жертвой. Обычно они пользуются тетивой или кожаным шнурком, но стальная струна подойдет для такого дела еще лучше. Сдается мне, что в армии, стоящей за городскими стенами, найдется не один десяток мастеров обращения с этой штукой.

— Ценный вывод, — заметил Нистур. — Вот видишь, ты уже начинаешь оправдывать доверие Правителя.

— Но зачем тащить тело или еще живую жертву на постамент? — спросила Ракушка.

— Я как раз думал над этим, — ответил Нистур. — И, похоже, нашел ответ. Пошли со мной.

Вскоре Нистур вновь привел их к площади у Дворца Правосудия и попросил приятеля посадить его на пьедестал.

— Смотрите, — сказал он.

Сняв с шеи шарф, он взял его за концы и сел на корточки на самом краю верхней площадки мраморного куба. Шарф длинной дугой свешивался вдоль боковой поверхности пьедестала.

— Видите? Жертва проходит мимо, а убийце остается только набросить удавку ей на шею и затянуть петлю. А потом ему нужно всего-навсего выпрямить ноги, вот так. — Нистур медленно встал, словно поднимая в руках тяжелый груз. — Так работают мышцы ног и спины, а они гораздо сильнее, чем руки, которыми приходится тянуть, если душить человека сзади, с одного с ним уровня. А так человек даже средней силы может не

только легко убить, но и поднять труп на пьедестал, вытянув его за веревку или, в нашем случае, за концы проволоки. Шаг назад — и жертва остается на постаменте, агонизируя на глазах убийцы. Отличный вариант для того, чтобы убить человека, физически более сильного. Так что нам вовсе не нужно разыскивать богатыря и великана, хотя это, быть может, и ограничило бы круг подозреваемых.

— Эффективно и к тому же эффектно, — заметил Железное Дерево.

— Вот-вот, и это очень важно, — подтвердил Нистур.

— Что именно?

— А то, что это не просто рядовое убийство, — сказал Нистур, слезая с пьедестала. — Оно не только уничтожает жертву, но и оставляет в недоумении и в неведении того, кто обнаружит случившееся. Это говорит нам об одной важнейшей детали, редчайшем качестве для убийцы. Этот человек чувствует стиль.

Глава 6

полагаю, — сказал Нистур, — что нам нужна база, место расположения, — в общем, называйте как хотите.

Троица «следователей» стояла на высоком и круто изогнутом мосту, пересекавшем то, что некогда было одним из полноводных каналов, соединявших все районы Тарсиса с гаванью. По этим каналам товары и продукты доставлялись в город и развозились по рынкам, магазинам и домам. Теперь же от каналов остались лишь сухие русла, заваленные грязью и опавшей листвой, которую не могли смыть даже редкие осенние ливни. Несколько старых барж, осев на дно, так и остались стоять у набережных, превратившись в некое подобие жилых домов.

Железное Дерево потрогал висевшую на груди печать Правителя.

— С этими штуками мы можем расположиться хоть во дворце, хоть в самой шикарной гостинице или богатом доме Тарсиса. Но что-то мне эта идея не нравится.

— Совершенно справедливое ощущение, — подхватил Нистур. — Ведь наши первые подозреваемые — это важные городские шишки.

У нас, конечно, есть большие полномочия и гордое звание, но защитить нас могут только наши головы и руки. Что касается меня, то мало кто из местных вояк мог бы потягаться со мной в бою один на один. В том, что ты, Железное Дерево, настоящий воин, я убедился лично. Ракушка умеет исчезать и уходить от погони. Замечательно, но нужно быть реалистами — мы не сможем ничего сделать, если по приказу кого-либо из аристократов Тарсиса нас окружают две-три дюжины вооруженных солдат или бандитов. С наступлением темноты я бы вообще не стал соваться в сам город. Надеюсь, что никто не осмелится напасть на нас днем, опасаясь непрошенных свидетелей.

— Можно занять одну из башен городской стены. Самое безопасное место, — предложил Железное Дерево.

— Ты говоришь как солдат, — возразил Нистур, — и забываешь о том, как там будет неудобно и неприятно. А кроме того, вокруг будет полно народу — квартирующие там наемники и ополченцы из местных, поднимающиеся на стену и спускающиеся обратно караульные смены... Нет, я предпочел бы место, где мы могли бы появляться и исчезать, не привлекая лишнего внимания. Быть может, мы будем прибегать к тайным операциям в ходе расследования нашего дела.

— В Старом Городе я знаю множество укромных уголков. Но вот насчет комфорта — даже я чувствую себя там неудобно, — сказала Ракушка, а затем, помолчав, добавила: — А почему бы нам не остаться там, где мы уже бывали? Корабль Станбога — довольно безопасное место. Во всяком случае, окрестные жители любят старика и всегда предупреждают об опасности.

— Неплохая идея, — согласился солдат. — К тому же у нас теперь есть чем расплатиться со стариком.

Нистур кивнул:

— Хотя он и клянется, что не занимается колдовством, я более чем уверен в том, что он сумеет применить к делу парочку защитных заклинаний. К тому же Мирса, по-моему, стоит трех-четырех наемников, которых сплошь и рядом вербуют в эти дни в городе.

— Итак, к Станбогу, — сказал Железное Дерево. — Если он, понятно, не будет против. Кстати, а что ты скажешь о самом Правителе города?

— Ты имеешь в виду, не сам ли он разделался с посланником? — поинтересовался Нистур.

— Для нас никто не может быть свободен от подозрений. Это же гнилой город, одни торгаши. Как ведь обычно начинаются все мелкие войны, в которых такие, как я, добывают свой хлеб? Два аристократа не поделят титул или кусок земли и, подумав, решают выяснить это дело при помощи силы. Все честно и открыто. У кого больше денег, чтобы нанять солдат, больше мозгов в голове, чтобы правильно вести войну, тот и победил. Здесь же все наоборот. Все клянутся друг другу и Правителю в верности, а на самом деле каждый второй готов вступить в сделку хоть с Киагой, хоть с чертом, лишь бы сорвать свой куш.

— Увы, ты абсолютно прав, — печально вздохнул Нистур. — Никому здесь доверять нельзя. Остается рассчитывать только на самих себя. Вот я и хочу доверить нашей юной подруге одно важное дело.

— Какое? — подозрительно прищурившись, спросила Ракушка.

— Не беспокойся. Тебе, я думаю, даже понравится. Ты ведь на дне города своя в доску. Знаешь наперечет всех воришек, шлюх, попрошаек. Эти люди вряд ли согласятся что-либо рассказывать официальным лицам. По возможности они просто смоятся при нашем приближении. Но тебе они могут рассказать очень многое. Походи среди них сегодня, поспрашивай, не видел ли кто-нибудь чего-либо необычного в ночь убийства, не слышал ли какого разговора... Будь готова приплатить за информацию.

Вынув несколько монет из кошелька, он протянул их девушке и спросил:

— У тебя есть оружие?

Ракушка покачала головой:

— Был маленький нож, но тюремщики забрали его и не отдали.

— Тогда купи себе другой. И не такой, чтобы кошельки срезать, а побольше, чтобы можно было защититься. Вечером приходи к Станбогу — расскажешь нам, что узнала.

— Договорились, — сказала девушка и, прежде чем уйти, убрала серебряную печать под тунiku. — Лучше не показываться с этой штукой на людях. Там, где я ошиваюсь, знак Правителя будет нервировать людей. Да и убить могут за серебряную-то штучку.

— Может быть, это вовсе и не серебро, а только посеребренная сверху медь, — предположил Железное Дерево.

— Поверь мне, я знаю людей, которые готовы убить и за такой кусок меди. А другие, узнав, что это печать Правителя, еще и приплатят, лишь бы получить возможность замочить того, кто ее носит. Ладно, вечером увидимся.

Ракушка бесшумно, словно кошка, исчезла в темноте.

— Не понимаю, как эта девчонка до сих пор жива, крутясь в этом гадюшнике, — сказал Железное Дерево.

— Да уж, крутиться ей приходится изрядно, — согласился Нистур, а затем, помолчав, хлопнул приятеля по плечу и сказал: — Пойдем, дружище. У нас есть еще несколько часов до наступления темноты. Я не хочу больше никого допрашивать, пока не выясню, каково же положение самого города. Давай-ка займемся этим делом.

— Согласен, — ответил Железное Дерево. — Посмотрим, в каком состоянии стены, поглядим на лагерь кочевников. Хотя подожди, а почему это ты все время командуешь? Тоже мне, начальник нашелся на мою голову. Не забывай, кто кому отметину поставил на шею.

— Об этом я не забываю ни на минуту, — заверил его Нистур, машинально потирая клеймо. — И все же, я полагаю, ты согласишься, что язык у меня подвешен лучше. Во мне говорит поэт. И всякого рода умственные упражнения мне чрезвычайно приятны. Что скажешь, если мы поделимся следующим образом: ты следуешь моим указаниям в ходе следствия, я же буду беспрекословно подчиняться тебе, окажись мы втянутыми в бой или попади в общую заваруху со всем городом? С готовностью полагаюсь на твой боевой опыт.

— Пока согласен, — буркнул Железное Дерево.

Когда они направились мимо стен дворца через площадь к Северным воротам Тарсиса, Нистур спросил:

— Не думаешь ли ты, что пришло время рассказать, почему один из местных аристократов решил

убрать тебя? Сначала я не спрашивал, потому что речь шла о моей работе и это было не моего ума дело. Но теперь мы связались с этими негодями, и в целях нашей общей безопасности я хотел бы выяснить, чем и кому же ты так сумел насолить.

Железное Дерево развел руками:

— Поверь, знал бы сам — рассказал бы тебе. Я вовсе не собираюсь подвергать нас еще большей опасности. Но я действительно понятия не имею, почему один из местных аристократов так возжелал моей смерти. Я в городе меньше месяца, тихо проживал полученные за последнюю войну деньги. Я ни с кем не общался, кроме как с нашим братом-наемником да с посетителями кабаков у старого волнолома. Хотя я, конечно, всего не помню... — Его голос дрогнул.

— Что? Ты хочешь сказать, что ко всем остальным удовольствиям у тебя еще и провалы в памяти?

— Иногда случается что-то вроде того. Но в последнее время не было. — Железное Дерево покачал головой. — Нет, я уверен — ни с одним из местных аристократов дел у меня не было.

— Ну и ладно. Аристократов-то и в лучшие времена не поймешь. Может быть, он шляется по городу переодетым и ты обыграл его в кости. А может быть, его с женой проносили по городу в паланкине, а та слишком внимательно посмотрела на тебя из-за занавески, вот он и взбеленился.

— Все возможно, — признал Железное Дерево. — Может быть, он вообще принял меня за кого-то другого. Ничего, скоро все выяснится. Сейчас важнее подумать, как выпутаться из той западни, в которой мы оказались.

Приятели прошли дворцовую ограду и вышли на широкую улицу, ведущую прямо к одним из

трех городских ворот. Нистура поразило то, как различаются две ее стороны. С юга возвышался один из добротных кварталов с большими красивыми домами и дорогими лавками. А по другую руку — с северной стороны — начинался Старый Город, не признаваемый городскими властями, считающийся заброшенным. Большинство его высоких зданий разрушилось во время Великой Катастрофы, а те, что сохранили свои два-три этажа, стояли теперь словно пустые каркасы, зияя провалами окон, будто пустыми глазницами. Здесь Катастрофа прошла обычным землетрясением, за которым всегда следуют опустошительные пожары. В Старом Городе не осталось ни одного деревянного сооружения, а все устоявшие при землетрясении здания изрядно обгорели.

— Судя по высоте руин, это был один из богатейших и роскошных районов города, — заметил Нистур. — Надо же — такой ущерб. Теперь понятно, почему Тарсис так и не оправился после Катастрофы.

— У этих торгашей просто духу не хватило, — презрительно бросил Железное Дерево. — Я видел города, от которых после Катастрофы камня на камне не оставалось. Так они просто заново отстроились. Даже не подумаешь, что их коснулись такие потрясения. А с этих чего взять?

— Я от них тоже не в восторге, но нужно быть справедливым: город обслуживал гавань, которая после Катастрофы исчезла.

— А с чего это я должен быть к ним справедливым? — буркнул Железное Дерево.

Наконец они подошли к воротам — внушительному сооружению, сами створки которого были из толстых бревен высотой футов по

двадцать. Массивная железная решетка из толстых прутьев служила второй защитой ворот. Обычно в эти часы она была поднята так, что только острые зубья нижней кромки виднелись над головами прохожих. Но по случаю военного положения ее не поднимали и днем. В одной из огромных створок ворот была сооружена маленькая калитка такой ширины, что в нее с трудом проходил один человек. Калитка, не менее толстая, чем сами ворота, висела на толстых кованых петлях и была заперта на несколько внушительных металлических засовов и толстенный деревянный брус.

По обеим сторонам ворот возвышались башни, превышающие общий уровень стен на пятнадцать футов. Верхние площадки башен были обрамлены устрашающими зубцами. На башнях были установлены большие баллисты и несколько тяжелых арбалетов — в три-четыре раза больше тех, которые служат личным оружием. Эти оборонительные приспособления устанавливались на поворачивающихся платформах и могли посылать во врага тяжелые металлические стрелы или камни величиной с хорошую дыню.

Большая группа наемников, вооруженных самым разным оружием, внимательно проследила взглядом за подошедшими приятелями.

— Кто командует гарнизоном ворот? — спросил Железное Дерево, приблизившись к солдатам.

— А кому он понадобился? — не очень приветливо отозвался один из наемников.

Показанные серебряные печати возымели свое обычное действие. Через минуту солдаты разыскали командира, который не замедлил подойти к посетителям.

— Капитан Карст, к вашим услугам, — представился солидный седоусый воин, подошедший к приятелям, спустившись с одной из башен. Бросив взгляд на драконью шкуру солдата, он, не удержавшись, воскликнул:

— Железное Дерево? Тебе же отказали все вербовщики! Как же ты смог так быстро занять этот высокий пост при Правителе Тарсиса?

— Как знать, капитан, в чем наше предназначение и не стоим ли мы большего, чем имеем в этой жизни? — торжественно продекламировал Нистур и деловито добавил: — Нам нужно осмотреть стены и бросить взгляд на лагерь кочевников.

Капитан слегка пожал плечами, звякнув пластинами доспехов.

— Рад помочь. Пойдемте.

Проводя приятелей по узкой спиральной лестнице внутри башни, капитан поинтересовался: — Нам сообщили, что Правитель выдал три такие печати следователям. Вы действительно думаете разыскать убийцу этого дикаря?

— На это мы и нанялись, — подтвердил Железное Дерево.

На вершине башни им отдал честь сержант — начальник караула.

— В лагере кочевников все спокойно, господин капитан. Появилась еще одна банда этих варваров. Человек сто, наверное.

Нистур и Железное Дерево подошли к зубцам и посмотрели на раскинувшийся перед ними лагерь кочевников.

— Впечатляет, — коротко прокомментировал увиденное Нистур.

Лагерь действительно представлял собой внушительное зрелище: сотни шатров и навесов.

загоны для лошадей и другого скота; воины, тут и там упражняющиеся в стрельбе из лука или метании копья; дозорные патрули, уходящие и возвращающиеся в лагерь. Всему этому недоставало порядка, свойственного цивилизованной армии, но все говорило о том, что это войско тоже знает, что делает.

Железное Дерево обратился к капитану:

— Обычно эти варвары кочуют целыми племенами. Сколько из этой толпы воинов?

— Здесь одни солдаты, — доложил Карст. — Их новый Вождь сумел убедить кочевников оставить свои семьи в безопасных местах, утверждая, что тем нечего бояться, когда междоусобная вражда осталась в прошлом. Сегодня лагерь на треть больше, чем был вчера. Я думаю, что по племенам прошел слух, будто Киага собирается разграбить Тарсис. Вот сюда и тянутся даже те, кто еще не присягнул ему на верность, желая поучаствовать в дележе такого лакомого куска.

— Если он добьется своего, — сказал Железное Дерево, — то присягнут ему все кочевники Равнины. Он станет их лидером, Верховным Вождем, тут и спорить нечего.

— Ты хочешь сказать, — предположил Нистур, — что он не очень-то заинтересован в успехе нашего следствия? Мы ведь таким образом лишаем его отличного повода для штурма.

— Да, ему это совсем ни к чему, — согласился Карст. — Отмени он штурм — как тогда ему объясняться с его головорезами? Они-то уже настроились на войну и богатую добычу.

— Значит, в нашей работе особого смысла нет, — подытожил Нистур.

Карст ткнул пальцем в сторону шатра Киаги.

— Этот дикарь, по-моему, крепко задумал разграбить город. Эти пять дней ему просто были нужны для того, чтобы собрать побольше воинов. Мы-то за это время ничего толком не сделаем. Тут работы невпроворот.

— А в каком состоянии оборонительные сооружения города? — поинтересовался Железное Дерево.

— В лучшем, чем были два дня назад, — четко отпартовал Карст. — Всех плотников и кузнецов города согнали на ремонт помостов, перекрытий и приведение в порядок баллист и катапульт. Кстати, большинство метательных приспособлений уже в рабочем состоянии. Каменщики и подсобные рабочие заделывают брёши в стенах. Кстати, разрушения оказались не такими уж большими, как мы боялись.

— А хватит ли людей, чтобы защитить стены по всему периметру?

— При серьезной осаде — нет. Но я что-то не видел, чтобы кочевники серьезно готовились к штурму. Никаких осадных машин они не строят, да и не умеют, наверное. А без осадных башен и тяжелых таранов можно долго и безуспешно штурмовать даже маленький гарнизон, укрывшийся за такими стенами.

— Значит, у кочевников не так много шансов на успех? — с надеждой в голосе поинтересовался бывший асассин.

— Ну да, — каким-то странным голосом подтвердил Железное Дерево и криво усмехнулся.

— Есть прописные истины военного дела. — Карст был доволен, найдя в лице Нистура благодарного слушателя. — Нельзя штурмовать крепость с одними луками и копьями. Такое оружие

в сочетании с мобильностью чрезвычайно эффективно в бою на открытой местности. Но здесь защитники могут легко укрыться за зубцами стен и даже отвечать нападающим стрелами своих арбалетов. Для безопасности стрелков и предназначены эти щиты. — И капитан показал на стоящие рядом с зубцами сбитые из толстых досок квадраты и крепления в стенах, предназначенные для них.

— Понятно, — сказал Нистур и стал слушать дальнейшие пояснения Карста.

— Далее. Если вы ведете бой в чистом поле, то вам нужны подготовленные, обученные, умеющие держать строй солдаты, к тому же по возможности физически сильные. Нельзя сунуть в руки крестьянскому парню меч и ожидать, что он будет эффективно им действовать. Натянуть большой лук под силу только очень крепкому человеку, и требуются годы тренировок, чтобы научиться попадать в цель на большом расстоянии. Другое дело — защита крепости. Тут каждый горожанин будет полезен. Даже слабак сможет повернуть ворот арбалета. А стрела, пущенная в гущу вражеских солдат, вполне вероятно, попадет в кого-нибудь из них.

Карст шагнул к груде камней величиной чуть больше кулака, насыпанной у ближайшей бойницы. Такие же груды лежали по всему помосту, идущему вдоль стены. Примерно такие же булыжники использовались для мощения городских улиц.

— Чтобы вывести человека из строя, метнув такой камень, потребуются немалая сила и отменная меткость, не так ли? — спросил Карст.

Нистур взвесил камень на ладони и подбросил его пару раз невысоко в воздух.

— Я бы не стал и пытаться, — заключил он. — Слишком мала вероятность удачного попадания.

— Но с высоты стены, окружающей Тарсис, такой камень, будучи переброшен через край бойницы слабой рукой старого купца, долетев до земли, наберет скорость достаточную, чтобы убить человека.

Перегнувшись через край стены, Карст сказал:

— Вот, посмотрите сюда.

Нистур высунулся вслед за капитаном и увидел, что вертикальная почти на всем протяжении стена образовывала резкий вогнутый склон у самого основания.

— Этот склон, — объяснил Карст, — во-первых, затрудняет использование осадных башен и перекидных мостиков. Их просто трудно будет подогнать к самой стене. А во-вторых, смотрите сами. — И Карст бросил вниз один из булыжников.

Набрав изрядную скорость, камень звонко ударился о вогнутый склон и отскочил от него почти горизонтально.

— Вот видите! Стоит лишь чуть приноровиться — и сильный удар в грудь, живот или в лицо обеспечен. Если учесть, что почти ни у кого из кочевников нет доспехов, то, случись им подойти близко к стенам, град камней заставит их держаться на достаточном расстоянии.

— Вы хорошо разбираетесь в своем деле, капитан, — одобрительно сказал Нистур. — А что вы скажете про осадные лестницы? Здесь-то стены действительно высоки и отвесны, но есть места, где они ниже, частично разрушены, и там противник может рискнуть взобраться по ним.

— Никто из часовых или разведчиков не видел, чтобы кочевники сколачивали лестницы. А сам я

думаю, что у этих дикарей кишка тонка штурмовать с лестницами. Такая атака — это очень крупная ставка. Большие потери неизбежны.

— Точно, — согласился Железное Дерево. — Господа обычно посылают в первых рядах с лестницами крестьян-рекрутов, считая их ни на что более не пригодными. Они оказываются наименее болезненными потерями в бою.

— Так и есть. А на что еще они годятся? Зачем подставлять опытных солдат, даже не дав им возможности вступить в бой. Деревенщина штурмует стены с лестниц, отвлекая силы защитников, а настоящие воины бросаются в атаку с осадных башен, где они в безопасности до самого соприкосновения с противником. А дикари не строят башен, не сколачивают лестниц, не сгоняют в качестве убойного мяса крестьян из соседних деревень.

— Так что же получается? — удивился Нистур. — Если все так ясно, то, может быть, вся эта демонстрация — лишь повод для Киаги и Правителя города покрасоваться друг перед другом, а затем решить все проблемы за столом переговоров?

— Чего не знаю — того не знаю, — пожал плечами Карст. — Я никогда не служил в таком странном городе, как Тарсис, да и про вождя, способного собрать воедино такую армию кочевников, я что-то раньше не слыхал.

— Не может ли быть так, — предположил Нистур, — что обе стороны хотят войны, но толком не представляют, как ее вести и с чего начинать?

— Надеяться на это я бы не стал, — мрачно, как Железное Дерево, усмехнулся Карст.

— Почему же? — спросил Нистур, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Потому что, когда господа затевают войну, сами не понимая, как грамотно вести ее с наименьшими потерями, слишком много крови проливают простые солдаты и офицеры. Причем зачастую зазря.

— Кто отвечает за ворота? — спросил Железное Дерево.

— Я, — ответил Карст.

— Я имею в виду, кто из местных аристократов? Они наверняка распределили между собой участки стены, где могут в свое удовольствие упражняться в потугах выглядеть настоящими командирами.

— А, ты про этих. Так ведь тут же главный въезд в город. За него отвечает сам Правитель. Он у нас полковой патрон.

— Это такой почетный титул, пародия на звание, — объяснил Железное Дерево. — Во всех армиях у каждого полка есть свой патрон. Это обычно кто-нибудь из местных аристократов, приезжающих пару раз в год проверить, как идут дела во вверенном ему подразделении.

— Вторые по значению ворота — Северные. Там заправляет Советник Рукх, следующий после Правителя влиятельный человек в Тарсисе. Южные ворота под патронажем Советника Бласима, толстого, совершенно бесполезного типа. Есть еще старые портовые ворота, они сейчас наглухо замурованы, а отвечает за этот участок стены Советник Меде. Он главный банкир и казначей города, сами судите, какой милый и полезный из него начальник. Советник Мелкар — единственный, кто хоть что-то понимает в военном деле и действительно хочет сделать что-нибудь полезное для обороны города. Он командует фортом на

юго-западном углу стен. Есть еще Советник Альбан, но он уже слишком стар и даже не претендует на то, чтобы выглядеть бравым воякой. Все дела в его форте он пустил на самотек.

Выслушав напоследок этот малообнадёживающий доклад Карста, Нистур и Железное Дерево пошли по стене на юг. Повсюду шел ремонт металлических машин, заканчивалась заготовка камней, копий, дротиков. Дальше в стенах появились провалы и осыпи, через которые можно было перейти по наскоро сколоченным деревянным мостикам. Далеко не везде ремонтные работы шли полным ходом. Кое-где даже кустарник, разросшийся на внешней стороне осыпавшейся стены, еще не был вырублен, что дало бы возможность противнику почти скрытно приблизиться к самому пролому.

— Капитан не очень верит в тарсисскую аристократию, — заметил Нистур, — но он, похоже, считает, что стены города достаточно крепки, чтобы сдерживать натиск кочевников.

— Все, что он говорит, правда, — сказал Железное Дерево, — просто опытный вояка многого не договаривает.

— Чего же именно? — удивился Нистур.

— А того, что явно бросается в глаза, но может стоять жизни тому, кто будет болтать лишнее. Ты ведь сам видел, что Киага не готовится к штурму стен. Он что, не понимает, чем это грозит в случае атаки? Нет, судя по тому, что я слышал об этом человеке, он вовсе не глуп. Наоборот, он умеет многое продумывать наперед. Безмозглый самозванец не сумел бы объединить столько племен, кто бы там ни напрогнозировал о скором приходе Великого Вождя.

— Значит, он действительно не собирается идти на штурм, а все эти приготовления — только демонстрация силы.

— Или у него есть другой план захвата города, — негромко сказал Железное Дерево.

— Какой такой другой план?

— Ну, например, сговор с каким-нибудь аристократом-предателем, который пообещал Киаге открыть одни из ворот за деньги и обещание какого-нибудь поста в захваченном городе или среди советников Вождя.

— Да, мрачная перспектива; я как-то об этом и не подумал.

Обойдя весь город по периметру, приятели спустились со стены и направились в сторону бывшей гавани.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался Нистур.

— Похоже, нам лучше бы найти этого убийцу, — помолчав, ответил Железное Дерево.

— Что же заставило тебя изменить планы?

— Сбежать отсюда сейчас едва ли удастся. Я все время следил со стены за дозорами и патрулями кочевников. Это не просто боевое охранение. Судя по их количеству, они действительно выполняют приказ не выпускать никого из города. Мы станем для них всего лишь учебной мишенью для стрельбы из лука. Город они обложили плотно.

— Но ведь и требование выдать убийц может оказаться просто уловкой.

— Скорее всего, так и есть. Но не забывай, даже такому дикарю, как Киага, нужно держать мину большого политика. Не столько перед Правителем Тарсиса, сколько перед своими вождями. Раз он при всех пообещал, что не станет штурмовать

город, если получит убийцу, он будет вынужден сдержать слово, по крайней мере, пока не изобретет другого предлога для штурма.

— Да, так мы бы выиграли время, — согласился Нистур. — Хорошо еще, если бы он и запрет на выход из города снял.

— Ну, это вряд ли. Просто не забывай, с кем имеешь дело. Это же кочевники. Как они воюют? Набегами, погонями, недолгими засадами. Им в диковинку, что настоящая война, осада — это прежде всего долгое-долгое ожидание. У них не хватит терпения. Даже если Киаге удастся удержать их здесь, вокруг города, они потеряют настрой и интерес к этой войне.

— А значит, — и их патрули станут реже, ленивее и менее внимательны?

— Вот именно. Хочешь не хочешь, а часть из них все равно вернется к оставленным семьям — кормить-то их надо. Мало-помалу бо́льшая часть воинов займется привычным делом — перегоном скота и набегами на деревни и караваны.

— А раз так, то возникнут и старые разногласия из-за пастбищ, дележа добычи. Всплывет и кровная вражда.

— Точно. Так что сейчас каждый выигранный день делает наше бегство все более вероятным.

— А следовательно, — заключил Нистур, — хотим мы того или не хотим, но нам придется действовать как следователям. И причем как хорошим следователям.

Не успели они постучать в дверь дома-корабля Станбога, как Мирса с готовностью открыла им.

— Старик ждет вас, — сказала она.

Странный незнакомый акцент делал ее слова едва понятными, но красноречивые приглашающие жесты трудно было истолковать неправильно.

— А мы думали, что свалимся как снег на голову, — сказал Нистур, снимая шляпу и отряхивая с нее снег.

— Заходите, заходите. Грейтесь. Я ничуть не удивлен вашим появлением.

Поднявшись по скрипучему трапу, приятели с удовольствием наполнили кубки подогретым вином. Железное Дерево выложил на стол большой мешок.

— Вот, — сказал он, — тут пара жареных уток, фрукты, свежий хлеб — с этого мы начнем попытку расплатиться за твое гостеприимство и заботу. Городскому Совету еще не пришло в голову ограничить продажу продовольствия. Здесь действительно давненько не видали войны и осады.

— История города не помнит такого, — подтвердил Станбог.

— Значит, ты ждал нас? — осведомился Нистур, с удовольствием потягивая терпкий согревающий напиток.

— Мне рассказали, что сегодня утром вы были выпущены из тюрьмы. Затем на свободе оказалась и Ракушка. Провернуть такое дело — это свидетельствует о недюжинном уме и смекалке. Расскажите-ка, как было дело.

Разложив еду на столе и прикладываясь к ней в соответствии с аппетитом, Железное Дерево и Нистур подробно рассказали все, что с ними случилось, старику и Мирсе. Станбог от души смеялся на протяжении почти всего рассказа.

— Нет, это ж надо! Куда там местным шутникам, — все еще хихикая, произнес старик. —

Придумать эту легенду и таким образом выбраться из-за решетки — это уже требует изрядной фантазии и актерского мастерства. Но продолжать разыгрывать спектакль дальше на глазах всего города — это просто гениально.

— В общем-то, это было не так уж трудно, — скромно сказал Нистур. — В этом городе никто не знает, как полагается выглядеть настоящему следователю, как ему надлежит говорить и уж тем более что он должен делать. Кто скажет, что мы — не самые что ни на есть образцовые дознаватели?

— Отлично придумано, — признал Станбог. — Взять меня — я тоже понятия не имею, как выглядят настоящие детективы.

— Ну и сколько вы их сможете дурачить? — отрезвила всех Мирса, держа в руках сразу половину уже изрядно обглоданной утки.

Воцарилось молчание, нарушенное торжественным голосом Нистура:

— А мы никого не собираемся дурачить. Мы вычислим преступника, кем бы он ни был, и вручим его Правительству в назначенное время.

В разразившемся в ответ фыркание смешались в равных долях скептицизм и издевка..

Когда Железное Дерево снова потянулся за кружкой, Станбог обратил внимание на вновь появившуюся легкую дрожь в его руках.

— Э, да тебе отдохнуть нужно, голубчик. Как врач, я приказываю тебе, — настойчиво сказал старик.

Губы Железного Древа уже скривились для короткого резкого отказа, но, подумав, солдат решил согласиться.

— Наверное, ты прав. Тебе виднее. Да и к утру я должен быть в форме.

— Логичное заключение, — удовлетворенно заметил Станбог.

— Пожалуй, я скоро тоже отправлюсь на боковую, — сказал Нистур. — Но сначала я хочу выслушать, что скажет Ракушка, когда вернется.

Мирса потянулась и сказала:

— Я — спать у двери. Когда девчонка придти, я разбужу. — И она скрылась в трюме, служившем в этом странном доме прихожей.

Когда Железное Дерево скрылся в своей каюте, Нистур тихонько спросил у лекаря:

— Что, скоро новый припадок?

— Не думаю. Рановато еще. Но что ни говори, а наш друг еще весьма слаб после предыдущего приступа.

— А есть от этого дела лекарство?

— По крайней мере, я не знаю такого. — Станбог бросил взгляд на Нистура. — Но когда он умрет, ты будешь свободен. Разве не этого ты ждешь?

Рука Нистура непроизвольно потянулась к отметине на шее.

— Значит, ты все знаешь?

— Узел Таналуса знаком любому, даже не очень искусственному в магии.

— Что касается твоего вопроса... сначала я был просто подавлен и удручен. Но сейчас... Не скажу, что я счастлив быть связанным колдовскими силами по рукам и ногам, но этот парень мне симпатичен. Несмотря на внешнюю диковатость, он вовсе не похож на безмозглого бараца, каковыми являются большинство наемников. Он с достоинством и даже, я бы сказал, с изяществом принял свою тяжелую долю. При этом он следует законам чести, которые не очень-то соблюдают куда более удачливые люди.

— Ты прав, — вздохнул Станбог. — Ну а ты, мой друг, не устал ли от такой своей жизни? Разве профессия наемного убийцы не опротивела тебе еще до того, как тебя наняли убить этого обреченного?

— Ты почти не ошибся, старик, — прошептал Нистур, глядя ему в глаза.

Станбог кивнул и сказал:

— За долгую жизнь я встречал множество людей, гномов, эльфов и разной другой нечисти. Они были в разном душевном состоянии, по-разному переживали и осмысливали свою жизнь. После стольких лет наблюдений нетрудно прочесть знаки, которыми человек, сам того не желая, обозначает, что признает прожитую жизнь ошибкой.

— По правде говоря, в душе я всегда считал себя поэтом. К сожалению, мы живем во времена, когда люди, обладающие божественным даром стихосложения, не так почитаемы, как раньше.

— Это печально, но так оно и есть, — признал Станбог.

— Ну а ты? — спросил Нистур, обводя рукой заставленные магическими приспособлениями и книгами полки. — Сдается мне, что все это было бы лишним для простого лекаря.

Помолчав, Станбог кивнул:

— Правильно. Некогда, будучи еще молодым, я решил стать великим колдуном. Я долго стремился к этому, много путешествовал, разыскивая магов и учась их ремеслу. В юношеской дерзости я возомнил себя равным самым великим колдунам, которые были на самом деле старше и много мудрее меня. Их оскорбляли мои амбиции и жадность, с которой я вынюхивал их самые сокровенные заклинания.

Один за другим мои учителя прогоняли меня. Мне говорили, что я никогда не пройду Испытаний в Башне Великого Колдовства, которые посвятили бы меня в один из Магических Орденов. Я же, по моей глупости и дерзости, решил, что смогу достичь всего сам, что Испытания и Ордена были созданы лишь для слабых волей и силой колдунов. Я возжелал действовать сам — так, как я хочу, подняться выше ограничений Добра, Зла и Беспристрастности. Я приступил к овладению самыми могучими заклинаниями и ритуалами — теми, за которые подчас не берутся и мудрейшие из мудрейших колдунов. Зрелость и мудрость — вот то, что нужнее всего в колдовстве, в правлении и в любом другом серьезном деле.

— Я, кажется, понимаю, что с тобой случилось, — с сочувствием произнес Нистур.

— Со временем многие колдуны презрели и отвергли меня, а то и возненавидели лютой ненавистью. Причем многие из них были не только сильнее, но и злее меня. Клянусь, ведь даже в самых дерзких и заносчивых мечтах я не видел себя Черным Магом. Мои амбиции простирались куда дальше.

— Вполне понятно. Ты ведь был, в конце концов, еще так молод.

Станбог засмеялся:

— Ты — редкий дипломат, друг мой, что хорошо скрывает твою опасность. Что ж, даже сильному хищнику нужна защитная окраска.

— Ты все верно подметил. И все же, значит, твои амбиции привели тебя к ереси, заблуждению?

Улыбка слетела с лица Станбога.

— Это слишком мягко сказано. Мое заблуждение обернулось страшнейшим грехом. Чтобы

поразить мудрейших магов, которых я по глупости считал ненужными соперниками, я решил оживить древнее заклинание, которое не применялось даже колдунами высочайшего ранга в течение пяти веков. Я не могу даже произнести его название для тебя, ибо и это требует проведения определенного защитного ритуала и принятия всеми обсуждающими его некоторых обетов.

— Звучит страшновато, — хмыкнул Нистур.

— Это не то слово. То заклинание влечет за собой высвобождение стольких сил, что может обернуться смертью не только для самого колдуна, но и для всех тех, кто окажется на свою беду рядом с ним. Многие могучие колдуны, ставшие к тому времени моими врагами, объединили свои силы и направили их на то, чтобы каждый шаг ритуала, проделанный мной, накапливал высвобождаемые силы против меня. Будь я действительно великим магом, каким себя мнил, мне бы ничего не стоило почувствовать это и уберечься от враждебного вмешательства. Но... будь я великим магом, мне бы и в голову не пришло совершить что-либо подобное.

— Молодость, дело понятное. Я вот тоже, было дело... — начал Нистур, но Станбог жестом остановил его.

— Не нужно излишних сокрушений по этому поводу и параллелей с другими юношескими ошибками. Это не идет ни в какое сравнение.

— Извини, я не хотел оскорбить тебя.

— Спасибо тебе за сочувствие. Оскорбления никакого не было. Просто не нужно лишних слов, чтобы выразить чувства. Я тебя понял. Так вот, я выполнил весь ритуал шаг за шагом и произнес слово за словом все заклинание, ожидая, что вот-вот великие силы откроются и подчинятся мне.

— И что тогда? — негромко спросил Нистур.

— Тогда... Тогда я услышал стоны ужаса и замкнулся в одиночестве вокруг себя. Оказалось, что я не вознесся к духам высших энергий, как ожидал. Нет, я остался все в том же своем жилище. Сначала ничто не предвещало надвигающейся катастрофы. Лишь свечи и лампы в комнате закоптили и потускнели. Затем затрещали камни и балки над моей головой, и на меня посыпался мелкий песок. Понимая, что мое жилище вот-вот обрушится, я бросился к шкафу и успел собрать малую часть моих инструментов и книг в большой мешок. Многое из того, что ты видишь в этом доме, я спас тогда. Я едва успел выскочить из своего жилища, как оно рухнуло за моей спиной. Но я даже не смог обернуться, чтобы посмотреть на развалины своего дома, — такое страшное зрелище открылось моим глазам с порога.

Насколько хватало глаз, всюду рушились дома, мосты, сараи, мельницы и изгороди. Листья сорвались с деревьев и неслись по ветру. Урожай в полях полег. Успевшие выскочить из зданий люди рыдали. Из-под руин доносились душераздирающие стоны. Домашний скот и дикие звери обезумели. Трава пожухла, реки и колодцы на глазах пересыхали.

Станбог перевел дыхание, отхлебнул из кружки, а затем продолжил:

— Целый день я брел, взирая на этот безумный ландшафт. Все, созданное человеческим трудом, обратилось в прах. Погибло и все живое, кроме самих людей. И когда люди увидели меня, они все поняли. Они и раньше недолгоблюдали и побаивались меня лично, но моя магия не внушала им ужаса. Завидев меня, все еще в ритуальных

одеждах и с мешком колдовских принадлежностей за спиной, они забрасывали меня камнями и убежали. Не будь они столь потрясены тем, что случилось, меня разорвали бы на куски.

Когда я добрался до непострадавших земель, я сразу же обратился к колдунам, моля их помочь мне ликвидировать последствия той катастрофы. Но все они, даже добрейшие из них, лишь смеялись надо мной. Для колдуна наказание за отступничество и нарушение иерархии неотвратимо и необратимо. Я протестовал, доказывая, что жившие по соседству со мной люди невиновны и не должны страдать из-за моей глупости. Колдуны были безжалостны. Справедливость — из мира обычных людей, говорили они мне. Она придумана людьми и касается только их отношений, нарушают они ее или добиваются. Но она никакого отношения не имеет к колдунам, которые следуют другим законам и правилам. Я, дерзкий молодой волшебник, разумеется, должен был это понимать. Я проклинал себя, мучился, запретил себе навеки и думать о колдовстве. Единственное, что позволил я себе со временем, после долгих лет отшельничества и поста, это стать лекарем, который лишь время от времени произносит какой-нибудь невинный заговор над чашей с лекарством, чтобы оно скорее выбило хворь из больного.

Нистуру показалось, что еле заметная нотка гордости мелькнула в последних словах Станбога.

— Ты слишком суров к себе, старик. Мне кажется, что долгие годы аскезы и верного служения людям заработали тебе если не прощение, то хотя бы какой-то покой.

Станбог покачал головой:

— Для этого мало одной жалкой жизни.

— Откуда ты родом?

— Этого я никому не открою. Я распрощался навеки с родной страной и даже изменил свое имя, чтобы никогда, даже случайно, кто-нибудь не узнал во мне того колдуна.

— А что же это за имя — Станбог?

— Так звали одного нищего, юродивого, жившего в моем родном городе. Живя на подаяние горожан и окрестных крестьян, он был объектом постоянных насмешек и презрения, граничащего с омерзением. Я решил, что для меня будет достойно взять имя самого жалкого из известных мне людей.

— Тогда уж, если это не слишком бестактный вопрос, расскажи, как ты, занятый самобичеванием и поклявшийся посвятить жизнь милосердию и добрым делам, встретил и оказался вместе с этой дикой женщиной.

Станбог кивнул:

— Ее история печальна и не очень-то красива. Много лет назад, странствуя в холодной северной пустыне, я набрел на нее посреди ледника. Она почти замерзла, а на ее теле было множество ужасных ран. В общем, она была на три четверти мертва. На нее напали, жестоко изранили, изнасиловали и оставили умирать.

Нистур удивленно поднял брови:

— Это был либо какой-то великан, либо целая банда, я полагаю?

— Это точно. Вокруг были следы жестокого боя, и, поверь, не один мужчина встретил свою смерть в тот день, помогаясь тела этой женщины. Вылечить нанесенные ей раны оказалось очень нелегким делом, но излечить ее разум и тем более душу было еще труднее. В первый год она несколько раз пыталась убить себя. Если не считать

чувства почти животной преданности и обожания, которое она испытывает ко мне, мало кто может похвалиться, что ощущает от нее что-либо, кроме ненависти и отвращения. Единственные, с кем она умеет находить хоть какой-то контакт, — это женщины-изгои вроде нашей Ракушки.

— Что касается ненависти, особенно к мужчинам, это более чем понятно. А почему именно изгои, отверженные ей ближе других?

— Она и сама была такой. Мать Мирсы принадлежала к народу северных гор. Ее отец — дикарь с ледяной равнины. Их племена не признали такого союза, и молодая пара покинула обжитые места, стала жить отдельно, охотиться, собирать съедобные травы и растить свою дочь. Однажды одно из племен, не знаю точно какое, решило наказать отступников. Взрослые были убиты, а девочка сумела спастись. Несколько лет она прожила в одиночестве, применяя то, чему успела научиться у родителей. Время от времени она нанималась в какую-нибудь армию, но долго нигде не задерживалась, так как не признавала дисциплины. И вот однажды, возвращаясь в родные места одна, изгнанная из очередного войска, она наткнулась на целую банду негодяев, которые едва не убили ее. На ее счастье, я проходил мимо в тот день.

— Да уж, действительно на счастье, — согласился Нистур.

В трюме послышался шум, и вскоре в каюте появилась Мирса, за которой по трапу взбежала Ракушка, которая тотчас же подобралась поближе к очагу и протянула к огню руки.

— Ну что, узнала что-нибудь? — спросил ее Нистур.

— Толком ничего, — ответила девушка, поворачиваясь к огню замерзши ей спиной. — На улице жуткий холод. Никто из нищих, воришек или проституток ничего не слышал и не знает. К бандитам я соваться боюсь. Есть только одна стоящая зацепка, но не знаю, понравится ли это тебе.

— Что ты имеешь в виду?

— Я наткнулась на старуху Жабий Цветок на сенном рынке. Хотя это она сама подошла ко мне и сказала, чтобы я пришла к ней завтра с моими знакомыми. У нее, мол, есть чем нам помочь. Честно говоря, я понятия не имею, как она вообще узнала, что у меня есть какие-то приятели, которым нужно что-то выяснить. Но прежде чем до меня это дошло, старуха уже исчезла.

— Жабий Цветок? — пораженный, воскликнул Станбог. — Да что может знать эта старуха?

Ракушка только пожала плечами.

— Что это за странное имя и кто под ним скрывается? — поинтересовался Нистур.

Станбог хитро прищурился:

— Завтра увидишь. Обещаю — получишь настоящее эстетическое наслаждение.

Глава 7

то еще за Жабий Цветок? — раздраженнее, чем обычно, спросил Железное Дерево.

— Некто, кто полагает, что у нее есть информация, нужная нам, — как всегда, невозмутимо ответил Нистур.

Они стояли на бывшем дне гавани рядом со стеной-бортом жилища Станбога. Обозревая пейзаж, Нистур подумал, что и снега в Тарсисе, наверное, не бывает достаточно много, чтобы сделать город красивым. В этом унылом месте белые кристаллы только свидетельствовали о смене времен года и приносили с собой зимний холод. Увидев выходящую на улицу Ракушку, кутающуюся в тонкий плащ, Нистур спросил:

— Ты что, не можешь украсть себе одежду потеплее?

— Если одеваться слишком тепло и комфортно, потеряются ловкость и быстрота движения, — с вызовом ответила она, а затем со вздохом добавила: — Да и пояись у меня хороший плащ, кто-нибудь тотчас же украл бы или отнял его у меня.

— Тяжелая у тебя жизнь, — заметил Нистур. — А главное — не соскучишься. Воровать —

воруй, но не заворывайся. А не то попадешь на перо к кому-нибудь, кто стоит выше тебя в вашей иерархии или просто сильнее.

— И не говори, — согласилась Ракушка.

На пороге дома появились Станбог и Мирса. На дикарке не было никакой другой одежды, кроме той, что она носила в помещении. Даже длинные кожаные перчатки она сунула за ремень. По всему было видно, что заставить надеть на себя что-нибудь лишнее это дитя снегов мог лишь лютый мороз. Единственным оружием Мирсы был широкий нож, похожий на заостренный на конце тесак мясника.

Нистур осведомился:

— Вы твердо решили сопровождать нас? Просто предоставить нам крышу — это одно дело. Ходить по городу вместе с нами — совсем другое. Наши враги, а их у нас, я уверен, объявится предостаточно, могут стать и вашими врагами.

— Какая-то игра судьбы свела нас вместе, — ответил Станбог. — Было бы неразумно сопротивляться воле богов. А кроме того — вы самые занятные ребята из тех, кого я встречал за долгие годы. И уж очень хочется посмотреть, как вы собираетесь выполнить свое задание.

— Ну а ты? — поинтересовался Железное Дерево у Мирсы. — Если мы тебя и очаровали, то ты это изящно скрываешь.

— Я иду со Станбогом, — бесстрастно ответила она.

— Ну что ж, вперед. Веди нас, Ракушка, — скомандовал Нистур.

Компания пересекла беспорядочно заставленное обитаемыми корпусами и остатками развалившихся и растащенных по частям кораблей

дно залива, а затем по широким ступеням поднялась на старинный волнолом и углубилась в портовый квартал, полный кабаков и постоянных дворов, которые частично поглотили опустевшие склады, таможенные дворы, судоремонтные мастерские. Не занятые под гостиницы и увеселительные заведения здания порта, как и корабли на дне гавани, либо сгнили и развалились, либо были разобраны по частям на дрова или для ремонта обитаемых домов. Порт был ограничен с одной стороны заливом, а с другой — каменной стеной, продолжением окружавших Тарсис оборонительных сооружений. С тех пор как прекратил свое существование порт, ворота были заложены кирпичом. Осталась лишь узкая калитка с толстенной деревянной, обитой железом дверью. Всю компанию сонная стража пропустила без каких бы то ни было вопросов. Судя по всему, никто не ждал нападения кочевников с этой стороны. Слишком уж непривычный и неудобный для их тактики ландшафт представляли собой старый порт и заставленное кораблями дно залива.

Ракушка провела их кратчайшим путем через район складов и магазинов, где хранились и продавались товары со всего света, свозимые в Тарсис караванами и дожидавшиеся очередного перекупщика. Затем путники пересекли широкую площадь и оказались в так называемом Верхнем Городе. Инстинктивно, оказавшись здесь, они шли осторожно, обхватив ладонями рукоятки оружия.

В других районах жители провожали их любопытными взглядами или вовсе не обращали внимания. Но никто не выказывал признаков тревоги

или враждебности. Здесь же из каждого зияющего окна, из каждого переулка незнакомцев провожали хищные, настороженно-враждебные взгляды.

— Я посчитал — мы миновали пять компаний явных бандитов с большой дороги, — сказал Нистур. — Но никто пока что не стал связываться с нами.

Ракушка деловито пояснила:

— К нам могут привязаться только Скорпионы или Зеленые Драконы.

— Это почему? — поинтересовался Железное Дерево.

— У нас трое бойцов. А эти ребята никогда не нападают при соотношении меньше чем один к трем в их пользу. Тут только в двух бандах больше девяти человек.

Железное Дерево недовольно фыркнул:

— Им бы понадобилось большее соотношение, чем три к одному, сунься они к нам.

— Но они-то об этом не знают, — возразила девушка. — О Нистуре с виду не скажешь, что он опытный боец. Мирса — на ней нет доспехов, да и ее клинок больше похож на хозяйственное орудие, чем на оружие воина. Можно предположить, что трое на одного будет вполне достаточно.

— Неужели они могут напасть, даже увидев Станбога? — удивился Нистур. — По-моему, его очень уважают в этих местах.

— В этой части города никто не застрахован от нападения, — сказала Ракушка.

Тем временем она подвела их к цели — низенькой покосившейся двери под старой-престарой деревянной вывеской. Вывеска представляла собой деревянный круг — спил дубового бревна,

на котором рукой, явно не имеющей большого опыта в рисовании, был какой-то непонятного цвета краской нарисован большой, смотрящий прямо вперед глаз. Вокруг глаза был укреплен венок из дубовых веток с сухими серебристыми листьями и желудями.

— Во многих странах, — сказал Нистур, — этот символ принадлежит предсказателям будущего.

— И здесь так же, — пояснил Станбог. — Старуха Жабий Цветок — что-то вроде прорицательницы.

— Она, надеюсь, не шарлатанка и действительно обладает этим даром?

— Она самая настоящая предсказательница, — заверил его Станбог. — Вот только подчас ее предсказания трудно понять.

Постучав и не получив ответа, они открыли дверь и зашли внутрь здания. В нос им ударила такая вонь, что Нистур и Железное Дерево с трудом подавили тошноту. Даже Мирса зажала свой элегантно переломанный нос. Запах представлял собой смесь испарений гниющей еды как растительного, так и животного происхождения, прокисшего зля, болотного газа, плесени и кошачьей мочи. Два кота воззрились на вошедших из противоположных углов комнаты. Привыкнув к полумраку, гости рассмотрели, что, судя по состоянию помещения, дом изрядно пострадал еще во время Великой Катастрофы и с тех пор так и не был приведен в порядок.

Повсюду высились груды всякого хлама: сломанная мебель и черепки разбитой посуды, тюки сгнившей ткани и статуэтки с отбитыми головами и руками, стертые и выцветшие картины

и прочие предметы непонятного предназначения. Несомненно, обитатель этого дома был отчаянным скрягой.

— Видал я медвежьи берлоги и посимпатичнее, — заметил Железное Дерево.

— Жабий Цветок! — позвала Ракушка. — Это я, Ракушка, я привела своих друзей, как ты просила!

В дальнем углу комнаты послышалась какая-то возня, отодвинулась занавеска, и перед глазами вошедших появилось существо не больше трех футов ростом, с непропорционально большой по сравнению со сгорбленным телом головой. Волосы существа, будь они чистыми, были бы седыми до белизны. Со сморщенного личика глядели горевшие зелеными огоньками и очаровательным слабоумием глаза. Существо открыло широченный рот, обнажив редкие желтые зубы. Вонь в комнате удвоилась.

— А, добро пожаловать, — проверещало милое создание. — У старухи Жабьего Цветка гости бывают не часто. — Скрежещущий смех почти осязаемо резал уши.

— Я даже знаю почему, — буркнул Нистур.

— Сумасшедший гном? — охнул Железное Дерево.

— Тише ты, — цыкнул на него Станбог. — Vedi себя прилично.

Старуха-гном подбежала к Железному Дереву и схватила его за руку, приговаривая:

— А, куманек, заходи-заходи.

Солдат резко отдернул ладонь, словно обжегшись, а затем убрал обе руки под плащ. Старуха, не переставая хихикать, несколько раз живенько повернулась на месте, распространяя омерзительное

зловоние. Одета она была в какие-то заплесневелые лохмотья.

Неожиданно она остановилась и резко ткнула в сторону гостей крючковатым пальцем.

— А вы принесли старушке поесть?

— Разве мы когда-то забывали про старых друзей, — сказал Станбог, снимая с плеча мешок и протягивая его старухе.

Та живо схватила его, вытащила первое, что попало ей под руку — черствую лепешку, — и начала шарить в мешке, перебирая остальные деликатесы.

— Я гляжу, на здоровье вы не жалуетесь, уважаемая, — заметил Станбог, — как и на отсутствие аппетита.

Старуха лишь промычала в ответ что-то неразборчивое, ни на минуту не переставая напихивать рот корками и вяленой рыбой.

— Такими темпами она скоро лопнет, — глядя на гнома, заметил Железное Дерево.

— Сумасшедшие гномы, занимающиеся предсказаниями, весьма устойчивы к внутрижелудочному давлению, — глубокомысленно произнес Нистур.

Наконец Жабий Цветок перестала жевать и жестом пригласила гостей следовать за собой в дальнюю комнату.

— Сдается мне, там воняет еще хуже, — шепнула Мирса.

— Готов поспорить, да боюсь, не с кем, — согласился Нистур.

— Ничего не поделаешь, — заметил Станбог. — Посмотрим, что она затеяла.

Они прошли через узкую и низкую дверь и оказались в почти не освещенной спальне. Никто не стал сожалеть о том, что не сумел разглядеть

обстановку. Несколько раз споткнувшись, все наконец ввалились в следующую комнату, которая, в отличие от двух предыдущих, оказалась абсолютно пустой. Над земляным полом низко нависал потолок, который, судя по всему, мог обрушиться в любую секунду. Единственным предметом в этой комнате был стоящий в ее середине большой необработанный камень со сравнительно плоской верхней гранью. Ничто не украшало черно-серый валун, кроме нескольких засохших цветков, возложенных к его основанию неизвестно сколько лет назад.

Старуха, побегав вокруг камня, прижалась к нему и закатила глаза.

— Если она так предсказывает, то почему бы не выволочь этот булыжник во двор, — предложил Нистур, — там хоть вонять не будет.

— Не забывай, кто она, — напомнил Станбог. — Ее народ не любит много света и открытых пространств. Не славились гномы никогда и изящными логическими построениями.

— Дайте ей хоть начать, — вступилась за старуху Ракушка.

Водянистые зеленые глаза открылись. Послышался невнятный шепот:

— Скажите Жабьему Цветку, в чем дело.

Нистур неуверенно начал:

— Тут такое дело... в общем, убили кой-кого...

— Убитый кочевник! — взвыла старуха. — Проволока, петля на шее!

— Как она могла узнать об этом? — поразился Нистур.

— Жабий Цветок много чего знает, — сказала Ракушка. — Давай, старушка, продолжай.

— Скажите еще! — потребовала та.

— Вождь кочевников хочет знать, кто убил того, или будет война...

— Война! — простонала та. — После войны много добычи. Ух ты! — И, продолжая ухать, старуха запрыгала на одном месте.

— Приятно видеть хоть кого-то, кого не пугает такая перспектива, — заметил Нистур. — Ну так вот, Правитель Тарсиса хочет, чтобы мы нашли убийцу. Но подозреваемых столько, что нам всех не успеть допросить, да и убить нас могут. Да и уже пробовали. Я сейчас все объясню. Кто-то нанял меня убить вот этого парня, который...

— Ты не убийца! — крикнула старуха. — Ты — поэт! Слова складывать, рифмы строить! Ты — поэт!

— Мое искусство никогда еще не было определено так лаконично. Да, я поэт. Но раньше я... ну, нанял меня один аристократ, чтобы... Эй, что ты делаешь?

Старуха-гном шарила в его кошелек.

— У тебя сахар есть?

— Попытайся сконцентрироваться на деле, — терпеливо предложил Нистур, вежливо, но настойчиво забирая кошелек из ее грязных рук.

Станбог протянул старухе кусок плавленого сахара, и по ее лицу расплылась блаженная улыбка.

— У кочевников есть шаман, — попробовал взять дело в свои руки Железное Дерево. — Мы думаем, что он...

— Колдун! Амулеты! Лица не видно! Он — нет!

— Обнадёживает, — сказал Нистур и продолжал: — Если мы не найдем убийцу, Правитель убьет нас или отдаст под пытки вождю дикарей.

— Да, он делать это! Разрезать на куски! Сжечь на медленном огне и это... это... — Было похоже,

что старуха потеряла мысль, если то, что бурлило в ее голове, можно было назвать мыслями.

В разговор вступил Станбог, заходя совсем с другой стороны:

— Наш друг-воин мучается от страшной болезни. Его когда-то укусил черный дракон.

— Это все? — спросила вдруг старуха.

— А тебе мало? — буркнул Нистур.

Не обращая на него внимания, старуха-гном вскарабкалась на камень. Показав пальцем на Железное Дерево, она проверещала:

— Иди сюда, нагнись!

Наемник подошел к камню и наклонился так, что его лицо оказалось на одном уровне с лицом старухи. Несколько секунд она смотрела ему в глаза, затем вдруг резко оттолкнула солдата обеими руками в грудь, а сама кубарем слетела с камня и пошла колесом по кругу, делая неожиданные прыжки и кувырки.

— Все ясно, — подытожил Железное Дерево. — Гномы тоже бывают полными идиотами.

— Быть может, — возразил Станбог, — но скажи, когда и где безумие считалось несовместимым с даром предвидения?

— Ты и сам-то не подарок, — не очень вежливо сказала Мирса, обращаясь к Железному Дереву.

Неожиданно, выдохнувшись, старуха грохнулась на пол, затем с трудом поднялась на ноги и ткнула пальцем в сторону Железного Древа.

— Твоя проблема не дракон, — задыхаясь, проскрежетала она, — твоя проблема — не вождь дикарей. Музыкант!

При этих словах Железное Дерево вздрогнул, словно от сильного толчка. Старуха взвыла:

— Что? Попала?

Затем, расхохотавшись, она ткнула пальцем в земляной пол.

— Лекарство от укуса дракона? Туда! Вниз! Искать огненного червя!

— Искать кого? — попытался выяснить Нистур, но старуха уже ничего не замечала вокруг и лишь бормотала:

— Вождь дикарей! Шаман! Важный советник! Музыкант! Все они! Все одно! Все в одном! Фальшивые глаза! Фальшивые глаза!

Неожиданно ее собственные глаза закатились, и горбатая старуха снова повалилась ничком на пол, где ее тело стали сотрясать судороги, швыряя ее из стороны в сторону. Ударившись головой о камень, она затихла. Станбог пощупал ее пульс и заглянул под веко.

— Она умерла? — с сожалением в голосе спросила Ракушка.

На лицах остальных были написаны лишь растерянность и любопытство.

— Нет, — ответил лекарь, — она просто уснула. Так бывает с гномами, обладающими сверхъестественными способностями. Напряжение, да на полный желудок — вот организм и защищает сам себя. Немудрено. Ладно, видимо, больше мы от нее ничего не добьемся. Мирса, отнеси ее на кровать, и пошли отсюда.

Если бы Жабий Цветок не спала беспробудным сном, она бы сочла невежливым то, насколько поспешно гости покинули ее дом. Снаружи даже воздух грязного, залитого отбросами переуллка казался свежим морским бризом. Продышавшись, первым заговорил Нистур:

— Напрасная трата рыбы и сухарей.

— Я не уверен, — возразил Станбог. — Насколько я в этом разбираюсь, Жабий Цветок действительно говорила, находясь в трансе предсказателя. Проблема в том, что образы и логику гномов трудно перевести в понятные нам знаки. Слушай, солдат, что это она тебе твердила про какого-то музыканта?

На мгновение на лице Железного Дерева появилась неуверенность, но затем, взяв себя в руки, он сказал:

— Нет, ничего. Просто вспомнил я одну историю из своего прошлого. К нашему делу это не относится. Как-нибудь расскажу. Не сейчас.

— Дело твое, — согласился Станбог. — Но все-таки что-то она ухватила. Разобраться бы в этом.

— Ну почему все предсказатели говорят так загадочно? — пожаловался Нистур. — Я понимаю, что добиться связного рассказа от безумного гнома — дело почти безнадежное. Но мне-то этого и не нужно. Вполне хватило бы одного имени или пары четких примет. «Есть один». Замечательно. Естественно, есть. И нам нужно его найти, пока не кончилось наше время, которое, кстати, уходит с каждой минутой.

Железное Дерево пробормотал:

— Фальшивые глаза? Чушь какая-то.

— А что это за огненный червь? — спросила Мирса.

Ракушка нахмурилась:

— Да есть одна легенда...

Неожиданно она замолчала, но Станбог ободрающе кивнул:

— Рассказывай.

— Говорят, что под городом живут какие-то чудовища. Иногда они вылезают на поверхность и пожирают людей. Видите вон тот люк?

Все посмотрели туда, куда показала Ракушка. Люк посередине улицы был полузасыпан листьями, ветками и мусором. Все это застряло в переплетениях тяжелой кованой решетки.

— Говорят, что эти решетки сделали для того, чтобы чудовища не могли вылезти на поверхность.

— В каждом городе и деревне есть своя легенда, — сказал Железное Дерево. — Обычно в маленьком поселении чудовище селят где-то по соседству: в ближайшем озере, на вершине холма, в пещере или недалеко болоте. Никто сам его не видел, но каждый знает кого-то, который слышал, что чья-то бабушка была им съедена. В больших городах, как и в Тарсисе, такое чудовище вполне может обитать и в самом городе. Места здесь хватит. Хотя в каждой легенде есть доля истины.

— Но как это может помочь излечить нашего приятеля? — спросил Нистур.

— Волшебная тварь. — Станбог словно думал вслух. — Бывает, бывает. Создание, обладающее особым даром... Вполне возможно.

— Но у нас нет времени шляться по канализации в поисках какого-то чудовища, которое вполне может не столько вылечить Железное Дерево, сколько сожрать всех нас, — подытожил Нистур.

— Мы потратили здесь слишком много времени. — Железное Дерево словно стряхнул с себя оцепенение и деловито продолжил: — Напрасно это было или нет — скоро мы узнаем.

— Может быть, я зря потащила вас сюда? — виновато сказала Ракушка.

Нистур положил ей руку на плечо:

— Ерунда. Наоборот, ты предложила нам зацепку, когда у нас не было ни единой версии. Мы просто обязаны были попробовать. Ну ладно, придется приступить к менее приятной части. Я думаю, мы должны допросить самых важных шишек в этом городе.

— Нет, — возразил Железное Дерево. — Я предлагаю начать с лагеря кочевников. Я, может быть, и ошибаюсь, но мне кажется, что с дикарями будет проще, чем с этими лживыми аристократами в масках.

— Может быть, ты и прав. Но даже если нет, я не вижу особой разницы в том, с кого начинать. Пойдем посмотрим на этих разукрашенных молодцев поближе.

— Эй, там! — неожиданно донесся до них грубый окрик.

Оказалось, что путь по улице им преграждают семеро плохо одетых парней с лицами, не предвещающими ничего хорошего. Топот шагов с другой стороны возвестил о появлении еще пяти бандитов, перекрывших путь к отступлению. Все разбойники были вооружены: некоторые — мечами, остальные — самодельными орудиями убийства вроде двух деревяшек на цепи или утыканной острыми шипами дубины. Несмотря на молодость, на их лицах застыла маска жестокости и цинизма.

— Зеленые Драконы или Скорпионы? — спросил Нистур у Ракушки.

— И те и другие. Не все, конечно, но, по-моему, вполне достаточно.

— И часто они действуют сообща?

— Такого никогда не бывало, — покачала головой Ракушка.

— Понятно, — сказал Нистур и обратился к бандитам: — Почтенные господа, прежде чем вы совершите ужасную и непоправимую ошибку, я настоятельно прошу вас позволить нам пройти.

Разбойники только криво усмехнулись, словно настоящий смех был им неведом.

— Пройти? — переспросил самый высокий и крепкий из них, явно главарь. — Интересно, зачем мы сюда явились — только для того, чтобы уступить вам дорогу?

— Я понял ваш намек, — сказал Нистур. — Ясно как день, что кто-то вас нанял, чтобы убить нас. Может быть, мы смогли бы предложить вам больше, чем то, что вам осталось получить от заказчика?

— Не мели срунды, — ответил главарь. — У тебя отродясь таких денег не было.

Затем он обратился к своим приятелям, называя их клички:

— Змея, Беркут, Блоха — вы берете на себя здоровую тетку. Левша, Кинжал и я займемся этим болтливым попугаем. Остальным — взяться за солдата. На девчонку и старика не обращать внимания. Потом отловим их, когда с этими разберемся.

— Болтливый попугай! — возмутился Нистур. — Это я-то!

Его меч и маленький щит сверкнули в воздухе. Два клинка словно сами влетели в руки Железного Дерева. Солдат и экс-ассassin встали спиной друг к другу, словно не в первый раз принимали неравный бой вместе. Мирса втокнула между ними Станбога, за которым поспешно проскочила Ракушка, а затем широкая спина дикарки завершила построение боевого треугольника. В руках Ракуш-

ки оказалось по увесистому камню. Бледная, но без испуга на лице, девушка внимательно выжидала и высматривала цель.

Троица, назначенная нападать на Мирсу, не особо опасаясь, бросилась вперед первой. Мирса, еще не успевшая достать нож, схватила самого щуплого из нападающих за воротник и, увернувшись от его дубинки с гвоздями, швырнула его на двух других бандитов. Прежде чем те успели восстановить равновесие, широкий нож дикарки дважды свистнул в воздухе, начертив букву «Х», — и все трое нападающих взвыли и повалились на землю, заливая мостовую бьющей из глубоких порезов кровью.

— Первая кровь. Молодец, Мирса! — сказал Нистур, следивший за происходящим краем глаза и в то же время внимательно глядевший на своих противников. Те, увидев, какой отпор дала та, которую они считали самой легкой жертвой, несколько растерялись.

— Вперед, Левша, — прошипел главарь.

Тот, кого так называли, словно только и ждал ободряющего приказа. Он нырнул вперед, выставив меч для укола, действуя быстро, словно ящерица. Но его неуловимый клинок почему-то звякнул о маленький щит, а в следующий миг вылетел из руки закричавшего от боли бандита: это меч Нистура глубоко вонзился в запястье противника. Главарь, решив, что противник подставил ему незащищенный бок, взмахнул мечом. Нистур как-то нехотя, лениво сделал шаг в сторону, уходя с траектории движения клинка, а затем резко вскинул руку. Конус щита вонзился в лицо главаря. Послышался звук, словно от расколотого руками ореха. Главарь повалился на мостовую, будто мешок.

с камнями, а на лице того, кого называли Кинжалом, отразилось решительное намерение не ввязываться в гиблое дело.

Железное Дерево в этот момент, улыбаясь, приговаривал:

— Ну, давайте, я уверен, что еще не всем расхотелось. Ну, кто самый смелый?

Неожиданно из-за его плеча со свистом вылетели два камня. Бандиты, следившие только за одним противником, не ожидали другой опасности и поэтому не успели среагировать. Оба камня попали в цель, и двое из нападавших со стоном упали на колени, закрывая руками окровавленные лица. Раздался звонкий голос Ракушки:

— Эй, ну что? Теперь вас пятеро против троих. И это — не считая меня! Думаете, стоит еще раз попробовать?

Стоявшие раскрыв рты невредимые бандиты вдруг стали медленно, шаг за шагом отходить от тех, кого они уже считали было своими жертвами. Отойдя шагов на пятнадцать, они, не сговариваясь, словно по команде развернулись и бросились бежать изо всех сил. Шестеро раненых последовали их примеру, хотя и с куда меньшей прытью.

— Придержи одного, — сказал Нистур Мирсе.

Та схватила одного из тех, в зюю голову угодил камень Ракушки. Кровь залила парню глаза, и он, побежав, ударился о стену и затем, перепутав направление, почти налетел на Мирсу.

Железное Дерево убрал в ножны клинки, которыми он так и не воспользовался, и разочарованно протянул:

— Ну, так совсем неинтересно.

— Не волнуйся, в следующий раз они соберут такую компанию, что ты не соскучишься, — заверил его Нистур.

— Эй, ты, — обратился он к раненому бандиту. — Кто тебя нанял?

— Вы убьете меня?

— Если ты не будешь отвечать — непременно. Я лично, — пригрозил Железное Дерево.

— Это была какая-то важная птица, из аристократов. Но я с ним не говорил.

— Кто взял деньги? Главарь?

— Да. Это он договорился со Скорпионами, чтобы они помогли нам. Денег было столько, что стоило даже забыть про старую вражду, чтобы заработать их. Так сказал Каменный Кулак.

— Что именно вам приказали сделать? — решил выяснить Нистур.

— Убить солдата в кольчуге из драконьей шкуры, потом этого... ну, кто бы он ни был, этого пухленького, с допотопным мечом. Да, и еще воровку-карманницу.

— Трех с печатями Правителя, — заметил Железное Дерево. — А с остальными что?

— Про других нам ничего не говорили, но мы решили не оставлять свидетелей.

Казалось, парень просто пересказывает неудачную сделку на рынке. Было видно, что он просто наслаждается тем, что ему позволили дышать и видеть небо еще несколько минут.

— Ты видел этого аристократа? — спросил Нистур.

Парень пожал плечами:

— Он был в маске, как все они. Но я не думаю, что он был настоящим господином. Не знаю, но мне что-то не верится. Может быть, кто-то из

доверенных слуг. Настоящие аристократы сюда и не суются. Эти места не по ним.

— Не знаю, не знаю, — сказал Нистур, обводя взглядом окружающие руины. — А по мне, в этом есть свой шарм, хотя, разумеется, дело вкуса...

— А? Чего? — Молодой бандит был явно не специалист в области ведения светских бесед.

Не обращая на него внимания, Нистур повернулся к склонившемуся над лежащим главарем Станбогу и спросил:

— Он может говорить?

— Говорить? — переспросил лекарь. — Да он едва дышит.

Лицо главаря распухло от удара настолько, что глаза и рот были видны едва заметными щелочками. Из разбитого носа и с ободранного лба текла кровь, превращая все лицо в страшную алую маску. Станбог негромко сказал:

— В жизни бы не подумал, что так изуродовать человека можно всего лишь одним движением маленького щита.

— У каждого есть свои маленькие хитрости, — скромно заметил Нистур.

Ракушка вступила в разговор:

— Даже если бы он был в состоянии говорить, мы вряд ли узнали бы что-нибудь еще. Наверняка аристократ послал сюда дворецкого или еще кого-нибудь из слуг. Сюда ему соваться не с руки. Да и все равно никто не узнает его, даже если снова встретит. Обычные горожане, а уж тем более люди городского дна никогда не видят аристократов вблизи.

— Наверное, ты права, — согласился Нистур. — Ладно, пошли отсюда.

— Эй, вы что, не собираетесь меня убивать? — как-то разочарованно сказал раненый бандит, словно обижаясь, что ему приходится напоминать им о столь неприятном для него, но само собой разумеющемся деле.

— Я знаю, что это потрясет тебя куда больше, чем любая мучительная смерть, — сообщил ему Нистур, — но вынужден тебя огорчить. Мы не будем убивать ни тебя, ни твоего главаря.

Парень пожал плечами:

— Дело ваше. Я, в общем-то, не против, спорить не буду.

— Когда сможешь снова видеть, — посоветовал ему Железное Дерево, — оттащи своего главаря домой. Хотя... можешь и бросить его здесь, я не знаю, как тут у вас принято. Пошли, — сказал он остальным, направляясь вниз по улице.

— Я думаю, что ни один из серьезно раненных не жилец на этом свете, — сказал Станбог. — Нравы в этой части города жестокие, а на каждого из этих парней наверняка имеет зуб кто-нибудь из местных обитателей.

— Ну и ладно. Тарсис станет чуть более приличным местом, — сказала Ракушка. — Они хотели убить нас. Если они выживут и вылечатся, будут убивать других и дальше. Это все, что они умеют делать. Так что не трать на них жалость.

— Да, он такой, — согласилась Мирса. — Вечно всех жалеет.

Нистур задумчиво почесал бороду и сказал:

— Эти головорезы были плохо вооружены даже для бандитов. Как-то я видел схватку из окна таверны. Там у всех бандитов были двуручные мечи. Тоже не самое благородное оружие, но вполне эффективное. Окажись наши противники

вооружены так же, мы бы так легко не отделались.

— Если у всех у них были мечи, — сказала Ракушка, — значит, обе банды были из другой части города.

Компания вынуждена была разделиться у главных городских ворот. Капитан Карст согласился выпустить из города только тех, у кого была печать Правителя.

— Мы снова нагрянем к вам вечером, — пообещал Нистур Станбогу и Мирсе. — Или не нагрянем — смотря по обстоятельствам, — мрачно добавил он.

— Я полагаю, — сказал Станбог, — что стоит получше обдумать слова Жабьего Цветка. Причем пусть это сделает каждый из нас, а потом сравним наши догадки.

— Честно говоря, — признался Нистур, — я настолько запутался, что пугаюсь уже и самых простых и ясных вещей. Чего уж говорить о таинственных предсказаниях полудурочного гнома. Займемся, чем можем. Глядишь, что-нибудь да прояснится.

— Будем надеяться, — сказал Станбог. — Удачи вам, друзья. Ждем вас.

Еще раз продемонстрировав печати, трое уполномоченных следователей были выпущены стражниками через калитку, которая тотчас же закрылась за ними. Из-за нее донеслись лязг задвигаемых засовов и шуршание деревянного бруса. Впереди, на расстоянии полета стрелы самого мощного арбалета, стояла шеренга воинов-кочевников, внимательно рассматривающих непрошенных визитеров.

— Киага пообещал, что они должны будут признавать эти печати, — сказала Ракушка. — Вы думаете, они его послушаются?

— Скоро узнаем, — буркнул Нистур.

— Если даже и нет; — криво улыбнулся Железное Дерево, — надеюсь, что долго мучиться нам не придется.

Расправив плечи и подняв головы, троица направилась к вражескому лагерю, демонстрируя больше уверенности, чем действительно ощущала в себе. Железное Дерево и Нистур, умудренные опытом путешествий знали, что дисциплина кочевников — штука весьма и весьма ненадежная. Что уж было говорить о Ракушке: ей, чувствовавшей себя как рыба в воде внутри города, но никогда не бывавшей за его стенами, казалось, что здесь все, даже трава, питает вражду и несет угрозу ей и ее друзьям.

Подойдя к боевому охранению кочевников, они нимало удивились, что те, глянув на печати, не говоря ни слова, пропустили их в лагерь. Некоторые из дозорных с неприязнью проводили их взглядом, большинство же отнеслось к визитерам абсолютно равнодушно. Проходя по лагерю, гости увидели, что войско, казавшееся пестрым, но однородным с городской стены, вблизи оказалось составленным из представителей самых разных племен. Некоторые кочевники были, похоже, родом из тех же мест, что и Мирса, — одетые в шкуры и мех, на многих были шапки из волка или лисы. Другие предпочитали яркие, кричащих тонов разноцветные шерстяные одеяния. Головы этих кочевников украшали плотно намотанные тюрбаны, а их лица были скрыты шелковыми полумасками до глаз. Кроме этих двух типов, среди

кочевников было множество других, отличающихся друг от друга одеждой, боевой раскраской, тагуировкой да и внешностью. Среди этих колоритных воинов тут и там сновали просто и небрежно одетые, невооруженные люди, чьи головы были почти наголо выбриты.

— Короткие волосы — символ рабов у кочевников? — спросил Нистур.

— Точно, — ответил Железное Дерево. — Я знаю, кто эти люди: пленники из маленьких городков с окраин пустыни.

— Куда мы теперь пойдем? — спросила Ракушка, чуть осмелевшая после того, как поняла, что по крайней мере пока их никто убивать не собирается.

— Пойдем к большому шатру, — сказал Железное Дерево. — Хочу я поговорить с этим Книгой лицом к лицу.

— Пожалуй, я с тобой согласен, — кивнул Нистур, выглядевший чуть обиженным тем, что Железное Дерево перехватил инициативу.

Почетная охрана перед большим шатром привлекла внимание гостей. Одни стражники отдыхали, лежа на земле перед входом в шатер, другие, сидя верхом, собрались группой у штандарта Вождя. Лица всех были скрыты повязками, но, несмотря на расслабленно-небрежные позы стражников, в их глазах застыли напряженное ожидание и подозрительность.

— По-моему, они не очень-то озабочены безопасностью Книги, — заметила Ракушка.

— А вот и ошибаешься, — возразил Железное Дерево. — Видишь, как они держат копья?

— А чего тут не видеть? — удивилась девушка. — Вон тот, в синем шарфе, оперся на него и

спит стоя. Те двое на лошадях перебросили их через плечо, словно мальчишки — свои удочки. Троица у входа, играющая в кости, сидит на корточках и, чтобы не упасть, ухватилась за воткнутые в землю древки. А тот, который только что не храпит, положил его на колени и едва придерживает. Что из этого? По-моему, они все держат оружие как-то небрежно, неряшливо.

— Все они, — объяснил ей Нистур, — держат оружие, перехватив его в центре тяжести. Одно наше подозрительное движение — и нас проткнут с шести сторон. Это тебе не уличные бандиты. Тут действительно нужно держать ухо востро и не нервировать охрану.

Ракушка вздохнула:

— Ничего себе. Я-то никого в жизни не видела, кроме городской стражи Тарсиса да пьяных наемников. Чтобы от них смыться, такие тонкости знать не нужно.

Когда они подошли к шатру, навстречу им вышел человек, держащий руку на рукоятке сабли. На нем было черно-алое одеяние, а над полумаской сверкали ярко-голубые глаза.

— Что вам нужно?

— Мы — следователи, назначенные Правителем Тарсиса, чтобы выяснить, кто убил Ялмука — Кровавую Стрелу, посланника Киаги — Меткого Лука. В соответствии с договором нашего господина и вашего Вождя мы пришли, чтобы допросить некоторых людей из вашего лагеря. Но сначала мы хотели бы поговорить с самим Киагой — Метким Луком.

Не убирая правой руки с сабли, человек протянул вперед левую. Нистур, поняв, в чем дело, положил ему на ладонь печать Правителя.

Стражник долго рассматривал ее с одной стороны, затем с другой. Вернув амулет Нистуру, он столь же тщательно осмотрел две другие печати. Убедившись, что они не фальшивые, он развернулся и коротко сказал:

— Следуйте за мной.

Войдя в шатер, гости поразились богатству убранства этого временного жилища. Повсюду висели прекрасные ковры и занавеси из тончайшего шелка. Изящные золотые и серебряные лампы свисали из-под высокой крыши, каркас которой был собран из изящно изогнутых ребер какого-то огромного животного. Вдоль стен стояло несколько курильниц, над которыми вился ароматный дымок, заглушавший неприятные запахи армейского лагеря.

— По-моему, Киага вовсе не так аскетичен, как приписывает молва вождям кочевников, — заметил Нистур.

— Интересно, почему нас не заставили сдать оружие? — спросила Ракушка.

— Они нас не боятся, — сказал Железное Дерево: — Да и с чего бы? Посмотри, сколько здесь охраны — больше, чем перед входом.

Неожиданно все стражники встали, когда из глубины шатра, из-за занавеси, появился высокий, выше Железного Дерева, человек, чей рост подчеркивал и увеличивал остроконечный тюрбан. На нем было пурпурное одеяние, а над черной полумаской горели изумрудно-зеленые глаза. Вслед за ним появился шаман, чье лицо было почти не видно за множеством свисающих с шапки амулетов, а затем — высокий, крепко сложенный охранник: в кольчуге и бронзовой маске на лице. Киага долго изучающе смотрел на гостей, затем ткань

повязки на лице шевельнулась, словно губы под ней расплылись в улыбке.

— Так вы и есть следователи, уполномоченные Правителем Тарсиса? — Глаза Вождя искрились от веселья. — А я ожидал благородных, убеленных сединами аристократов, быть может, почтенных чиновников или, на худой конец, офицеров в высоком звании. А он присылает ко мне целый цирк: бродячего наемника, сиротку с улицы да еще и клоуна в придачу.

— Нам жаль, что мы настолько разочаровали тебя, Киага — Меткий Лук, — с достоинством ответил Нистур.

— Совсе нет! Никакого разочарования. Я думал, что мне будет скучно, а получилось все наоборот. Я изрядно развлекся. Присаживайтесь, друзья. Вы здесь под моей защитой.

— Мы премного признательны тебе за гостеприимство, — сказал Нистур, садясь на шелковую подушку, набитую ароматными травами, — но мы должны быть краткими. По твоему же решению наше время весьма ограничено.

— Но при вашем-то уме и опыте — его более чем достаточно, — возразил Киага.

— Очень приятно услышать похвалу из столь высоких уст.

— В моем народе, — сказал Киага, — считается грубостью и оскорблением говорить о серьезных вещах наскоро. Но раз уж вы так ограничены во времени, давайте отбросим церемонии и перейдем сразу к делу. И все же не забывайте об угощении.

Коротко стриженные рабы и рабыни принесли широкие блюда, на которых лежали сухие фрукты, лепешки и полоски вяленого мяса. Еда была типичной для кочевников. Зато вино было редкого

качества, да и наливали его в аметистовые кубки тончайшей работы.

— Убитый Ялмук — Кровавая Стрела, — начал Нистур, — был вождем племени, которое ты подчинил себе два или три года назад. Это так?

— Он был вождем кочевников с Голубых Гор. Это правда, что мне пришлось силой убедить этот народ в моем праве властвовать над ними. Но с тех пор они стали моими верными подданными.

— И все же, — возразил Нистур, — старая вражда и соперничество не забываются в один день. Во время пребывания твоего посольства в Тарсисе Правитель города и его подданные обратили внимание на некоторую, я бы сказал, напряженность в отношениях между его участниками.

— Это правда? — спросил Книга, не выказывая ни удивления, ни тревоги. — Не мог ли ты быть более конкретен?

— Сам Правитель был свидетелем некоторой стычки между Ялмуком и Говорящим с Тенями.

Нистур кивнул в сторону шамана, выражение лица которого было невозможно прочесть из-за паутины свисающих на него амулетов.

— И какой же вывод ты делаешь из этого? — спросил Книга.

— Они ревностно соперничали друг другом за большее влияние при тебе, которого каждый из них, по его собственному мнению, заслуживает больше другого. Такого рода соперничество за милость властителя — более чем достаточный повод для убийства.

— Значит, ты решил, что Говорящий с Тенями убил Кровавую Стрелу? — Книга явно от души веселился.

— Я просто не утверждаю, что он вне подозрений.

— Твои подозрения безосновательны.

— В чем же их ложность?

— А вот в чем: Говорящий с Тенями был со мной всю ту ночь, когда произошло убийство.

— Неужели? — невозмутимо ответил Нистур. — А я-то думал, что тебя в лагере не было до следующего утра.

— Я пообещал своим вождям и посланникам, что присоединюсь к ним не позднее этого срока. Получилось так, что я прибыл как раз на закате предыдущего дня. И всю ночь я провел, консультируясь с моим шаманом.

— Понятно, — сказал Нистур, явно разочарованный. — И все же среди посланников были другие вожди, которые не очень-то ладили между собой и даже, осмелюсь огорчить тебя, высказывали некоторую неудовлетворенность твоим владычеством над ними.

— Да что ты говоришь? Ты слышал это от самого Правителя Тарсиса?

— Из его собственных уст, — признал Нистур со вздохом.

Киага, не выдержав, рассмеялся:

— Позволь мне объяснить тебе, что именно ты слышал, мой друг. Из уст лживого и жалкого человека, каким является этот Правитель, лился яд, которым он рассчитывал отравить мои отношения с верными мне вождями. Он надеется вновь посеять между нашими племенами семена старой вражды. Он хочет убедить меня в том, что вожди плетут против меня заговор, а их — в том, что я недостойн править ими, что я недостаточно ценю их ум, силу и преданность.

Но я скажу тебе то, что ты можешь передать жалкому Правителю слово в слово: Киага — Меткий Лук — не дурак! И вожди его племен — тоже не дураки. Да, я слышал своими ушами, вожди рассказывали мне, как Правитель и его советники плели свои сети вокруг них, подкупая, натравливая друг на друга и настраивая против меня. Все произошло именно так, как я предупреждал их, снаряжая в посольство! Но верность моих подданных непоколебима!

— Я уверен в этом, — негромко сказал Нистур. — И все же мы хотели бы провести свое расследование по задуманному нами плану, безусловно, учитывая то, что услышали от тебя. Нам ведь нужно представить доклад Правителю. Надеемся, что ты поймешь нас.

Киага развел руками и вновь широко улыбнулся под маской:

— Ну разумеется!

Затем его глаза остановились на Железном Дереве, и Вождь сказал:

— А твой приятель-то не очень разговорчив.

— Зато он хорошо слышит, — ответил Нистур. — И действует решительно.

— Отличные качества, — прокомментировал Киага, — что для советника, что для воина.

— И я уверяю тебя, что он хорош как в одной роли, так и во второй. А что касается твоих вождей, то я...

Киага неожиданно встал:

— Не хочу быть невежливым, но у меня много дел. Моя армия готовится к войне. Итак, вы можете пользоваться в моем лагере полной свободой. Можете входить в любой шатер и допрашивать кого угодно, невзирая на ранг.

Все встали, и Нистур поклонился:

— Тогда мы приступим к делу. И я могу тебя заверить — убийца будет доставлен тебе в срок.

— Посмотрим, как вам это удастся. — С этими словами Киага развернулся и вышел из шатра.

Снаружи донесся яростный вой, вырвавшийся из нескольких сотен глоток. Это армия кочевников приветствовала своего обожаемого Вождя.

Когда следователи вышли из шатра, Киаги уже не было видно. С ним усакала и большая часть его личной стражи.

— Ну и что ты о нем скажешь? — спросил Железное Дерево.

— Он совсем не такой, каким я его себе представлял. То, что он не безмозглый и невежественный варвар, — видно за версту. Если Правитель Тарсиса думает, что примитивные дипломатические уловки пройдут с этим парнем, то он глубоко заблуждается. Готов поклясться, что никакой он не варвар по крови, этот Киага. Спорим, что его лицо не похоже ни на одно лицо из этого лагеря. А закрывает он его для того, чтобы воин из любого племени мог представить лицо Вождя таким, каким ему хочется. И еще одно странное наблюдение. Говорил-то он со мной, но смотрел все время на тебя. Не думаешь ли ты, что вы могли встречаться с ним раньше?

— Как знать, может быть, в какой-нибудь армии. За столько лет с кем я только не встречался. Всех не упомянешь.

Железное Дерево помолчал, напрягая память, а затем сказал:

— Нет, вряд ли. Такого человека я бы не забыл.

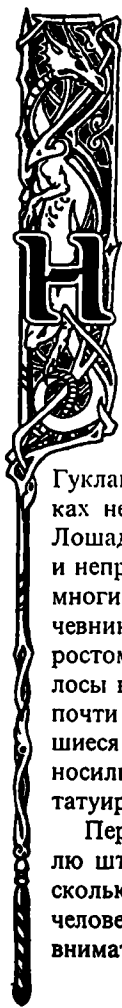
Нистур повел разговор дальше:

— То, что он так клянется в верности ему вождей, лишь возбуждает подозрения, что он сам глубоко сомневается в ней.

— По крайней мере, он угостил нас, — сказала Ракушка, — и теперь мы можем быть уверены в нашей безопасности. Я много слышала про законы гостеприимства, принятые у кочевников. Если гость зашел к тебе в шатер и ты накормил его, то напасть на него означает прогневать богов.

— Да, это их закон, — согласился Железное Дерево. — Даже если гость оказался твоим врагом, после того как он уйдет из твоего дома, нельзя преследовать его еще день и ночь.

— С другой стороны, — возразил Нистур, — сдается мне, что этому Киаге глубоко наплевать на то, что подумают о нем боги кочевников.

Глава 8

у и с кого начнем? — поинтересовалась Ракушка.

— С человека по имени Гуклак, — ответил Нистур.

Они прошли по лагерю, спрашивая дорогу у встречающих воинов, и вскоре вышли к участку, занимаемому кочевниками с Великой Ледяной Реки, чьим вождем и был Гуклак. Этот народ кочевал, разбивая на стоянках невысокие полукруглые юрты из войлока. Лошади племени были невысокими, мохнатыми и неприхотливыми животными, хотя и уступали многим другим скакунам в скорости. Сами кочевники с Ледяной Реки тоже были невысоки ростом и заплетали свои рыжие или светлые волосы в множество тугих косичек. Среди воинов почти половину составляли женщины, сражавшиеся на равных с мужчинами. И те и другие носили на своих телах множество разноцветных татуировок.

Перед юртой вождя стоял вкопанный в землю штандарт высотой футов в двадцать. С нескольких его поперечных перекладин свисали человеческие черепа. Троица «следователей» внимательно разглядывала этот внушительный

символ, ожидая, что кто-нибудь из проходящих мимо подскажет им, где найти вождя.

— Симпатичный штандарт, не правда ли? — раздался позади них голос, принадлежащий мужчине, столь же внимательно, но еще и с удовлетворением разглядывавшему покачивающиеся на ветру черепа.

— Просто великолепный, — поспешил выразить свой восторг Нистур. — Я полагаю, это все головы достойных воинов?

— Именно так, — кивнул незнакомец. — Каждый череп некогда принадлежал вождю какого-либо племени. И все они были снесены с плеч одним из моих предков. Теперь их отвага и доблесть перешли к моему племени.

— Ты — Гуклак? — спросил Железное Дерево.

— Да. Я Гуклак — Укротитель Лошадей, сорок четвертый вождь народа Великой Ледяной Реки. Мои предки владели горами и долиной реки на северо-западе сотни поколений с тех пор, когда мы отвоевали эти места у Змееголовых Людей, когда сами боги были еще молоды.

— До тех пор, пока Киага не присвоил себе всю верховную власть, — продолжил за Гуклака Нистур.

— Киага — Меткий Лук — необыкновенный человек, — твердо заявил Гуклак. — Он — великий завоеватель, отмеченный богами и предсказанный шаманом. Нет позора в том, чтобы признать его господином. И в прошлом мои предки порой следовали за чужими вождями, участвуя в войнах, не видя в этом для себя бесчестья.

Гуклак с вызовом глядел на чужаков, словно приглашая их оспорить его слова.

— Никто и не предполагал, что такой сильный вождь, как ты, покрыл бы себя позором, — заверил его Нистур. — Киага должен быть счастлив, зная, что у него такие верные подданные. Он и сам сказал нам, что все его вожди столь же верны и преданы ему, как ты.

— Мы все ему подчиняемся. И все же одни из нас более верны Киаге, чем другие.

— А какова была верность Ялмука — Кровавой Стрелы? — спросил Железное Дерево.

Гуклак внимательно оглядел наемника и сказал:

— Ты похож на опытного воина, а не на чиновника из Тарсиса.

— Кем бы мы ни были раньше, — сказал Нистур, — но сейчас мы ведем расследование. Нам нужно выяснить, кто был истинным убийцей Ялмука. Вот почему мы спрашиваем тебя, был ли он столь же верен Киаге, как ты.

Вождь немного помолчал, а затем ответил:

— Ялмук был храбрым воином и мудрым вождем. Но он был и гордым человеком, не очень охотно подставлявшим шею под ярмо верховной власти Киаги.

— И все же Киага доверил ему вести переговоры с Тарсисом?

— Киага великодушен. Он часто завоевывает верность колеблющихся, оказывая им особые почести и доверие. Многие из его личных охранников — воины, некогда поклявшиеся убить его. Ну, а кроме того, Ялмук должен был вести переговоры только до приезда Киаги. Дальше Верховный Вождь собирался брать дело в свои руки.

— Мы слышали, что между Ялмуком и шаманом отношения были очень натянутыми, — заметил Железное Дерево.

Гуклак сплонул через левое плечо:

— Я стараюсь вообще поменьше общаться с шаманом. И без него как-нибудь управлюсь. Пусть шаманы общаются с духами и богами, а земные дела пусть оставят вождям.

— А Киага, похоже, ценит помощь Говорящего с Тенями, — сказал Нистур.

Вождь пожал плечами:

— Говорящий с Тенями предсказал приход Киаги. За это он хорошо вознагражден той ролью, которую играет при Верховном Вожде. Мир духов — везде вокруг нас. Душам предков нужно рассказывать о земных делах и спрашивать их совета. Для таких дел и требуется шаман. Но когда он лезет в дела Вождя — воину лучше держать саблю и лук под руками.

— Понятно, — сказал Нистур и перевел разговор на другую тему: — А что ты скажешь о вожде по имени Потрясающий Копьем?

К их удивлению, Гуклак разразился громким смехом:

— Ничего хорошего ни от меня, ни от других воинов вы о нем не услышите! Он вождь племени Гнилого Источника. Это презренные люди, и он больше всех своих подданных заслуживает презрения за все презируемые в войне качества.

— А между прочим, Киага его уважает! — словно невзначай бросил Железное Дерево.

— Народ Гнилого Источника богат, потому что через их земли проходит большая караванная дорога, а они наложили пошлину на каждый фунт груза, провозимого по ней. Но Потрясающий Копьем — дурак, и богатство уходит у него, как песок, сквозь пальцы. Можете посмотреть на него, если хотите посмеяться.

Презрительно усмехнувшись, Гуклак нырнул в свою юрту. Войлочный полог опустился за его спиной.

— Ялмук? — переспросил Потрясающий Копьем. — А что мне за дело до этого мерзавца и жулика?

Несмотря на ранний час, вождь племени Гнилого Источника был изрядно навеселе и явно вознамерился напиться вусмерть к заходу солнца. Глаза вождя были красны от выпитого и от едкого дыма, висевшего в его шатре. Его одежда была просто шикарна — скроенная так же, как кожаные одеяния воинов его племени, она была сшита из прекрасного шелка. Его шапка была отделана мехом горностая, а в свисающие по плечам косички были вплетены золотые украшения и нити жемчуга. Густые усы спускались с верхней губы на подбородок вождя, а их позолоченные кончики соединялись тонкими золотыми цепочками с большими рубиновыми серьгами, висящими в его ушах. Рукоятка его сабли была выточена из слоновой кости.

Но вся эта мишура не добавляла Потрясающему Копьем величественности. Не могла она скрыть и того, что, несмотря на богатство и грозное имя, он был слабым, глуповатым человеком. Понятно, почему Киага приблизил его к себе, подумал Нистур. Такого человека можно использовать в своих интересах, зная, что он никогда не будет представлять серьезной опасности.

— И все же, — настаивал Нистур, — он был убит, а нас назначили расследовать это преступление и найти убийцу...

Железное Дерево наклонился поближе к вождю:

— Это убийство — оскорбление для Киаги. Неужели ты не хочешь, чтобы твой Верховный Вождь был отомщен?

— Киага — Меткий Лук — великий лидер, — промышчал Потрясающий Копьем, — но он ведь всего лишь один вождь среди многих, просто он возглавляет совет вождей. В общем-то, я и сам... — Из-за спины вождя на его плечо легла сильная рука. Это кто-то из воинов высокого ранга, понимая, что его вождь явно говорит лишнее, попытался остановить этот поток крамольного красноречия.

Вождь неприязненно сбросил руку со своего плеча.

— Я — Потрясающий Копьем! И говорю что хочу и что думаю! Ялмук — Кровавая Стрела был предателем и мерзавцем. Правильно, что его там пришили. Боги не позволят, чтобы его убийца был найден и отдан на растерзание Киаге. Да и самому Меткому Луку будет спокойнее и лучше без него. Может быть, он теперь наконец раскроет глаза и воздаст должные почести тем, кто слу... кто сотрудничает с ним верой и правдой, объединяя в один великий народ племена Пыльных Равнин.

— Я уверен, что столь мудрый вождь, как Киага, отметит почестями и твой вклад в это дело, и твою преданность ему, — проникновенным голосом сказал Нистур.

— А то нет! Да я первым говорю на совете вождей! Я ведь лидер в войске, у меня даже самое почетное место в шатре Вождя — по правую руку от Киаги.

— Разумеется, никто не посмеет усомниться в твоих доблестях, которые Киага оценил по достоинству. Великий Вождь должен во всем полагаться на самых верных и близких ему воинов. И все же...

мне кажется, что Киага изрядно зависит от этого своего шамана. Ну, как его там... А, вспомнил — Говорящий с Тенями. Так ведь его зовут?

В ответ вождь разразился хохотом, перемежающимся с иканием.

— А, Говорящий с Тенями! Этот ряженный даже рот боится раскрыть в присутствии воинов. Знай себе шепчет Киаге на ухо, натравливает его против других вождей. Он просто завидует нам.

— Но разве не он предсказал приход Киаги?

— Было дело. Но кто даст гарантию, что не сам Киага снарядил этого шарлатана в пророческий поход? Я ничего против не имею: умный вождь может пользоваться любым полезным инструментом. Но всему надо знать меру, а Киага, похоже, начал принимать этого шута горохового с зеленой рожей чересчур всерьез.

— А Ялмук так же относился к шаману?

— Да мы все так думаем. Просто многие избражают зачем-то почтительное отношение к колдуну. Сам посуди, ну что этот шарлатан сделал такого, кроме как предсказал появление Великого Вождя? Я никогда не видел, чтобы он участвовал в зимнем празднике встречи с духами предков. Шаман нашего племени, Брат Призраков, регулярно вызывает души умерших. Духи предков являются к нему во снах, а он толкует их знаки. А этот Говорящий с Тенями? Он ничего такого не делает, а Киага тем не менее общается с ним ночи напролет один на один. К ним допущен только один раб, да и тот — с вырванным языком.

— Понятно, — сказал Нистур. — А Ялмук, часом, не оскорбил как-нибудь шамана?

На лице Потрясающего Копьем отразилась напряженная работа мысли.

— Ты хочешь спросить, не шаман ли убил Ялмука?

— Сам Киага заверил нас, что шаман в ту ночь был с ним: Но это не значит, что Говорящий с Тенями не мог послать кого-нибудь исполнить это поручение.

— Мне начинает казаться, — глубокомысленно изрек Потрясающий Копьем, — что вы делаете все, чтобы доказать, будто убийство посланника — дело рук одного из нас. Чушь! Его убил Правитель Тарсиса. Быть может, и за то, что Кровавая Стрела запросил слишком высокую цену за свое предательство.

— Ты думаешь, он хотел сговориться с Правителем? — переспросил Нистур.

— Я же сам был в посольстве. Эти аристократы из Тарсиса так и увивались за нами, чуть не дочек своих в постель нам подкладывали — лишь бы мы предали нашего Вождя. Ну скажи ты мне, зачем, например, Советник Рукх... — В этот момент тяжелая рука по-настоящему сильно сдвинула плечо вождя, пресекая излишне откровенную речь. — Ну ладно, в общем, не в этом дело. Ялмука убил или Правитель, или кто-нибудь из его приспешников. Это уже детали. Убийство — явная провокация, а раз так — быть войне. Мы сотрем Тарсис в порошок, камня на камне не оставим. Этот мерзкий город перестанет торчать, как заноза, на наших равнинах!

— Тем хуже для тебя и для твоего племени, — огорошил вождя Железное Дерево.

— Это еще почему? — удивился Потрясающий Копьем.

— Тарсис — место, где пересекаются караванные пути. Если вы его разрушите, ни один кара-

ван не сможет пересечь равнину без этого места для отдыха и рынка для обмена товаров. А значит, купцы поведут свои караваны в обход, за горными хребтами. Боюсь, что ваш участок караванной тропы совсем исчезнет. С чего тогда будет жить твое племя?

Пока вождь разгонял пьяный туман и пытался осознать сказанное ему «следователями», те откланялись и вышли из юрты. Оглянувшись, Нистур буркнул Железному Дереву:

— Зря ты ему так в лоб все выдал. Он же тотчас все разболтает, и Киага обвинит нас в попытках настроить вождей против него.

Железное Дерево усмехнулся:

— Ну не мог я удержаться. Нужно было сбить спесь с этого самоуверенного болвана.

— Ну а теперь куда? — спросила Ракушка, выразительно поглядывая на солнце. Долгое пребывание в лагере противника действовало ей на нервы. — Не пора ли возвращаться в город?

— Пока нет, — ответил Нистур. — Есть тут еще один человек, с которым я очень хотел бы поговорить.

Неожиданно за их спинами вырос высокий воин в аккуратно пригнанной кожаной одежде, богато украшенной вышивкой и инкрустациями из разноцветных камней. Это его сильная рука предупредительно ложилась на плечо вождя, когда тот начинал нести лишнее.

— Я — Лагхан — Боевой Топор, правая рука вождя племени Гнилого Источника. — Представившись, он повернулся к гостям так, чтобы им было видно устрашающего вида орудие убийства, имя которого носил могучий воин.

— Для нас большая честь познакомиться с тобой, — с достоинством поприветствовал его Нистур.

— Мой вождь, — сказал Лагхан, — мудрый и храбрый правитель. Но иногда он выпивает лишнего и начинает нести всякую чушь. Я вам настоятельно рекомендую не воспринимать слишком всерьез все то, что вы слышали в его юрте.

Рука Лагхана зависла в дюйме от рукоятки его грозного топора. На таком же расстоянии от рукоятки меча застыла и ладонь Железного Дерева. Оба воина стояли неподвижно, словно два кота, готовые сойтись в смертельной схватке. Нистур поспешил снять повисшее в воздухе напряжение.

— Я прекрасно понял тебя, Лагхан. Не волнуйся, мы — достойные люди и не воспользуемся минутной слабостью вождя. Все, о чем мы слышали, останется между нами и не будет доложено ни Киаге, ни Правителю Тарсиса. У нас здесь лишь одна цель — выяснить, кто убил Ялмука — Кровавую Стрелу.

Лагхан — Боевой Топор чуть расслабился и опустил руки.

— Вот и хорошо. Занимайтесь только этим — и вам здесь никто мешать не будет.

— А по-твоему, кто убил Ялмука? — спросил Железное Дерево.

Лагхан долго молча смотрел на него, а затем ответил:

— Мои мысли — это мое личное дело. Киага сказал, что вы свободны спрашивать, но он не приказывал мне отвечать. Вы двое — девчонку я не имею в виду — не похожи на жителей Тарсиса. Мой вам совет, не пытайтесь раскопать то, в чем копаться не следует. Лучшее, что вы можете сде-

лать, — выбраться ночью из города через один из проломов в стене или напрямую выйти из ворот с вашими побрякушками и уехать из города. Я могу устроить так, что никто вас не тронет и не будет преследовать.

— Великодушное предложение, — вздохнул Нистур, — но у нас есть свои обязанности.

Лагхан покачал головой:

— Вы что-то скрываете. Я не верю, будто вы столь глупы и не понимаете, что нет чести в служении бесчестным людям.

С этими словами Лагхан — Боевой Топор развернулся и вновь скрылся в юрте вождя.

Отойдя на достаточное расстояние от лагеря племени Гнилого Источника, Нистур негромко усмехнулся:

— А здесь ведь все как в Тарсисе. Такие же закулисные игры, интриги, борьба за власть.

— Есть существенная разница, — возразил Железное Дерево. — Эти варвары смотрят тебе в глаза и прямо говорят о своей ненависти или верности. Может быть, они и дикари, но понятие чести им знакомо.

— Эти честные ребята убьют — недорого возьмут, — возразила Ракушка. — Какая разница — умереть от руки благородного дикаря или негодя-аристократа? Ладно, куда идем-то?

— В шатер шамана, куда же еще? — изобразил удивление Нистур.

Шатер Говорящего с Тенями примыкал к шатру Вождя. Жилище шамана было соткано из черных шкур, украшенных магическим орнаментом. Снаружи стены шатра были увешаны мелкими амулетами и более крупными предметами — бронзовыми и каменными фигурками, скелетами птиц

и летучих мышей, а также тряпичными и восковыми куклами, изображающими людей, многие из которых были утыканы острыми шипами или пронзены миниатюрными кинжалами.

Ракушка поежилась:

— Не нравится мне здесь.

— Я думаю; на этот эффект и рассчитана вся эта чертовщина, — заметил Нистур.

— А может, я подожду вас снаружи, пока вы будете говорить с шаманом? Я нужна вам как проводник в городе, а здесь от меня никакого толку.

— Нет, ты пойдешь с нами, — жестко сказал Железное Дерево.

— Да, — подтвердил Нистур. — Твои зоркие глаза и чуткие уши могут заметить то, что упустим мы.

Подойдя к шатру, Нистур громко похлопал ладонью по шкуре, закрывающей вход. Из-за нее немедленно появился коротко стриженный раб, уставившийся на посетителей карими глазами.

— Мы пришли к Говорящему с Тенями, — сказал ему Нистур. — Будь добр, сообщи ему это. И напомни, что сам Киага позволил нам расспрашивать кого угодно из его подданных.

Не говоря ни слова, раб приподнял полог выше и жестом пригласил их войти. Следуя выразительным жестам слуги, гости расселись на подушках, разбросанных по полу, и стали ждать.

— Немногословный человек, — заметил Железное Дерево в спину скрывшемуся за войлочной стенкой-ковром рабу.

— И есть весьма веская причина его молчаливости, — отозвался Нистур. — У него нет языка.

— Это, наверное, и есть тот раб, о котором говорил пьяный вождь, — сказала Ракушка.

— Несомненно, — подтвердил Нистур. — Для сильных мира сего обычное дело держать при себе бессловесных слуг, которые не могут рассказать чужим о том, что им доводится видеть и слышать.

Ракушка осмотрелась:

— Противное местечко. Нет, не нравится мне здесь.

Повсюду в шатре висели магические амулеты самых разных видов и размеров. В одном из углов сидела поджав ноги мумия, глядевшая на посетителей пустыми глазницами и оскалившаяся почти беззубым ртом. На груди высушенного трупа была укреплена курительница, из которой по шатру расползлся душный, тяжелый, почти липкий на ощупь дым.

— Между прочим, у Станбога в каюте всяких штук понатыкано не меньше, чем здесь, — заметил Нистур.

Девушка пожала плечами:

— Это совсем другое дело. Я знаю, что Станбог никогда не накладывает на людей заклятий и никого не заколдовывает, да и мертвых он не вызывает. По мне, мертвые должны быть не живее вон той мумии, только пусть лежат спокойно в земле, а не украшают помещение вместо мебели.

Нистур демонстративно оскорбился:

— Что? Да как ты смеешь! Это же один из возлюбленных предков! Ты только представь, сколько увлекательных разговоров состоялось у шамана с этим парнем. Когда ему надоедает общаться с невежественными дикарями, он приходит сюда и ведет светскую беседу в свое удовольствие.

— Да ну тебя! — отмахнулась Ракушка. — То же мне — шуточки.

Нистур понял, что нервы девушки и так напряжены до предела, и замолчал, не желая дергать ее.

Наконец из-за тяжелого ковра появился сам хозяин шатра. В полумраке шаман казался почти бесформенным сгустком темноты. Говорящий с Тенями швырнул щепотку какого-то порошка в курильницу, и из нее вырвались языки яркого, но почему-то совершенно холодного пламени. Наконец стало возможно разглядеть покрытое зеленой краской лицо шамана и его карие глаза. Постояв с минуту в полном молчании, колдун сел на одну из подушек и спросил:

— Что вам нужно от Говорящего с Тенями?

— У нас есть к тебе несколько вопросов, касающихся Ялмука — Кровавой Стрелы, — ответил Нистур.

— Ялмук мертв. Не хотите ли вы, чтобы я вызвал его дух, который сообщил бы вам имя убийцы? — Даже сквозь сильный акцент шамана в его голосе ясно прослеживалась ирония.

— Не пытайся уйти от разговора, — предостерег его Нистур. — У нас есть разрешение Книги допрашивать любого человека в лагере, включая тебя.

— Да что вы знаете о Книге? — взвыл шаман, явно цепляясь за слова Нистура. — Это я пророчествовал о приходе Великого Вождя. Я ушел в Ледяную Пустыню, где долгие дни ждал озарения. Я вскрыл себе вены и выпустил столько крови, что был почти на грани смерти. И вот уже на пороге другого мира духи Равнины и души предков объявили мне то, что я затем нес своим соплеменникам.

Шаман бросил следующую щепотку в курильницу, которая на этот раз отозвалась всплеском изумрудно-зеленого огня.

— Мне было видение: белый олень с прекрасными рогами, в десять раз больше любого земного оленя. Это был олень-призрак, белее снега в Ледяной Пустыне. Перед ним появился золотой грифон, но был убит рогами и копытами оленя. А затем олень ударил копытом о землю и, поднявшись к звездам, помчался по небу.

Все племена Пыльных Равнин ведут свой род от великого белого оленя. Грифон для нас — символ городов, окружающих равнину. И я понял, что среди кочевников должен вскоре появиться Великий Вождь, который объединит племена и поведет их в разрушительный поход на города.

— А зачем вам нужно уничтожить их? — спросил Нистур. — Вы же не производите сами многое из того, в чем нуждаетесь, и закупаете или обмениваете эти товары в городах.

— Негоже, чтобы свободный кочевник хоть в чем-то зависел от слабого, выродившегося горожанина. Пусть все они погибнут, а мы вернемся к тому, как жили наши предки! Там, где сейчас стоят города, вскоре зазеленеет трава и будут пастись наши стада.

— Какая печальная перспектива, — заметил Нистур. — И все же мы здесь не для того, чтобы выяснять, кто был предтечей Книаги, а для того, чтобы найти убийцу Ялмука.

— Кто именно — неважно, — ответил шаман, — ибо убили его жители Тарсиса. Когда все горожане будут убиты, дух Ялмука окажется отомщен.

— Надежный способ отомстить, — согласился Нистур. — Но он сработает только в том случае, если убийца действительно кто-то из горожан. А мы в этом вовсе не уверены.

— Тогда вы просто глупцы. Многие вожди раньше враждовали между собой, у многих была обида на Ялмука. Но Великий Вождь Киага, объединив племена, навеки положил конец старым распрям.

— Одно дело — подчиниться Великому Вождю, — заметил Железное Дерево, — а другое — забыть о кровной вражде. Быть может, чья-нибудь личная ненависть пересилила верность новому порядку?

— Или же, — подхватил Нистур, демонстративно оглядывая шамана с головы до ног, — какой-нибудь амбициозный, обидчивый и подозрительный человек не потерпел рядом с собой соперника в борьбе за благосклонность Великого Вождя.

На лице Говорящего с Тенями промелькнуло что-то вроде улыбки.

— А если даже и так? Почему этот человек совершил убийство не здесь, а в городе, где за каждым кочевником следят десятки глаз?

Голос колдуна, казалось, дрожал от еле сдерживаемого смеха.

— Вот, предположим, если вдруг ты; — он ткнул пальцем в Нистура, — почему-то, ну, просто так, решил убить его, — и рука шамана показала на Железное Дерево, — стал бы ты тащить его для этого сюда, где посмотреть на такое зрелище сбежалось бы множество народа? Нет, ты наверняка отвел бы его куда-нибудь в безлюдное место, но в пределах города, где ты чувствуешь себя как рыба в воде.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Железное Дерево.

Шаман наклонился к нему поближе, так что солдат отчетливо разглядел зрачки и коричневую радужную оболочку глаз колдуна.

— Я вижу смертельную болезнь в твоём лице. Я вижу дрожь в твоих глазах. Твои друзья не видят этого телесным взглядом, но я вижу глазами духа. Яд черного дракона действует медленно, но верно.

— С этим ничего не поделаешь. Тем более мы должны быстрее выполнить наше задание, пока с моим другом чего-нибудь не приключилось. — сказал Нистур и добавил: К делу это не относится.

— Ты так в этом уверен? — поинтересовался шаман. — А не хочет ли твой друг излечиться от своего недуга? Я — великий шаман — не единожды возвращал к жизни людей, которых все врачи и колдуны Тарсиса сочли бы бесповоротно мертвыми.

— Сдается мне, что именно мертвецов ты и оживлял, а не лечил раненых и больных! — сама удивляясь своей дерзости, выпалила Ракушка.

— Ты не смеешь говорить о священных вещах, воровка! — грозно оборвал ее шаман, и девушка тотчас же пожалела о своей выходке.

Нистур встал на ее защиту:

— Отнюдь. Она, между прочим, уполномоченный Правителем Тарсиса следователь, ведущий дело об убийстве посланника твоего народа. И ее полномочия были подтверждены и твоим повелителем. Не следует преуменьшать роль нашего расследования, да и преувеличивать собственную значимость, колдун.

Шаман выдержал долгую паузу и медленно произнес:

— Я не привык, чтобы со мной говорили таким тоном. И я жестоко караю всякого, оскорбившего меня.

Железное Дерево, в свою очередь, наклонился к колдуну и столь же отчетливо сказал:

— Нас не интересует твоя гордость, колдун. Если мы не найдем убийцу, мы все равно умрем. Так что побереги свои угрозы для других.

Говорящий с Тенями чуть улыбнулся за паутиной своих амулетов.

— Есть вещи страшнее простой смерти. Но, впрочем, этот разговор бессмыслен. Что вам от меня нужно?

— Мы слышали, — начал Нистур, — что между тобой и Ялмуком была, скажем так, взаимная неприязнь и...

Железное Дерево неожиданно оборвал своего красноречивого компаньона:

— Хватит терять время! Шаман, отвечай, это ты убил Ялмука?

Колдун фыркнул:

— Говорящий с Тенями не убивает оружием.

— Ты нанял, приказал или каким-либо колдовством заставил кого-нибудь другого совершить убийство?

— Нет, и еще раз нет.

— А как ты докажешь, что не лжешь? — встала Ракушка.

Шаман рассмеялся:

— Это мне напоминает щенка, гонящегося за собственным хвостом. Ну да ладно. Раз уж вы уполномоченные следователи, уважу почтенных должностных лиц.

Подмигнув Ракушке, шаман встал и подошел к резному сундуку, стоящему у стены. Вернувшись, он положил перед собой кожаный мешок, завязанный хитроумным узлом. Пока колдун распутывал узел, Ракушка разглядела на тыльной стороне его ладоней какие-то нарисованные или вытатуированные знаки.

Из раскрытого мешка были извлечены горсть желтовато-белых кристаллов — скорее всего, высушенная и раздробленная смола — и изогнутый высушенный корень какого-то дерева в форме человеческой руки со скрюченными, узловатыми пальцами.

— Вы знаете, что это такое? — спросил Говорящий с Тенями.

— Должен признать, что мне неизвестно предназначение этих предметов, — сказал Нистур и поглядел на солдата.

Железное Дерево лишь молча покачал головой. Шаман продолжил:

— Это — Рука Истины. Тот, кто солжет под ее заклинанием, будет мучиться от страшной боли и может быть даже разорван Рукой на куски.

— Сдается мне, что я слышал об этом заклинании, — заметил Нистур.

— Тогда смотри внимательно, — требовательным голосом произнес шаман.

Бросив несколько кристаллов смолы в курильницу, Говорящий с Тенями положил на ярко-алые угли корень в форме руки. Против ожидания дерево не загорелось и не обуглилось, лишь из пальцеобразных отростков выплеснулись языки пламени, заплывавшие над курильницей.

Закрыв глаза, шаман забормотал что-то на непонятном языке. Отговорив заклинание, он вдруг сунул руку в самую середину танцевавшего над деревянной лапой огня. Пламя задрожало и вдруг приняло форму огненной маски, напоминающей человеческое лицо с оскаленным ртом. Три глаза глядели с этой страшной маски. Три огненных рога росли над ее лбом, а из огненных челюстей торчали по три острых, нестерпимо ярких клыка.

Страшный рот искривился, и в шатре послышался какой-то нечеловеческий голос:

— Говори, и если ты солжешь, твоя рука будет моей рукой.

Огненная голова приблизилась к руке шамана и почти коснулась клыками его пальцев. Говорящий с Тенями помолчал, а затем нараспев затянул:

— Это держит ответ Говорящий с Тенями, шаман кочевников Пыльных Равнин. Говорящий с Тенями не убивал вождя Ялмука — Кровавую Стрелу. Говорящий с Тенями не заставлял и не просил никого убивать Ялмука. Говорящий с Тенями не знает, ни кто убил Ялмука, ни зачем. Если Говорящий с Тенями лжет, пусть Страж Истины откусит его руку.

Все замерли, ожидая, что сделает чудовищная огненная голова. Медленно-медленно пылающая маска отодвинулась от руки шамана, огненный рот недовольно закрылся. Вновь послышался незнакомый глухой голос:

— Ты говорил правду, и я остался голоден. Приведи мне лжеца.

Последние слова голос произнес, уже слабая и угасая.

Пламя погасло, и шаман вынул из курительницы деревянную руку. Ко всеобщему удивлению, корень ничуть не обгорел, пролежав столько времени на пылающих углях.

— Ну что, вы удовлетворены? — спросил Говорящий с Тенями.

— Я полагаю, что мы просто обязаны удовлетвориться, — сказал Нистур, вставая с подушек.

— Пока что, — добавил Железное Дерево.

— И бросьте вы искать убийцу, — словно по-дружески посоветовал им шаман. — Вы ведь все равно обречены.

Железное Дерево схватился за рукоятку клинка.

— Не вижу причин, по которым ты был бы достоин пережить меня, колдун.

— Твои угрозы пусты и напрасны, солдат, — ответил шаман. — И все же, — добавил он, сменив тон, — моему Вождю нужны храбрые воины. Если бы ты присягнул на верность Книге — Меткому Луку, он бы мог приказать мне излечить тебя. Как верный шаман моего Вождя, я должен буду подчиниться.

— Что ты имеешь в виду? — прошептал Железное Дерево.

Шаман, не отвечая, встал и направился к выходу. Обернувшись, он бросил через плечо:

— Сейчас я должен идти к Вождю. А вам я советую поторопиться с поисками убийцы. Время идет.

Отбросив полог, шаман скрылся в глубине шатра.

— Что он имел в виду? — повторил свой вопрос солдат, выйдя наружу вместе со своими спутниками.

— Он просто хотел отвлечь тебя от дела, — заверил его Нистур. — Он хочет запутать нас, смутить, а как играть на чужих слабостях — этому его учить не надо. Заметив признаки болезни на твоём лице, он и начал давить на тебя. Половина искусства этих шарлатанов состоит в том, чтобы посеять зерно сомнения в человеке.

— А ты думаешь, это колдовство с лапой — всего лишь фокус? — спросил Железное Дерево.

— Я думаю, у нас есть более компетентный специалист по этим вопросам, — ответил Нистур.

Пройдя через ворота города, друзья были встречены капитаном Карстом.

— Вас вызывает к себе Правитель, — сообщил он им. — Сегодня вечером вы должны представить ему доклад о ходе расследования. Вам надлежит быть во дворце с ударом вечернего гонга. Да, если вы не знакомы с обычаями города, здесь вечерний гонг звучит, когда солнце касается горизонта, а не когда оно скрывается за ним на половину диска или целиком.

— Спасибо за точную информацию, капитан, — сказал Нистур.

Железное Дерево посмотрел на солнце и сказал:

— У нас есть по крайней мере два часа — куда пойдем?

— К Станбогу, — уверенно ответил Нистур. — У меня к нему есть несколько вопросов.

Войдя в каюту, они застали Станбога за изучением какого-то толстенного тома, посвященного свойствам волшебных зверей.

— Рад видеть, что с вами больше ничего не случилось, — поприветствовал вошедших лекарь. — Как продвинулось расследование?

— Очень жаль, что тебя не было с нами, — посетовал Нистур. — Твоего опыта и знаний нам очень не хватало. Особенно во время последнего разговора.

— Надеюсь, я все же смогу пригодиться. Расскажите, как было дело.

Станбог внимательно выслушал рассказ Нистура, подкрепленный замечаниями Железного Дерева. Слушая о встрече с шаманом, лекарь несколько

раз перебивал рассказчиков, прося их описать подробно ту или иную деталь.

Выслушав до конца, Станбог сказал:

— То, что вы описали, судя по всему, — настоящее заклинание проверки истинности слов говорящего. Руку Истины и желтые кристаллы трудно подделать. Да и наказание того, кто осмелится шутить шутки с огненной маской, ждет ужасное. Уж можете мне поверить — в наказаниях и карах я толк знаю.

— Значит, он говорил правду? — с тяжелым разочарованием в голосе спросил Железное Дерево.

— Почти наверняка, — ответил Станбог.

— И он — настоящий шаман, а не фокусник? — поинтересовался Нистур.

— В этом я не могу быть так уверен. Как самые простые приворотные заклинания умеет применять любая знахарка или ведьма, так и это заклинание, будучи подготовлено опытным колдуном, может быть некоторое время использовано человеком, имеющим лишь минимальные познания в колдовском искусстве. Со временем сила заклинания иссякает, внешне огонь тоже блекнет, а пользующийся им оказывается не в силах восстановить его.

— Подождите, я, кажется, что-то вспомнила! — воскликнула Ракушка.

— Ну-ка, ну-ка, выкладывай, — поспешил приободрить ее Станбог.

— Ну, я просто заметила какой-то рисунок на его руках. Может быть, чернилами, а может, и татуировка.

— Наверное, какой-нибудь символ? — уточнил Станбог.

— Ну, ты, наверное, так бы и назвал эту мазню. Я вот и подумала, не защищает ли эта штука его руку от пламени и от зубов той уродины.

— Я тоже помню какой-то знак на его руках, — согласился Нистур. — Но я как-то не придал этому значения.

— И я тоже, — добавил Железное Дерево, — но там было столько всяких колдовских штучек, что на все обращать внимание просто не было времени.

— Ты не могла бы воспроизвести этот рисунок? — спросил Станбог, протягивая девушке обрывок пергамента и кусок угля.

Высунув от усердия кончик языка, Ракушка принялась за рисование. Закончив, она вздохнула, вытерла со лба пот и отдала листок лекарю.

— Вот. Не уверена, что абсолютно точно, но думаю, что похоже.

Нистур, бросив взгляд на сложное пересечение множества линий, согласился:

— По-моему, что-то вроде того. Жаль, что я не присмотрелся повнимательнее к шаману.

Железное Дерево добавил:

— В любом случае Ракушка рассмотрела этот рисунок лучше нас, и мы вряд ли добавим что-нибудь к ее картинке.

Станбог внимательно вертел пергамент перед глазами.

— Что-то не узнаю. Да разве все упомнишь. Но на защитный символ не похоже. Они совсем другие. Мирса, передай-ка мне, пожалуйста, вон тот том — с верхней полки, между ретортой и хрустальной ступкой. Это один из самых полных каталогов магических рисунков и символов, — пояснил он гостям.

Открыв поданную Мирсой книгу, Станбог внимательно взгляделся в первую же страницу, на которой плотными рядами были изображены две дюжины разных знаков.

— Что, так на каждой странице? — пораженный, спросил Нистур.

— Да, всего их здесь собрано больше пятнадцати тысяч. Это так называемый «Список Гарлака» — один из самых известных и авторитетных каталогов подобного рода.

Железное Дерево невесело заметил:

— Похоже, не зная точно, к какому разделу относится нужный нам знак, ты можешь долго проискать его.

— И все же попробую, — воодушевился Станбог. — Что-то мне подсказывает, что эта находка Ракушки многое может объяснить. Эх, будь у меня точная копия, я бы в пять минут нашел нужный нам символ в книге. А так — придется повозиться.

— Будем надеяться, что тебе повезет, — сказал Нистур. — Наше время неумолимо уходит.

Глава 9

Они шли по улицам вечернего Тарсиса, подгоняемые холодным ветром. Небо было еще светлым, алые солнечные лучи отражались от нескольких больших снежных туч, но узкие улицы уже были погружены в густые сумерки.

— Засиделись мы за ужином в той таверне, — сказала Ракушка. — Теперь, глядишь, опоздаем во дворец.

Нистур изобразил на лице благородное негодование:

— Я не собираюсь представлять перед Правителем Тарсиса на пустой желудок. Пара кружек эля может сделать его кислую рожу чуть более терпимой.

— Мы еще успеем проголодаться, проведя пару часов в приемной, — добавил Железное Дерево. — Знаю я эту хваленую точность аристократов, особенно по отношению к тем, кто стоит ниже их.

К их удивлению, стража тотчас же повела их прямо в кабинет Правителя. Идя по длинной анфиладе залов, Нистур бурчал:

— Надо было сообразить раньше. Этот Правитель — всего лишь один выскочка из торго-

шей. А эти ребята умеют ценить время и пунктуальность.

— Вы опоздали, — заметил Правитель, как только «следователи» вошли в кабинет.

Нистур с достоинством ответил:

— Служба, ничего не поделаешь. Важный пункт расследования потребовал несколько большего времени, чем мы ожидали.

— Нужно учиться эффективнее планировать время, — наставительно заявил Правитель. — Ладно, что вы можете доложить мне?

Рассказ Нистура о допросах в лагере кочевников Правитель выслушал весьма нетерпеливо.

— И на это вы потратили целый день? — спросил он, когда Нистур закончил.

— Простите, господин, но я полагал, что мы получили много ценной информации.

Нистур едва сдерживал негодование, видя такую недооценку затраченных им усилий. Но Правитель прояснил свою позицию:

— Наплюйте на варваров! Даже если убийство совершил кто-нибудь из них, Киага ни за что не признает этого. Я требую, чтобы вы сконцентрировались на городской знати. Вот список самых важных лиц города с именами, титулами и адресами.

— Вы полагаете, господин, — сказал Нистур, — что убийство, скорее всего, дело рук кого-нибудь из аристократов Тарсиса?

— Я должен быть честен и не имею права исключить эту возможность.

Железное Дерево через плечо Нистура пробежался по списку и удивленно сказал:

— Насколько я помню рассказ капитана Карста, в основном эти люди — члены Высшего Совета.

— Увы! Я вынужден подозревать даже достойнейших людей из своего окружения, — с печальным видом вздохнул Правитель. — Но я составил этот список не просто так. Все эти господа принимали у себя дома участников посольства, вели с ними переговоры и делали, скажем так, некоторые предложения. Советник Рукх особенно ревностно отнесся к этой деятельности.

— Я должен это понимать так, — осторожно сказал Нистур, — что вас не удивило бы не очень брезгливое отношение Советника Рукха к некоторым милостям и услугам, которые при определенных условиях мог бы предложить ему Киага?

— Я этого не говорил.

— Ну, нет так нет. Если больше нас здесь ничего не задерживает, то позвольте откланяться и начать поиски убийцы согласно вашим ценным указаниям.

— Достаньте мне убийцу хоть из-под земли! — потребовал Правитель.

— Мы очень надеемся, что нам это удастся, — ответил Нистур с поклоном.

Выйдя из дворца, приятели проконсультировались с поджидавшей их Ракушкой. Проглядев список, она сказала:

— Они живут в тех частях города, где я бываю нечасто, но найти эти дома не проблема. Но что нам будет за толк от этих расспросов? Я вообще думала, что Правитель обрадовался бы, окажись убийца одним из кочевников.

— А я, кажется, понял, что он задумал, — произнес Нистур.

— Я тоже, — добавил солдат. — Правитель, скорее, будет рад выдать Киаге одного из своих соперников, чем доказывать ему, что именно один из варваров убил посланника.

— Если вы выдадим Правителю одного из советников, то очень порадует его. С одной стороны — одним конкурентом меньше. С другой — Киага будет вынужден отложить штурм и вести переговоры.

Ракушка помолчала и осторожно предположила:

— Тогда, быть может, Правитель не будет требовать от вас веских и убедительных доказательств?..

— Похоже, что наша юная подруга мудреет на глазах, — усмехнулся Нистур.

Дом Советника Рукха находился в районе, сильно пострадавшем во время Великой Катастрофы, и был построен уже после трагического катаклизма. Предки Советника скупили много опустевших участков вокруг и, расчистив завалы, окружили свою виллу лужайками и садом. Даже сейчас, голый и прозрачный, сад радовал глаз строгой симметрией своих аллей и газонов.

Подойдя к дверям, Нистур взялся за бронзовое кольцо, висевшее в пасти отлитого из того же металла чудовища, и громко постучал. После долгой паузы дверь открыл мажордом, перед глазами которого тотчас же оказались три печати Правителя.

— Мой господин ждал вашего визита, — голосом, выражающим тоску и презрение, произнес мажордом. — Следуйте за мной.

Друзья прошли по коридору и оказались в зале, увешанном семейными портретами. Через несколько минут хозяин дома вышел к гостям.

— Я — Советник Высшего Совета Рукх, — объявил он. — Пожалуйста, будьте кратки. Я

отправляюсь на осмотр ворот и моего участка городской стены.

К удивлению гостей, Рукх был облачен в доспехи: нагрудник и наспинная пластина, внушительные наплечники, щитки на бедра и голени плюс кольчужные перчатки до локтя. Место обычной бархатной маски заняло металлическое забрало. Все доспехи были красиво гравированы и позолочены. Но опытный взгляд сразу мог определить, что это были лишь церемониальные латы, которые не выдержали бы и одного серьезного удара настоящего клинка или стрелы. Случись Рукху участвовать в бою, такие доспехи скорее создавали бы дополнительную опасность, сковывая движения и не обеспечивая защиты.

— Позволю себе напомнить, — заметил Нистур, — что, имея эти печати, мы можем не ограничивать себя во времени, разумеется, в пределах, отпущенных нам Киагой.

— Не мелите чушь. Оборона города сейчас куда важнее, чем поиски убийцы какого-то дикаря, которого к тому же, скорее всего, убрали его же соплеменники. Ладно, валяйте спрашивайте.

— Господин Советник, — начал Нистур, — были ли у вас какие-либо деловые контакты с послом кочевников — Ялмуком — Кровавой Стрелой?

— Были. Помимо официальных переговоров и банкетов, я принимал в своем доме самого посла и еще двух вождей: Гуклака и Потрясающего Копьем. Мои слуги до сих пор не могут извлечь дом от вони.

— Не пытались ли вы переубедить, подкупить или иным образом склонить посла к предательству интересов его народа?

— Разумеется, пытался! А в чем же еще, по-вашему, заключается дипломатия?!

— Боюсь, я не специалист в этой области, — ответил Нистур. — Но в таких скользких делах недалеко и до конфликта. Это я могу утверждать со всей ответственностью. Вот я и интересуюсь, не возникли ли у вас какие-нибудь серьезные трения с Ялмуком?

— Никаких, если не считать рутинных переругиваний по поводу заслуг и доблестей народов, которые мы представляем.

— И как он вам показался? — поинтересовался Железное Дерево. — Я имею в виду, в отношении верности Верховному Вождю.

— Ему был не по душе столь стремительный взлет Киаги, и секрета он из этого не делал. И все же я бы счел его достаточно верным Вождю, по крайней мере, с нашей сегодняшней позиции. Деньги и почести, которые я ему предлагал, не возымели действия. Дикарь был уверен, что вскоре он это все и так получит. Что-то, а его уверенность в победе Киаги в войне была непоколебима. И если уж речь зашла об этом, то во избежание такого исхода дела я хотел бы откланяться и отправиться на осмотр...

— Еще минутку, — остановил его Нистур. — А каковы были ваши дела с оставшимися двумя?

— Абсолютно такими же, — нетерпеливо ответил Советник. — Гуклак сразу же отшил меня со всеми моими предложениями. Это просто фанатик. Потрясающий Копьем — продажный дурак и пьяница. Я его начал разрабатывать, но убийство Ялмука отрезвило и насторожило даже этого глупца. Ну, теперь все?

— Пока — да, — сказал Нистур.

— Великолепно. — Рукх направился к двери и остановился, дожидаясь, пока слуга укрепит на латах черный бархатный плащ. — Удачи вам в поисках убийцы. Но будь я на вашем месте, я начал бы с того человека, чьи печати вы носите на шее. Прощайте.

Оказавшись на улице, Нистур заметил:

— Вот еще один верный слуга Правителя.

— Он вообще странный какой-то, — сказал Железное Дерево. — Я удивился, что ты не стал допытывать его дальше.

— Да из него ничего больше не выжмешь. Все, что он хотел, он уже сказал, даже закинув удочку насчет Правителя. Что с тем, что с другим нужно держать ухо востро. Да и кстати...

— Кстати — что? — спросил Железное Дерево.

— Я вот думаю, а не он ли и заказал мне убить тебя? Хотя нет, не уверен...

Следующим в списке шел Советник Мелкар, но не прошли они и половины пути до его дома, как их бегом догнал какой-то человек в одежде слуги богатого аристократа, который сказал:

— Господа, я послан на ваши поиски Советником Альбаном, который настоятельно и незамедлительно требует вашего присутствия в его доме.

— Он в списке один из последних, — сказал Нистур. — Видимо, Правитель не считает, что он представляет для него большую опасность. Но было бы приятно поговорить с человеком, который сам хочет встретиться с нами.

— Согласен, — сказал Железное Дерево и, повернувшись к Ракушке, наставительно произнес: — По-моему, это один из самых богатых людей в городе. Но не вздумай прихватить хоть что-нибудь на память в его доме.

Ракушка фыркнула:

— Обычно то, что есть у таких богачей, в руках незаметно не унесешь.

Следуя за слугой, они подошли к дому, стоящему в плотном ряду других зданий. Видимо, его владелец предпочитал не тратить деньги на покупку пустого пространства. Войдя внутрь, они оказались в огромном зале, заваленном и заставленном странными скульптурами, непонятными инструментами, чучелами и скелетами редких зверей. На стенах висели непонятные рисунки, чертежи и карты звездного неба, испещренные разными стрелками и надписями.

Ракушка присвистнула:

— Как в каюте Станбога, только в сто раз больше!

Они поднялись по резной винтовой лестнице в виде извивающегося дракона. Каждая чешуйка была вырезана из дуба с величайшим усердием. Наконец на третьем этаже слуга постучал в закрытую тяжелую дверь, с которой на гостей взирали нарисованные чудовища.

— Входите, — послышался приглушенный дверью голос.

Они вошли в комнату, сверх всякой меры забитую магическими приборами, колдовским инвентарем и астрологическими чертежами. В центре помещения вокруг большого стола стояли пять-шесть мужчин и женщин, одетых в костюмы с вышитыми магическими символами. На столе лежали звездные карты — словно в штабе генерала, планирующего сражение. Во главе стола сидел маленький пожилой человек, близоруко разглядывающий вошедших.

— А, вы и есть следователи, назначенные Правителем? — спросил он. Глянув издали на

предъявленные печати, старик продолжил: — Входите, входите. Я вас другими представлял.

— Прошу прощения, если наш вид разочаровал вас, — с поклоном сказал Нистур.

— Нет, нет, напротив. Я-то ждал кого-нибудь из придворных канцелярских крыс или вовсе тупого констебля. А вы, судя по виду, и вправду знаете, за что беретесь.

— Именно так, господин Советник, именно так, — заверил его Нистур.

— Но в будущем у вас может не все так гладко получаться, если, конечно, вам не будет оказана помощь. Вот, извольте взглянуть. — И он потащил гостей к столу.

Весь стол, до последнего дюйма столешницы, был завален звездными картами со свеженанесенными линиями, чертежами, наложенными на рисунки созвездий, свитками пергамента, покрытыми магическими символами и беспорядочными чернильными кляксами. Повсюду валялись металлические булавки, стеклянные шарики, костяные скрепки и еще много всякой всячины.

Нистур внимательно оглядел все это богатство и сказал:

— Э-э... я позволю себе признать свое невежество, но что все это должно обозначать?

— Это доказательство моих серьезнейших опасений, над которыми смеялся Правитель! Доказательство того, что Книга обладает огромной магической силой!

— Игнорировать такие свидетельства, — заметил Нистур, — значит подвергать себя серьезнейшей опасности. А ваши исследования показывают, какого рода могуществом обладает Вождь кочевников?

— Весьма странным, — ответил Альбан. — Все указывает на то, что у Книги есть талисман с огромной энергией, который может одарить его поистине сверхъестественными возможностями.

— Понятно. А эта сила не имеет ничего общего с убийством посла? — на всякий случай решил поинтересоваться Нистур.

Астролог лишь отмахнулся:

— Это слишком мелко для моих построений и исследований.

— И все же мы назначены расследовать это убийство. Скажите, вы, наряду с другими советниками, принимали у себя в доме членов посольства кочевников?

— Конечно. Но среди них был всего лишь один интересующий меня человек.

— Говорящий с Тенями, — сказал Железное Дерево.

— Совершенно верно, молодой человек. Именно шаман вызвал у меня интерес.

Альбан опустил руку в стоящую на столе большую чашу, набрал полную горсть каких-то блестящих кристаллов и высыпал их, пропуская между пальцами. Кристаллы каким-то непонятным образом легли на стол узором в форме пятиконечной звезды. Астролог продолжил:

— Эти шаманы, несмотря на примитивность и грубость их методов, подчас имеют доступ к великим энергиям.

— Позволю себе высказать некоторые сомнения, — оторвался от стола один из астрологов в высокой островерхой шапке из серого шелка с серебристыми звездами. — Шаманы, в своем большинстве, общаются лишь с ограниченным кругом духов и пророчествуют от лица умерших

родственников. Да и в этих жалких рамках они действуют подчас наугад. Эти дикари не знают и не воспринимают истинное Искусство и Мастерство.

— А я не согласна! — почти завизжала очень толстая женщина, чья хламида с вышитыми лунными дисками и разной полноты полумесяцами была размером с небольшой шатер кочевников. — Я встречалась с некоторыми шаманами диких племен и могу заверить, что они умеют подчинить себе большие силы. Их ритуалы и техника кажутся нам странными и подчас необъяснимыми, но это лишь оттого, что у дикарей все передается устно и ничего не записывается.

— Но у нас совсем другой случай, — возразил еще один участник совещания колдунов с морщинистым, словно сушеное яблоко, лицом. — Если бы Говорящий с Тенями имел доступ к большим силам, наши карты показали бы это.

— И все же, — вновь заговорил Советник Альбан, — у нас есть пока еще не вполне ясные указания на странное единение шамана и Вождя. Их звездные карты до странности совпадают. А если у Вождя есть столь могучий талисман, да и сам он так тесно связан с шаманом, то что мешает Книге передать часть своего могущества Говорящему с Тенями?

Нистур решил влезть в разговор:

— Мы узнали от кочевников, что Говорящий с Тенями странствовал по Пыльным Равнинам, пророчествуя о скором пришествии Великого Вождя.

В отличие от Железного Древа и Ракушки, которым явно не нравились все эти обсуждения, Нистур не хотел упускать ни малейшей возможности выяснить что-либо, что могло бы помочь в их деле.

— Да, да, и это очень странно, — согласился Альбан. — Я от него так и не добился объяснений.

Ведь шаманы обычно предсказывают будущее и говорят от имени предков в некоем экстатическом трансе. Я никогда еще не слышал, чтобы шаман, во-первых, ходил из племени в племя, а во-вторых, пророчествовал, находясь в сознании и отдавая себе в сказанном отчет.

— А почему это не вызвало подозрения у кочевников? — спросил Железное Дерево.

— Почему же не вызвало? — переспросил Советник. — Но, как я уже говорил вам, Книга и Говорящий с Тенями обладают сверхъестественными возможностями большой силы. Видимо, им удалось погасить вполне естественную подозрительность кочевников, как и заставить тех отбросить древнюю межплеменную вражду во имя борьбы за идею Книги.

— Не настолько уж и эффективно было это магическое воздействие, — сказал Нистур. — Скорее, он сумел убедить их чем-то земным и осязаемым. Да и недовольных его владычеством среди кочевников и их вождей тоже немало. Не забыты и старинные распри между племенами.

— Умей он полностью управлять столькими людьми, он был бы величайшим магом в мире и не нуждался бы в целой армии для достижения господства над другими народами.

— Какая изящная и убедительная мысль! — согласился Нистур.

— Талисман дает Книге преимущество в земных делах, — продолжал Альбан, — и этот Вождь умеет с максимальной выгодой использовать это преимущество.

— Что вы все вокруг да около! — буркнул Железное Дерево. — Если у вас нет ничего, кроме

пугающих домыслов и нерешенных загадок, то чем вы можете нам помочь?

— А кто вам сказал, что это я должен вам помогать? — недовольно спросил Альбан. — Это вы должны потрудиться на благо Тарсиса! Наш враг — Киага — Меткий Лук, и мы должны выяснить, в чем источник его силы.

— Прошу прощения, господин, — вновь вступил в разговор Нистур, — но мы не были наняты как военные разведчики. Правитель города желает распутать убийство посла кочевников. Найдя убийцу, мы выиграем время для того, чтобы Тарсис укрепил свою оборону во всех отношениях, и в частности — в выяснении неземных способностей Вождя дикарей.

— Чушь! — отрезал Альбан. — Этот Киага твердо намерен начать войну и начнет ее в тот день, когда сочтет нужным. Он не станет менять свои планы независимо от того, найдете вы убийцу или нет.

— Вполне вероятно, — согласился Нистур. — Но у нас есть приказ, и мы будем стараться его выполнить.

— Вы говорили с Киагой и с шаманом? — Мысли Альбана явно могли развиваться только в одном направлении.

— Да, — ответил Нистур.

— Опишите вашу беседу.

— Господин Советник, — возразил Железное Дерево, — нам приказано докладывать Правителю Тарсиса, а не вам.

— Спокойно, приятель, — хлопнул его по плечу Нистур. — Времени это займет немного, а глядишь — будут и полезные результаты.

Пока Нистур рассказывал, астрологи не теряли времени даром: внимательно слушая, они в то же

время рассматривали гостей, кто — в увеличительное стекло, кто — сквозь магический кристалл, кто — через хрустальный шар. Время от времени колдуны аккуратно дотрагивались до одежды Нистура или драконьей кольчуги Железного Дерева. Ракушка поспешила спрятаться за спинами приятелей и по возможности избежать назойливого внимания.

Выслушав все до последнего слова, колдуны встали в тесный кружок и зашушукались, прерывая время от времени лишь для того, чтобы перейти на язык таинственных жестов. Неожиданно невнятный гул смолк, и Советник Альбан обратился к терпеливо ждущим гостям:

— Дело даже хуже, чем мы предполагали. Ваша встреча с шаманом и Вождем оставила на вас следы того, что вы находились в присутствии большого источника магической силы, и того, что на языке науки называется «заклинаниями иллюзий», или, скажем прямо, — обмана. И при этом природа энергетического талисмана не стала яснее. Для того чтобы хоть что-то прояснилось, нам потребуется несколько часов измерений и, кроме того, определенное положение планет, которое будет иметь место лишь следующей ночью. Но как только мы получим результаты, я пошлю слугу разыскать вас, чтобы сообщить все, что мы выясним. А пока можете действовать по намеченному вами плану.

Церемонно поблагодарив за столь великодушное разрешение, «следователи» поспешили удалиться.

Ракушка потрясла головой и спросила:

— Этот старый лопух действительно из ума выжил или только прикидывается?

— Боюсь, что первое предположение больше соответствует истине, — согласился Нистур. — Но это не лишает его бред доли здравого смысла. Я с самого начала был уверен, что без колдовства в этом убийстве не обошлось. Что-то здесь не то. Впрочем, нам от этого ничуть не легче.

— А что ты скажешь об этой компании колдунов? — спросил приятеля Железное Дерево.

— Каких колдунов! — отмахнулся Нистур. — Это же жалкие любители, немногим серьезнее фокусников с деревенской ярмарки. На одежде ни одного из них нет знака, который подтверждал бы их принадлежность к какому-либо Ордену. А значит, они не только не достигли успехов в освоении Искусства и Мастерства, но даже не рискнули встать на сложный и опасный путь Ученичества. Друг мой, в мире полным-полно людей, которые прочли несколько умных книг, быть может, освоили полдюжины заклинаний из самых простых и думают, что это все, что нужно, чтобы считаться настоящим колдуном.

Железное Дерево усмехнулся:

— Что-то вроде деревенских хвастунов, которые в мирное время щеголяют в доспехах, увешанные оружием, но которых днем с огнем не сыскать, когда протрубит труба.

— Именно так. Хотя, быть может, сложив свои жалкие способности, эта компания и высчитает что-нибудь стоящее, но как мы об этом узнаем, не имея даже малейшего опыта в деле толкования звезд?

— Ну а теперь куда? К Мелкару? — зевая, спросила Ракушка.

Железное Дерево вновь заглянул в свиток:

— Судя по списку, Мелкар должен быть на службе в своем форте до третьего ночного гонга. Это где-то за час до рассвета.

Свернув пергамент, солдат вновь сунул его себе за пояс и продолжил:

— Карст говорил, что Мелкар — единственный из советников, серьезно относящийся к своим воинским обязанностям. Значит, он сейчас, скорее всего, в форте или где-нибудь на стене. Поищем его или подождем, пока он вернется домой?

Нистур страхнул со шляпы снег.

— Мы можем потратить уйму времени на его поиски. Я предлагаю вернуться к Станбогу, обогреться, перекусить и выяснить, удалось ли ему разобраться с тем рисунком.

— Я бы не отказалась и вздремнуть немного, — призналась Ракушка.

Подойдя к жилищу Станбога, они с удивлением обнаружили привязанную перед дверью лошадь. Одного взгляда на ее нестриженные хвост и гриву, на неподкованные копыта, на упряжь и седло было достаточно, чтобы определить принадлежность животного к табунам кочевников.

— Неужели гость? — удивился Нистур.

— Может, кто из дикарей мозоль натер? — буркнул Железное Дерево, поправляя перевязь с мечом.

В какие-то они застали Станбога склонившимся над книгой, в которой он, судя по всему, продвинулся где-то на треть. В дальнем же углу, ко всеобщему удивлению, рядом с Мирсой сидел молодой парень-кочевник с шевелюрой точно такого же цвета, как и у спутницы Станбога. Самое сильное впечатление парень явно произвел на Ракушку, которая застыла с открытым ртом:

Нистур вопросительно посмотрел на Станбога, который, на миг оторвавшись от книги, шепнул:

— Это ее брат.

Нистур и Железное Дерево сели за стол, а Ракушка так и осталась неподвижно' стоять у двери. Мирса и ее брат, похоже, вообще не заметили их появления, настолько они были увлечены разговором.

— А я думал, что она одна на белом свете, — шепнул в ответ Нистур.

— Еще два часа назад она тоже так думала. Столько лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Мирса считала, что ее брат был убит в той же стычке, когда погибли их родители. Но, видимо, мальчишку продали в одно из племен степных кочевников. Со временем семья, купившая его, наверное, привыкла к нему как к сыну. Сейчас он оказался здесь вместе с одним из племен в армии Киаги.

Станбог с нежностью поглядел на брата с сестрой. Мирса каждую минуту дотрагивалась до юноши, гладила его по голове, словно все еще не веря, что перед ней живой человек, а не призрак.

— А как он узнал, что она здесь? — с подозрением в голосе спросил Железное Дерево. — Вдруг это шпион, засланный Киагой?

— Только дурак не поверит в то, что они — брат и сестра, — сказал Нистур.

— Да, — согласился Станбог, — никаких сомнений. Парень сказал, что пару лет назад небольшая группа кочевых торговцев лошадьми встрети-лась с принявшим его племенем. Они как раз возвращались из Тарсиса, где я вылечил нескольких из них от черной лихорадки. Торговцы рассказали о лекаре и его весьма необычной помощнице, от-

метив редкое сходство юноши с нею. Ведь из-за смешанного происхождения их черты лица и цвет волос получились очень редкими среди кочевников. С тех пор парень мечтал попасть в Тарсис, но его племя кочевало далеко от этих мест и только сегодня присоединилось к войску Киаги. Не тратя времени даром, он сумел разыскать меня и, как видите, сестру.

Нистур смахнул набежавшую слезу.

— Как трогательно. Разумеется, такая встреча стоит нескольких строк. — И он потянулся за пергаментом и чернилами.

Мирса встала и подвела к ним юношу.

— Это Бадар — мой брат, — представила она его. — Я думала, что он мертв, но он вернулся ко мне.

В ее покрасневших глазах стояли слезы.

— Я... я рад познакомиться с друзьями моей сестры. — Парню было явно непривычно говорить на местном языке, а его акцент был, пожалуй, еще сильнее, чем у Мирсы.

Даже будучи младше сестры на несколько лет, рослый и возмужалый юноша мог бы сойти за ее близнеца. Одет он был, как и она, в плотно прилегающую куртку и брюки из кожи, хотя и иного покроя и с другим орнаментом.

— Я — Нистур, поэт, — представился экс-ассасин. — А это Железное Дерево — воин-профессионал. Ну а это...

— Меня зовут... это... Ра... Ракушка. — Судя по голосу девушки, можно было предположить, что она вот-вот упадет в обморок.

Нистур прищурился: нет, совершенно точно, это не было игрой света — Ракушка покраснела от смущения, как какая-нибудь знатная барышня.

Поэтические чувства Нистура сегодня получали подарок за подарком.

Молодой варвар церемонно пожал протянутые ему руки и сказал:

— Вы сражались плечом к плечу с моей сестрой. Мой меч — к вашим услугам.

— Для нас это большая честь, — заверил его Нистур. — И все же мы не хотели бы мешать вам. У нас пока есть о чем поговорить со Станбогом, а с вами мы еще пообщаемся потом.

Улыбаясь, брат с сестрой снова ушли в свой угол, где продолжили негромкий разговор.

— Ну, что у тебя с тем знаком? — спросил Железное Дерево.

— Я пересмотрел все защитные символы, но среди них нет ничего похожего. Теперь приходится рыться наугад.

— Мы тут имели весьма занятную беседу с одним чудачком, — сказал Нистур и подробно рассказал лекарю о встрече с Советником Альбаном и его приятелями-астрологами.

Выслушав его, Станбог сказал:

— Я знаком со всеми его приятелями. Ни один из них не принадлежит к Орденам, но в то же время они и не шарлатаны. Каждый из них кое-что умеет. Сам Альбан — знатный энтузиаст-любитель. Он очень умен, но ему не хватает мыслительной дисциплины, чтобы стать настоящим магом. Вот он и нанимает второсортных колдунишек, чтобы количеством заменить качество. Если им удастся прекратить выяснение отношений между собой — может быть, они там и насчитают что-нибудь дельное. Кое-что из переданных тобой слов Альбана уже заинтересовало меня.

— Что же именно?

— Ты сказал, что он упомянул заклинание иллюзий?

— Да, но какое именно — он не назвал.

— Разумеется. Существуют разные классификации, но постороннему любой колдун назовет только самое общее название. Да и скажи он тебе его, ты вряд ли сумел бы воспроизвести термин из языка Искусств правильно, не перепутав слов и слогов. Так что в любом случае это нам мало чем помогло бы.

— Так что же значит этот символ? — спросил Железное Дерево.

— Пока что я точно ничего не могу сказать. Но я обнаружил признаки, по которым его можно отнести к заклинаниям изменения формы, а их — великое множество. Но лишь часть из них можно назвать заклинаниями обмана или иллюзий. Это существенно облегчит поиски.

— А такое заклинание обмана может обмануть огненную маску? — спросил Нистур.

— Ни в коем случае, — ответил Станбог. — Рука Истины создана специально для того, чтобы противостоять любой лжи на уровне словесного или символического обмана.

Полистав книгу, лекарь позвал Ракушку, чтобы та посмотрела один из символов. Ответа не последовало.

— Ракушка, ты меня слышишь? — негромко переспросил Станбог.

Девушка, как замороженная, смотрела на пару, сидящую в дальнем углу.

— А? Что? — вздрогнув, спросила она.

Станбог повторил свой вопрос. Внимательно посмотрев в книгу и даже поведив пальцами по рисунку, девушка сказала:

— Нет, очень похоже, но у того знака не пересекались вот эти линии, а вот здесь они, наоборот, замыкались почти что в круг.

Замолчав, она непроизвольно, словно подчиняясь какому-то давлению извне, вновь повернула голову в угол, где сидели Мирса и ее брат.

Трое наблюдателей проследили направление ее взгляда, затем переглянулись и с понимающим вздохом улыбнулись.

— Ну что ж, — сказал Нистур, — пора подкрепиться, выпить рюмку-другую согревающего — и за работу. Я полагаю, что Мелкар должен вот-вот вернуться домой.

— Вы идите, — сказала Ракушка, — а я останусь здесь. Мне хочется спать. Как дойти до дома Мелкара — я вам объясню.

— Хорошо, — согласился Нистур, — передохни немного.

Ракушка даже не удосужилась поблагодарить его за предоставленную возможность остаться в доме.

Подкрепившись и согревшись, Нистур и Железное Дерево вновь пошли в город. Солдат первым нарушил молчание:

— И кто бы мог подумать, что нашу трезвую и даже циничную подругу так легко сразит напоял этот варвар с огненной шевелюрой.

— Дела сердечные подчас бывают так таинственны и непредсказуемы, — мечтательно произнес Нистур, натягивая перчатки. — И даже очерствевшая душа карманницы неожиданно оказывается легко уязвимой для безумной влюбленности. В конце концов, Бадар лишь чуть старше нее и, надо признать, выглядит хоть куда. Нет, ты вспомни, как он выжал слезы из каменной Мирсы! Навер-

ное, он из тех мужчин, которые, даже сами того не желая, растопляют лед в душах самых жестокосердных женщин.

— Да ты и вправду поэт, а я думал — только выпендриваешься, — не то с одобрением, не то осуждая, сказал Железное Дерево.

Уточнив дорогу у встречных патрулей городской стражи, приятели быстро пришли в район, расположенный у Северных ворот. Эта часть города также была сильно повреждена во время Катастрофы, и впоследствии те, у кого были деньги, воспользовались общей разрухой, чтобы по дешевке купить целые кварталы руин и выстроить на этих участках свои шикарные виллы.

— Где-то здесь, — сказал Нистур, оглядываясь. — Стражники сказали, что его дом — с колоннами из зеленого мрамора. Вот только поди разберись, какого они цвета, в темноте да еще и за снежной завесой.

— Знать бы еще, что имел в виду под зеленым мрамором тот в хлам пьяный патрульный, — буркнул Железное Дерево и вдруг ткнул куда-то пальцем. — Смотри — не здесь ли?

Невысокая внешняя ограда сада, окружающего одну из вилл, прерывалась парой массивных колонн, поддерживающих кованую решетку ворот. Подойдя поближе, приятели увидели в верхней части створок фамильный герб — два выкованных оленя, встав на дыбы, сцепились рогами, на которых покоился стеклянный шар со светильником внутри. Ниже герба строгие линии изящной решетки перекрывались какой-то тенью неправильной формы.

Нистур кашлянул и осторожно предположил:

— Странный вкус у Советника Мелкара. Похоже, он украшает ворота своего дома свежими удушенниками. Остается только выяснить, вешает он их здесь живыми или же получает готовыми с виселиц городской тюрьмы.

Железное Дерево пожал плечами:

— Может быть, это один из слуг, чем-то не угодивший ему. Кто их разберет, этих местных аристократов.

— Боюсь, что все не так просто, — невесело заключил Нистур. — Смотри, бедняга одет как кочевник.

Подойдя еще на несколько шагов, они смогли разглядеть лицо повешенного.

— Ну и ну, — сказал Нистур. — Похоже, где-то мы с этим парнем уже встречались.

— Точно, — согласился Железное Дерево, явно не ожидавший такого поворота дел. — Хотя, должен признать, выглядит он сейчас значительно хуже, чем при нашей предыдущей встрече.

Неестественно склонив голову, на перекладине ворот висел, чуть покачиваясь на ветру, Гуклак — вождь племени кочевников Великой Ледяной Реки.

Глава 10

а, подкинули вы мне задачку, — невесело сказал Правитель Тарсиса. — Нет, то, что вы нашли убийцу раньше крайнего срока, это, конечно, замечательно. Плохо, что им оказался Советник Мелкар, единственный достойный воин среди моих советников. Любой другой из членов Высшего Совета был бы более подходящей кандидатурой.

Правитель рассерженно посмотрел на следователей, словно те сами были виноваты в таком исходе дела.

— Я понимаю, — сказал Нистур, — вам трудно смириться с мыслью о том, что Мелкар убил Гуклака. Это кажется почти невероятным и нам тоже.

— Но труп был найден на воротах его дома, — сказал Правитель.

— С таким же успехом можно подозревать Абушмулума Девятого в убийстве Ялмука, — возразил Железное Дерево. — Ведь, в конце концов, у подножия его статуи был найден труп посланника.

— Советник Мелкар нес службу на своем посту до третьего ночного гонга, — обратил

внимание Правителя Нистур. — А когда мы нашли тело, он только-только передал пост своим подчиненным и направлялся домой. Едва ли у него хватило бы времени на убийство, даже если предположить, что он зачем-то вознамерился вывесить жертву на всеобщее обозрение у входа в собственный дом.

— Должен вам напомнить, — сказал Правитель, — что у Советника Высшего Совета Тарсиса есть немало слуг. А в случае Мелкара — это и подчиненные ему солдаты, и личная охрана. Многие из этих людей с удовольствием разделались бы с кем-нибудь из важных кочевников, обеспечив при этом строжайшее алиби своему господину.

— Ну почему именно Гуклак? — спросил Железное Дерево. — И как он оказался в городе?

— Увы, стены Тарсиса не являются непреодолимой преградой, — вздохнул Правитель. — Узнав об убийстве, я отдал приказ об ускорении восстановительных работ, выставлении постов у всех осыпей городских стен, а кроме того, в целях укрепления общественной безопасности сейчас стража и наемники проводят рейд-облаву по выявлению и изоляции всех недовольных, сомневающих-ся, а также всех подозрительных чужеземцев.

— Я сильно сомневаюсь, что последняя мера заметно повысит безопасность Тарсиса, — заметил Нистур. — А кроме того, ни это, ни остальные мероприятия ни в коем случае не уменьшат неизбежного взрыва гнева Киаги.

— Все равно горожане и противник должны видеть, что Правитель принимает решительные меры. В искусстве власти обман подчас не менее важен, чем реальность.

— Да, да, разумеется, — без особого энтузиазма подтвердил Нистур.

— Киагу уже известили об убийстве Гуклака — Укротителя Лошадей? — поинтересовался Железное Дерево.

Правитель криво усмехнулся:

— Я полагаю, это будет сделано и без моего участия. У этого варвара, похоже, немало источников информации в городе. Я сомневаюсь, что все они попадут в мою сеть.

— Естественно, не станете же вы отправлять в кутузку каждого второго наемника, — согласился Нистур. — Не в обиду моему коллеге, далеко не все из его братии придерживаются столь же строго кодекса воинской чести. Подчас мелкой монеты бывает достаточно, чтобы развязать им языки.

— Не стану спорить, — признал Железное Дерево. — Я видел ваших солдат. Часть из них — отъявленный сброд, который за грош выдаст все, что угодно, хоть самому черту.

— Со всех сторон предатели и завистники, — вздохнул Правитель. — Такова тяжкая доля влестителя.

— Каково будет ваше решение, господин? — спросил Нистур. — От этого будут зависеть наши дальнейшие действия.

— Ну что ж. Вы можете продолжать расследование. Советник Мелкар будет помещен под домашний арест. Если вы не предложите мне более подходящей кандидатуры до исхода назначенного срока, я буду вынужден выдать его варварам. Вы свободны.

Оказавшись на улице, Железное Дерево воскликнул:

— Что же это за правитель, который готов выдать противнику своего лучшего командира под самым надуманным предлогом! Да даже если Мелкар и убил этого дикаря...

— Не забывай, — напомнил ему Нистур, — что любой властитель больше всего опасается и ненавидит действительно смелых, толковых и сильных соперников. Если говорить о Высшем Совете, то мы ясно видели две кандидатуры — Рукха и Мелкара. Несомненно, Правитель предпочел бы избавиться от первого из них, но, на худой конец, и Мелкар будет удачной жертвой.

— Даже если этот человек никогда не замышлял ничего дурного против Правителя?! — Железное Дерево не на шутку рассердился.

— Боюсь, что так. Если Мелкар так же честен, сколь храбр, то в Нижнем Совете найдется немало желающих посадить на трон Правителя этого рыцаря без страха и упрека. Это типичная судьба бравого вояки — за популярность и честность он рассчитывается головой.

— Я устал от этого гнилого города! — в сердцах воскликнул солдат. — Не могу здесь больше оставаться. Повсюду ложь и предательство, и при этом всё тебе мило улыбаются. А если не улыбаются, то только чтобы не напугать тебя звериными клыками и змеиным жалом, торчащими из их пасти.

— Какая великолепная метафора! — восторженно произнес Нистур. — Я и не думал, что ты так одарен. Тебе стоило бы... Подожди, кто это там? Не Ракушка ли? И похоже, что она торопится рассказать нам не самые приятные новости.

— Нистур! Железное Дерево! — задыхаясь от долгого бега, выпалила девушка. — Станбога за-

брали в тюрьму! И Мирсу с Бадаром тоже. Скорее! Надо вытащить их оттуда.

Она с такой силой потянула своих друзей к Дворцу Правосудия, что сумела протащить их за собой несколько шагов.

— Минуточку, — наконец смог сказать Нистур. — Прежде чем что-то делать, мы должны выяснить поконкретнее, что случилось.

— И то верно, — согласился Железное Дерево. — Мы теперь на собственном опыте знаем, что единственная вещь, которой у человека в тюрьме в избытке, — это время. А ну-ка рассказывай все по порядку.

— Это случилось на рассвете. Станбог все сидел над книгой. Мирса и ее брат разговаривали, а я уснула. Вдруг раздался громкий стук в дверь. Мирса открыла, и ей в лицо сунули какое-то постановление об аресте всех подозрительных. Она решила посоветоваться со Станбогом, но в корабль тотчас же ввалилась целая толпа стражников и наемников во главе с констеблем Вейтом. Мирса и Бадар решили не проливать свою и чужую кровь зазя и сдали оружие. Их обоих заковали в кандалы и увели. Меня не арестовали только потому, что я показала им эту печать. Хоть на что-то эта железяка сгодилась.

Железное Дерево негромко выругался и сказал:

— Это и есть та облава, о которой сказал Правитель. Я должен был раньше сообразить, чем это нам грозит!

— А в чем их обвинили? — спросил Нистур.

— В пособничестве противнику, кажется, так сказал Вейт. Ведь Станбог — чужеземец, Мирса — и вовсе дикарка. А тут еще в доме явный

воин из армий кочевников. Я попыталась им все объяснить, да куда там! Кто ж меня слушать будет.

— Да, это можно было предположить, — протянул Нистур. — Ладно, пойдем, может, удастся что-нибудь выяснить.

На площади перед Дворцом Правосудия был выстроен временный загон, плотно охраняемый со всех сторон городской стражей. За забором задержанные дожидались распределения по камерам. Почти никого из них не отпускали. Среди арестованных большую часть составляли временно оказавшиеся в Тарсисе чужеземные купцы и местные жители родом из других стран. Немало попало в облаву и всякого уличного сброда. Видимо, выслуживаясь перед начальством, наемники гребли всех без разбора, рассчитывая, что офицеры местной стражи разберутся, кого сажать, а кого отпускать. Но те тоже не желали показаться ленивыми или мягкосердечными к возможным пособникам противника, поэтому распределяли задержанных по камерам, почти не разбираясь в причинах ареста.

Тыкая во все стороны своими печатями, друзья подошли к входу во Дворец.

— Не могу я вас впустить! — крикнул им сержант, отвечающий за караул у входных дверей. — У меня особые указания от Правителя. Никаких посещений задержанных вплоть до окончания проверки.

Железное Дерево потряс перед его носом печатью:

— Узнаешь? С этой штукой я могу входить туда, куда мне нужно.

Сержант только покачал головой:

— Не сейчас! У меня приказ Правителя, подкрепленный распоряжением Советника Рукха, —

никого не впускать. Я получил этот приказ позже сообщения о печатях следователей и буду выполнять последнее по времени распоряжение.

Нистур буркнул:

— Даже боги бессильны против твердолобого упорства младшего командира, ревностно исполняющего приказ. Ну не драться же нам с ним и его стражей?!

— Даже обратившись к Советнику Рукху, мы ничего не добьемся, — сказал Железное Дерево. — Он только рад будет вставить нам палки в колеса. Глядишь, еще и наручники на нас нацепит — до выяснения.

Ракушка сказала:

— Наших в толпе на площади нет. Значит, они уже в камерах.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Нистур. — Будем надеяться, что через пару дней все чуть уляжется и мы сможем вытащить их оттуда.

— Или же Киага разрушит город, — согласился Железное Дерево. — Тогда все это и вовсе потеряет какое бы то ни было значение.

— Быстро же вы сдались! — рассерженно воскликнула Ракушка. — Ну-ка, дайте мне пару монет.

Изумленные, те протянули ей деньги. Схватив монеты, Ракушка подбежала к одному из охраняющих загон стражников и зашептала что-то тому на ухо, одновременно сунув ему в руку деньги. Стражник тотчас же покинул свой пост, попросив кого-то из сослуживцев подменить его, и скрылся за воротами Дворца Правосудия. Вскоре он вновь вышел на площадь и что-то шепнул Ракушке, получив за свое сообщение вторую монету. Вернулась девушка с задумчивым выражением на лице.

— Ну, что ты выяснила? — спросил ее Нистур.

— Они в камерах нижнего уровня, глубоко под землей. Облава началась со Старой Гавани, и они оказались одними из первых задержанных. Эти камеры напоминают пчелиные соты: они построены в форме сужающихся кверху конических ям. Заключенных спускают туда по лестнице, затем лестницу убирают и для верности накрывают яму железной решеткой с замком. Хотя это уже совершенно лишнее. Из каменного мешка и так не выбраться. Разумеется, это самые темные, холодные и мокрые камеры в тюрьме.

— Печальная новость, — заметил Нистур.

— Вовсе нет. Именно оттуда и есть шанс вызволить их, — оживилась Ракушка.

— Что-то я тебя не пойму, девочка, — сказал Железное Дерево.

— Нет, вы действительно чуть что — сразу опускаете руки, — вздохнула девушка.

— Быть может, нам не хватает той информации, которая поддерживает в тебе надежду, — осторожно предположил Нистур, не желая явно признаваться в том, что у Ракушки появился план в ситуации, казавшейся ему и его другу безвыходной.

— Вы согласны на время доверить командование мне? — озорно спросила она.

— Я на все согласен, только бы вытащить старика из-за решетки! — ответил Железное Дерево. — Но боюсь, у нас и так осталось мало времени, чтобы найти убийцу.

— И намного вы приблизились к разгадке? — поинтересовалась Ракушка.

— Признаюсь, что она почти так же далека, как и в первый день расследования, — сказал Нистур.

— Ну так вот. А когда Станбога арестовали, он успел сказать мне, что разобрался в значении того рисунка.

— Слушай, — обратился Железное Дерево к своему напарнику, — лучше делать то, что она скажет. По-моему, ей сейчас виднее. А сами мы пока что зашли в полный тупик.

— Согласен, — ответил Нистур. — Ну что, по-друга, куда мы пойдем?

Ракушка глубоко вздохнула:

— Я покажу вам тот город, о существовании которого Правитель и все его шпионы даже не догадываются. А если и предполагают, то предпочитают не соваться туда, забыть о нем навеки.

Правителю Тарсиса было не до гаданий о том, чем занимаются его следователи. Иные проблемы волновали его. Только что прибыл гонец от Главных ворот, который сообщил, что у стены появился сам Киага — Меткий Лук, который требует встречи лично с Правителем.

Ругаясь и проклиная все на свете, раздавая пинки и оплеухи слугам, Правитель облачился в самые шикарные церемониальные доспехи, пластины которых были украшены серебряным и золотым ли-
т-
тьем и драгоценными камнями. Редкой красоты и роскоши плюмаж спускался со сверкающего шлема. Длинный плащ из тонкого шелка, отороченный мехом горноста, был прикреплен к плечевым пластинам доспехов, и Правитель был посажен слугами на лучшего коня из дворцовой конюшни.

Окруженный личной охраной и отрядом стражников, расталкивающих прохожих по сторонам улиц и освобождающих знатному всаднику дорогу, Правитель быстро доскакал до ворот и спешился.

Несмотря на то что парадные доспехи весили гораздо меньше боевых, подъем на вершину башни стоил Правителю изрядного труда. Кроме того, длинный, волочащийся за ним шлейф плаща, добавлявший ему солидности при следовании верхом, здесь только мешал, несмотря на то что два оруженосца несли его на руках, не отставая от Правителя.

Оказавшись на переговорной площадке и увидев Киагу, Правитель и вовсе пожалел, что так вырядился. Киага, одетый во все черное и в строгую железную кольчугу, верхом на коне в боевой упряжи, поддерживающей лук и копье всадника, выглядел не разодетым для переговоров парламентаром, а командиром, готовым повести свою армию в военный поход. Да, с точки зрения внешности Вождь варваров выигрывал у Правителя Тарсиса. Оставалось попробовать переиграть его в словесной дуэли.

— Я пришел на твой зов, как бы груб и невежлив он ни был, — возвестил со стены Правитель. — Что тебе от меня нужно?

— У меня есть полное право требовать твоей головы, Правитель Тарсиса!

— Чтобы получить ее, тебе придется взять город штурмом, — возразил тот.

— И я это сделаю, если ты немедленно не выдашь мне того, кто убил еще одного из моих вождей.

Правитель вздохнул. Разумеется, он особо не рассчитывал, что сумеет оставить весть о смерти Гуклака в стенах города. И все же какая-то надежда в нем теплилась.

— А как твой вождь оказался в моем городе, Киага? Я не убивал его, пробравшись тайком в твой лагерь. А любой шпион заслуживает смерти.

Как знать, не проник ли он в Тарсис, чтобы вести переговоры с кем-нибудь, чьи интересы не совпадают ни с моими, ни с твоими.

— Это единственное, что удерживает меня от приказа о немедленном начале штурма города. Но мое терпение иссякает. Я требую доставить мне убийц Ялмука и Гуклака завтра на рассвете. И ты, лично ты, Правитель Тарсиса, должен будешь привезти их мне в мой шатер, потому что я не хочу быть обманутым тобою.

— Ты меня совсем за идиота держишь, Книга? — вырвалась у Правителя непротокольная фраза. — Мне только не хватало являться к тебе в лагерь, чтобы ты убил меня или взял в заложники!

— Я пришел к стенам твоего города, где меня легко могут поразить стрелой или копьем. Так поступаем мы — смелый народ Пыльных Равнин. Но, понимая причины твоей трусости, я могу поклясться перед всем моим войском, что не причиню тебе вреда и не задержу тебя в своем лагере, если ты привезешь мне убийц. Ты сможешь вернуться в город целым и невредимым. Я клянусь тебе в этом духами предков наших племен, и ни один воин не последует за мной, если я нарушу эту клятву.

Правитель Тарсиса размышлял, анализируя слова Книги, пытаясь найти в них ловушку.

— Мой господин, — негромко сказал стоявший за его плечом капитан Карст, — он прав — ни один кочевник не стерпит нарушения такой клятвы. Если так поступит вождь — это ляжет пятном позора на все племя или армию.

— Хорошо, — сказал Правитель, — слушай меня, Книга — Меткий Лук. Завтра на рассвете я выдам тебе убийц.

— Запомни! — повторил Киага. — Или убийцы, или война!

Развернув коня, Вождь кочевников поскакал сквозь строй воинов к своему шатру.

— Я очень надеюсь, что вы сумеете выполнить его требование, мой господин, — сказал капитан Карст. — Мы еще не готовы. Чтобы привести стены хоть в более или менее годное к обороне состояние, нужно еще как минимум дней десять, лучше месяц. Да и горожан-рекрутов еще учить и учить, чтобы от них хоть какой-то толк был.

— Думаю, что завтра я подброшу этому псу кость, которой он займется в течение некоторого времени. Затем мы сумеем втянуть его в переговоры. Месяц не месяц, но две-три недели мы протянем время. Хотя, кто знает, может быть, удастся совсем избежать войны.

Карст поклонился и проводил тяжелым взглядом *исподлбья* спускающегося по лестнице Правителя. Капитан понял, что тот имел в виду под костью. Завтра утром кочевникам будет выдан Мелкар — единственный из членов Высшего Совета, который благодаря своим знаниям, опыту и авторитету сумел бы толком возглавить оборону города.

Всегда верный тем, кто его нанимал, Карст поймал себя на мысли о том, что любой глупости и издержкам в борьбе за власть должен быть предел. Капитан решил посоветоваться с верными и надежными офицерами и разработать с ними план прорыва с отрядами наемников, не желающих бессмысленно погибать по глупости начальства, из этого гнилого, проклятого богами города.

— Надеюсь, ты не поведешь нас к кому-нибудь из подружек Жабьего Цветка? — поинтересовался Нистур.

Ракушка привела их в Старый Город, где ветхие, покосившиеся дома опасно склонялись над узкими улицами.

— Почти угадал, — ответила девушка.

Через некоторое время она остановилась на одном из перекрестков и опустилась на колени у одной из решеток, закрывавших канализационный сток. Запустив руку между переплетениями стальных прутьев, Ракушка, пошарив немного на ощупь, вдруг резко клацнула чем-то, напоминающим замок. Вытащив руку из решетки, она сказала:

— Тащите в эту сторону. Я с такой тяжестью одна не справлюсь.

С изрядным усилием двое приятелей повернули на двух петлях тяжелую решетку и поставили ее вертикально.

— Восхитительно, — буркнул Нистур, заглядывая внутрь колодца и пригнувшись. — Еще одна часть города, быть может, самая отвратительная.

— От этих туннелей не требуется быть ароматизированными покоем, — возразил Железное Дерево. — Надо только, чтобы они привели нас туда, куда нам нужно. Ракушка, признайся, что ты задумала?

— Потом объясню. Спускайтесь, здесь есть лестница. Кто пойдет последним, пусть закроет решетку. Она на пружине со стопором, поэтому нужно только немножко потянуть, и она сама медленно опустится на место.

С непривычки темнота показалась им непроглядной, а незнакомая лестница — бесконечно длинной.

— Предупредила бы, что нам понадобятся факелы или лампы, — буркнул Нистур, голос которого разнесся гулким эхом по темному туннелю.

— Не понадобятся, — уверенно ответила Ракушка.

Ее слова донеслись словно со дна пропасти. Спуск продолжался. У Нистура уже заломило в руках и в ногах, но вот он повис на последней металлической скобе, болтая ногами в воздухе.

— Прыгай, — неизвестно откуда донесся до него голос Ракушки.

— Последовать такой рекомендации — значит оказать человеку большое доверие, — прокомментировал Нистур и разжал пальцы.

В тот же миг его подошвы неловко коснулись пола. «Падение» состоялось с высоты в пять-шесть дюймов.

Железное Дерево, стоявший рядом, усмехнулся:

— Будь ты чуть повыше ростом — тебе не пришлось бы пережить такой ужас.

— Вовсе я и не испугался, — восстанавливая достоинство, ответил Нистур. — Просто высота не та вещь, которую хочется принимать на веру в полной темноте.

— Темнота не такая уж и полная, — заметил Железное Дерево.

И вправду, Нистур стал различать силуэты приятелей, хотя и не в деталях.

— Скоро привыкнете, — пообещала Ракушка. — А там, куда мы идем, света еще больше.

— А откуда идет этот свет? — осведомился Нистур.

— Есть светящиеся грибы, — ответила Ракушка, — да и кое-какие камни тоже излучают свет в подземелье.

Нистур потерял ближайшую, чуть светившуюся бледно-голубым светом стену и ощутил под рукой лишь холодный твердый камень.

— Действительно, светящийся минерал. Весьма любопытно, — изрек он.

— Пойдемте дальше, — поторопила их девушка. — Теперь, чуть привыкнув к полумраку, мы уже не рискуем свернуть себе шею.

Идя по туннелю, друзья обратили внимание, что воздух в нем был не затхлым. Он все время еле заметно двигался, подчиняясь тяге какой-то невидимой вентиляционной и, по всей видимости, отопительной системы, — в туннеле было явно теплее, чем на улице.

Вскоре они вышли в довольно высокий зал, в который вели еще несколько туннелей. Зал был освещен гирляндами светившихся разными оттенками грибов, свисающих с потолка.

— Сейчас посмотрим, кажется, оюда, — пробормотала Ракушка.

Услышав эти слова, Нистур запротестовал:

— Не хочешь ли ты сказать, что притащила нас в эту гробницу, сама не зная точно, куда идти?

— Ну, может быть, отчасти ты и прав, — ответила она, внимательно разглядывая все возможные варианты продолжения маршрута.

— А, вот, по-моему, этот, — сказала девушка и нырнула в один из туннелей.

Не имея других достойных внимания предложений, оба приятеля последовали за нею.

Туннель петлял и делал поворот за поворотом, но Ракушка явно была уверена в правильности выбранного пути. Через несколько минут она остановилась у одного из ничем не примечательных изгибов стены и объявила:

— Вот!

— Что — вот? — спросил Железное Дерево, оглядываясь.

Не отвечая, Ракушка направилась к темному пятну на стене, не испускавшему свет. Раздался звук, который нельзя было бы определить никак иначе, кроме как стук костяшек пальцев по толстому дереву.

— Дверь? — изумился Нистур.

Ответом ему послужили шаркающие шаги какого-то существа за столь неожиданной в каменном подземелье деревянной дверью. Та со скрипом приоткрылась, образовав на полу туннеля полосу света. И хотя в помещении за дверью горело всего-то две-три свечи, после полумрака коридора это показалось просто праздничной иллюминацией.

Затем дверь открылась пошире, и на пороге появился гном с совершенно седыми волосами и бородой.

— Кто здесь? — спросил гном. — А, это ты, Ракушка. А эти двое — кто такие?

Нистур нетерпеливо снял шляпу:

— Позволю напомнить, мы, кажется, встречались несколько дней назад в доме Станбога. Я — Нистур, а это — мой друг Железное Дерево. В тот вечер ему было нехорошо, и вас не представили друг другу.

Ракушка прервала это церемонное приветствие:

— Делвер; у Станбога неприятности, — обратилась она к гному. — Только ты и твой народ можете помочь ему выпутаться из беды.

Преодолев подозрительность, вполне естественную для того, у кого гости бывают далеко не каждый день, гном предложил всем троим войти.

— Если Станбогу нужна помощь, мы будем рады сделать все, что в наших силах. Если бы не он, у нас за последние годы поумирал бы каждый второй ребенок.

Ракушка быстро, без лишних деталей пересказала Делверу все, что произошло со Станбогом, Мирсой и ее братом. Гном внимательно слушал, время от времени кивая.

— До нас кое-какая информация доходила, — сказал он, — но мы не лезем за выяснениями всего, происходящего наверху, в деталях. Люди почти забыли про нас, и нас это вполне устраивает. По крайней мере, никто не лезет в наши дела. Но ради Станбога мы можем и напомнить о своем существовании.

— Отлично! — радостно воскликнула Ракушка. — А что мы будем делать?

— Ну, не торопись, это не будет ни легко, ни просто.

— А-а, — протянула она. — Я-то думала, что мы просто пойдем туда и вытащим их, проломив пол камеры.

— В старой части города, под дворцом и тюрьмой, все сложнее. Многие туннели там обвалились, другие заложены камнями или кирпичом. Придется покопать. Да к тому же... Ладно, нужно посоветоваться с остальными. Есть одна опасность, которая может не только осложнить это дело, но и сделать его невыполнимым.

— Что же это за опасность? — преувеличенно небрежно поинтересовался Нистур.

— Бехир, — коротко ответил Делвер, — но не буди лихо, пока оно тихо. Нужно поговорить с теми, кто лучше разбирается в том, что происходит в той части города. Пойдемте.

Пройдя через жилище Делвера, оказавшееся к тому же и его мастерской скульптора-камнереза, они очутились в коридоре, более широком, чем тот, по которому пришли сюда. В этом переходе с потолка даже свисали на цепях кованые железные корзины, доверху наполненные каким-то светящимся веществом. В месте, где коридор упирался в большую дверь, Делвер остановился, но вместо того чтобы открыть тяжелую створку, повернулся в сторону и отворил дверцу маленького помещения вроде кладовой или стенного шкафа. Из дыры в потолке этой комнатухи свисала толстая цепь, уходявшая в такое же отверстие в полу. Цепь была перекинута через блок и соединена с рычагом. Делвер три раза повернул рычаг, вышел из комнатки и закрыл за собой дверь. Через несколько секунд по коридору пронеслись один за другим три гулких удара гонга.

— Это сигнал к общему сбору, — пояснил гном. — Его слышно повсюду в подземелье.

Проследовав за ним через большую дверь, друзья оказались в новом большом зале, вырубленном в скале. Затем им пришлось спуститься по лестнице и пройти еще по нескольким залам и коридорам. Нистур не переставал удивляться тому, сколько сил было затрачено на то, чтобы соорудить этот подземный город, а затем еще и украсить его.

Увлеченный этими мыслями, он даже не заметил, что Делвер привел их в поднимающийся амфитеатром зал, на ступенях которого сидело сорок — пятьдесят гномов, несколько потерявших в этом внушительном помещении, рассчитанном явно на более представительные собрания:

— Что случилось, Делвер? — спросил самый старший гном, чьи седые брови спускались по

вискам наподобие усов. — Общий сбор прозвучал из твоей части подземелья.

— И кто эти незнакомцы? — спросила почти столь же старая женщина.

— Это друзья Станбога. Они принесли новости, касающиеся, пожалуй, всех нас. Там, наверху, большие неприятности, — сказал Делвер.

— А нам-то что до этого? — фыркнул старый гном. — Пусть кочевники хоть испепелят город, до нас им не добраться. В подземелье они соваться не станут.

— Дело не в кочевниках, Горячая Кузница, — сказал Делвер. — Выслушай Ракушку.

Девушке пришлось еще раз пересказать свою историю. Гномы слушали внимательно, время от времени тихонько перешептываясь.

Первой вслух высказалась довольно молодая, по меркам гномов, женщина.

— Нельзя оставлять Станбога в беде, — сказала она. — Он спас моего ребенка, когда я уже считала малышку мертвой.

— Я согласен, все мы многим обязаны ему, — подтвердил тот, кого называли Горячей Кузницей.

— Просто вызволите его из тюрьмы, — попросила Ракушка. — Его и тех двоих, что с ним в камере. А потом мы сразу же уйдем отсюда, чтобы не подставлять вас под гнев Правителя.

— Какое нам дело до его гнева, — отмахнулся старый гном.

Повернувшись к собранию, он громко спросил:

— Ну что, мы согласны?

Ответ гномов был единогласным.

— Тогда приступим. Кто лучше всех знает тот район?

Один гном среднего возраста поднял руку. Старик подбодрил его:

— Ну, Острая Кирка, рассказывай.

Острая Кирка вытер лысину рукавом и, расправив плечи, гордо встал во весь свой четырехфутый рост.

— Под Дворцом Правосудия наши предки, как водится, оставили множество туннелей: частью по требованию заказчика, частично же для себя. К сожалению, многие из ближайших к поверхности переходов обрушились во время Катастрофы, и до сих пор не все они расчищены.

— Сколько времени потребуется, чтобы докопаться от ближайшего свободного коридора до камер? — спросил его Делвер.

— Я возьму в архиве старые чертежи, чтобы уточнить, но полагаю, что не меньше нескольких часов. И не забудьте про бехира.

— Я заранее знаю, что ответ меня не порадует, — заявил Нистур, — но считаю своим долгом спросить: что это за бехир такой?

— Ты не знаешь, кто такой бехир? — не веря своим ушам, переспросил Делвер.

— В других местах они не водятся, — с достоинством ответил Нистур.

— Это огромный червяк, — пояснил Горячая Кузница. — Чудовищный ящер — шагов двадцать в длину. И жрет он все, что попадется ему на зуб.

— Дракон? — негромко произнес Железное Дерево.

Гном покачал головой:

— Нет, у бехира нет крыльев, он не умеет говорить, и его дыхание не ядовито.

— Успокаивающие подробности, — сказала Ракушка.

— Но вместо всего этого он умеет изрыгать стрелы-молнии из своей пасти, — добавил Горячая Кузница.

— И всего-то, — сказал Нистур. — Ну, тогда нам бояться нечего. Мой приятель — Железное Дерево — знаменитый победитель драконов. Видите, на нем кольчуга из убитого им черного дракона. Так что справиться с каким-то жалким бехиром ему — раз плюнуть.

Посмотрев на приятеля, Нистур с удивлением обнаружил, что тот бледен как полотно.

— Ладно, за работу, — сказал Горячая Кузница. — Острая Кирка, отправляйся в архив за планами. Остальным приготовить инструменты и собраться в старом банкетном зале под дворцом.

Гномы разбежались через разные выходы из зала. Все явно с энтузиазмом отнеслись к делу, взорвавшему монотонность их подземной жизни.

— Эх, поработаем! — довольно потирая руки, прокричал Делвер. — Давненько я не брал в руки кирку или лопату. Соскучился по любимому делу.

— А как далеко простираются эти подземные разработки? — поинтересовался Нистур, обегая глазами доступную взгляду часть лабиринта туннелей.

— Под всем наземным городом есть подземный. Мои предки выкопали первые фундаменты Тарсиса, заложили основания его стен, а затем остались под городом, роя поселения для себя. Раньше они связывали нас с мелкими деревушками гномов, расположенными по соседству. Теперь там никто не живет. Нас и в городе-то осталось раз-два — и обчелся. Раньше здесь жило много тысяч представителей моего народа, а сейчас — несколько десятков.

— Да, это печально, — посочувствовал ему Нистур, а затем негромко спросил у Железного Дерева: — Что с тобой? Приближается приступ?

— Нет, дело не в этом. Просто... не ожидал я, что эти сказки про драконоподобного червяка окажутся реальностью.

— Но это же не настоящий дракон. Так, жалкое подобие.

— Здесь настоящего и не надо. Велика разница под землей — есть у него крылья или нет. Не зря, наверное, на люках в городе такие решетки.

— Ладно тебе переживать. Гномы живут по соседству с этой тварью, и пока ничего, живы. Я ведь расписал тебя как победителя драконов, так что ты уж смотри — держись как подобает такому герою.

— Да, похоже, выбора у меня особо-то и нет, — вздохнул Железное Дерево.

Через несколько минут все гномы и люди собрались в длинном и узком банкетном зале с каменными столами. На одном из столов Острая Кирка развернул свиток и придавил его по углам камнями.

— Вот самый подробный план этой части подземелья. Здесь обозначены и самые древние туннели, и новейшие, выкопанные уже после Великой Катастрофы. — Поводив пальцами по непонятному пересечению линий и черточек, он добавил: — Вот эти обрушились и не были восстановлены.

— Ну и сколько нужно прокопать? — поинтересовался Горячая Кузница.

— От нижнего яруса темницы до ближайшего открытого туннеля — ярдов пятьдесят плотной обрушившейся кладки.

— Пятьдесят ярдов! — воскликнул Нистур. — Да это же по крайней мере неделя работы!

— Если бы это была гранитная скала — то и больше. Гранитная кладка потребовала бы около недели. Даже ракушечник с залива был бы серьезным препятствием. Но там завал из мягкого туфа с ближайших холмов. Это совсем другое дело. Не забывайте, мы ведь гномы, а для гномов копать — почти то же, что дышать.

— Не забудьте сделать лаз пошире, — напомнила Ракушка. — Станбог — не худенький мальчик, да и Мирса с Бадаром — не самые узкие в плечах.

В этот момент в банкетный зал вбежали два молодых гнома.

— В двух уровнях под тюрьмой бефир устроил логово. Но сейчас он спит, — сообщили они.

— Надеюсь, эти червяки спят крепко, — буркнул Нистур.

— Вообще, бефиры могут спать годами, — пояснил Горячая Кузница, — но этот в последнее время что-то забеспокоился. Мы давно следим за ним. Похоже, что он проголодался и вот-вот тронется на поиски пищи.

— А почему вы его не убили? — спросил Нистур. — Если они часто спят, это, наверное, было бы не так сложно.

— А ты когда-нибудь убивал существо, которое может метать молнии? — сказал Делвер.

Горячая Кузница пояснил:

— Множество этих тварей мы поубивали за долгие столетия жизни в этом городе. Но каждый раз, когда мы думаем, что убили последнего из бефиров, появляется еще один. Они гнездятся в природных пустотах, намного глубже, чем доходят наши туннели. Когда бефир вырастает и ему становится тесно в гнезде, он поднимается сюда, где больше места.

— Да, пренеприятнейшее соседство, — согласился Нистур. — А копание случайно не разбудит эту тварь?

— А вот это мы скоро узнаем, — философски заметил Горячая Кузница и обратился к остальным гномам: — Работать будем двумя бригадами. Одна расчищает подход к тюрьме, а другая отвозит камни и блокирует туннель, ведущий к нам от логова бехира. Может быть, это заставит его поискать обходной путь и задержит на некоторое время. Хотя лучше было бы, если бы он вообще не проснулся.

— Прекрасный план, — заметил Нистур.

— Мы хотим жить не меньше вашего, — ответил ему кто-то из гномов.

— Далеко до этого завалённого туннеля? — спросил Железное Дерево.

— Пойдемте, я вам покажу, — предложил Горячая Кузница.

Гном подвел их к большой квадратной двери в конце одного из ближайших к залу туннелей. Дверь не запиралась на замок, но была вся разрисована магическими символами гномов.

Самые молодые и сильные гномы уже собрались около двери, притащив свои кирки, молоты, ломы, клинья и лопаты. Старики стояли чуть поодаль с тачками для отходов наготове.

— Мы сейчас примерно под центром площади перед Дворцом Правосудия, — объяснил Горячая Кузница.

— Да, такие туннели дали бы вам огромные преимущества в борьбе, случись у вас конфликт с обитателями наземного города, — заметил Нистур.

— Открывай! — скомандовал Горячая Кузница.

Пронзительно проскрипев ржавыми петлями, дверь распахнулась, открыв за собой сплошную, гладкую, как зеркало, стену, сложенную из каменных блоков. Центральный камень был отмечен несколькими строчками на незнакомом языке, под которыми был начертан магический символ. Горячая Кузница стал внимательно водить пальцем по строчкам и линиям рисунка.

— Здесь говорится о том, когда и почему был заложен этот туннель. Чертеж внизу — личный знак руководителя работы. Сейчас мы вынем этот блок из стены, а когда закончим дело — поставим на место, добавив к этим строчкам описание того, что будет сделано сегодня.

Дождавшись, когда камень будет отнесен в безопасное место, Горячая Кузница скомандовал:

— Ну, за работу!

Гномы, словно термиты в дерево, вгрызлись кирками и ломами в каменную стену.

Горячая Кузница ушел в банкетный зал и начал заносить в один из свитков описание начала работ. Нистур улыбнулся:

— Вы так серьезно относитесь к своим копательным делам.

— Конечно. А разве что-либо другое может быть столь же важным?

— И в самом деле, наверное, нет, — смутившись, ответил Нистур.

Разумеется, в работе люди были гномам не помощники. Те и так отлично справлялись с заданием. Железное Дерево, Нистур и Ракушка оказались не у дел. Одна из женщин принесла им еды и эля, что было съедено и выпито с большим аппетитом.

— Не люблю я вот так сидеть и ждать без дела, — пожаловался Железное Дерево.

— Это потому, что ты — человек действия. А я люблю использовать свободное время в целях расширения знаний о мире. Мне кажется, что образовавшуюся передышку мы могли бы использовать к обоюдному удовольствию.

— Ты о чем? — спросил Железное Дерево.

Нистур наклонился к нему через стол и сказал, глядя в глаза:

— Друг мой, я думаю, что пришло время узнать твою историю. К счастью или несчастью, но наши судьбы оказались крепко связаны. Когда-нибудь я с удовольствием расскажу о себе. Но сейчас мы все оказались слишком зависимы от тебя и твоего прошлого. Подчас твоя странная болезнь, вражда, которую испытывают к тебе некоторые люди, дурная слава, на версту опережающая тебя, — все это подвергает нас обоих и наших друзей опасности. Хотелось бы узнать причину всего этого. — Откинувшись назад, Нистур глотнул из алебастрового кубка и добавил: — А кроме того, это отвлечет тебя от мыслей о чудовище, которое дрыхнет где-то по соседству.

Некоторое время Железное Дерево смотрел на Нистура молча, с почти враждебным выражением в глазах. Ракушка даже втянула голову в плечи и сидела почти не дыша. Затем после долгого молчания солдат в драконьей кольчуге заговорил.

Глава 11

Название страны, откуда я родом, — начал Железное Дерево, — к делу не относится. Я был рожден в знатной, благородной семье, и у меня были, как я думал, блестящие перспективы. Разумеется, это все было давно, в пору моей ранней юности.

— Да, все мы так начинали, — подхватил Нистур.

— Заткнись! — оборвала его Ракушка. — Дай человеку рассказать.

— Приношу свои извинения, — ничуть не обиделся Нистур. — Я обещаю, что постараюсь не перебивать.

— Меня готовили стать воином, как и всех мальчиков в моей семье. Но я хотел быть не просто воином, а рыцарем, героем. Типичная мечта для молодого человека. Но вот реальные действия для ее осуществления предпринимают немногие.

Железное Дерево отхлебнул эля из кубка и продолжил:

— В своих устремлениях я был не одинок. Недалеко от замка отца находился небольшой городок. Сын тамошнего правителя и богатейшего

торговца был моим ровесником. Его звали Бореас, и мы очень дружили с раннего детства, вместе росли и выросли. Отец Бореаса хотел, чтобы сын унаследовал его семейное дело — торговлю вином, что очень прибыльно в наших местах. Но Бореас и слышать об этом не желал. Ему хотелось приключений, он любил петь, играть на арфе, выступать со сцены. Вся городская знать возмущалась таким поведением, недостойным сына столь уважаемого отца.

Бореас не обращал на них никакого внимания и жил как хотел. Разумеется, красивый, талантливый, душа компании, он пользовался большим успехом у девушек. Совершенно закономерно настал день, когда ему пришлось уносить ноги из города.

Он явился в наш замок и подбил меня уехать с ним. Он заморочил мне голову одной недавно услышанной им историей. Говорили, что не очень далеко от нашего городка появился молодой черный дракон. Бореас утверждал, что дракон, как ему положено, сидит на сокровищах, словно наседка на яйцах. Так, мол, им — драконам — полагается. Какое у него было сокровище — денежное или магическое, — никто не знал. Зато было известно, что эта тварь уже сожрала несколько человек из окрестных деревень, да и среди путешественников те места стали пользоваться дурной репутацией.

Бореас мечтал о том, что сложит песнь о себе как о победителе дракона и будет исполнять ее, аккомпанируя себе на арфе, перемежая пение с художественной четкой возвышенной прозы — рассказа о великой победе. Мои же стремления были несколько иными. Я знал, что заслужить уважение и почтение старших и ровесников

можно долгими годами безупречной службы. Но по молодости меня это абсолютно не устраивало. А тут появился реальный шанс решить проблему общественного признания одним махом. Я мог стать героем прямо сейчас. А смертельная опасность только придавала привлекательности этому предприятию.

Повернувшись к Ракушке, он пояснил:

— Молодежь часто думает так. Юные хотят славы, но хотят ее немедленно, сейчас же. Долгий извилистый путь их не устраивает. Они пытаются ускорить его, срезая повороты, но это часто приводит к смерти или поражению.

— Я понимаю, — тихо сказала девушка.

— Итак, мы отправились в путь. У обоих были прекрасные скакуны. При мне были копье и дедовский меч. Правда, доспехи были старыми — теми, в которых я тренировался дома. Отец не спешил заказывать мне новую броню, пока моя фигура не сформировалась окончательно. Несмотря на это, я чувствовал себя настоящим героем.

По мере приближения к тем местам, где объявился дракон, мы слышали о нем множество историй. Судя по всему, он был действительно очень молод — он и в логове-то своем обосновался всего за год до того. Известие о юном возрасте дракона огорчило Бореаса, сообразившего, что тот, видимо, еще не успел собрать достойного сокровища. Я же, не интересуясь сокровищами, нашел эту новость успокаивающей. К тому моменту я стал уже изрядно сомневаться в своих силах в отношении состязания со взрослым драконом. А ну как я оказался бы не первым таким горе-героем за его жизнь? Но если речь

идет об очень молодом экземпляре, убеждал я себя, то здесь вопросов нет. Я должен справиться. А чтобы стать героем, опять же решил я для себя, неважно, большой был дракон или маленький.

Наконец мы добрались до деревушки, у подножия высоких гор. Крестьяне объяснили нам, как добраться до перевала, за которым лежит большое озеро с берегами, поросшими густым лесом, где и устроил себе логово дракон, изредка налетающий на работающих в поле или одиноких путников, проходивших по дороге.

Надо сказать, что крестьяне обрадовались, узнав о цели нашего появления. Эта тварь изрядно досаждала местным жителям не только прямой угрозой их жизням, но и тем, что распугала всех купцов, проводивших теперь свои караваны другой дорогой и не останавливавшихся в деревенских трактирах и постоянных дворах. Нас встретили так, словно мы уже были известны как профессиональные победители драконов. Несколько дней нас кормили, поили и всячески развлекали, а затем намекнули, что не худо бы и за дело взяться. Даже не протрезвев окончательно, мы с веселыми песнями покинули деревню и направили наших коней в горы.

— Ну? — нетерпеливо подогнала его Ракушка. — А что было потом?

— Я не помню, — просто ответил Железное Дерево.

— Что?! — возмущенно воскликнула Ракушка. — Ты выехал из деревни, потом убил дракона — и не помнишь как? Да я более связно вру в суде.

— Пусть рассказывает как хочет, — остановил ее Нистур.

— Нет, правда. Я ничего не помню из последующих трех дней. Это уже потом я узнал, что прошло как минимум три дня. Очнулся я на склоне ледника, почти у вершины горы. Первое, что я почувствовал, была нестерпимая боль.

Судя по глазам Железного Дерева, эти воспоминания и сейчас были живы в его душе.

— Я был один. Меч моего деда пропал. Доспехи на моем теле были изуродованы так, что страшно было смотреть на них. Несколько глубоких, до кости ран осталось на моем теле, от которого вдоль склона тянулся кровавый след. Что случилось с Бореасом? Я знал, что ответ, скорее всего, можно будет найти в начале обозначенного моей кровью следа.

Встать на ноги потребовало невероятных усилий. Боль была нестерпимой, ноги отказывались держать вес тела, и из всех ран от напряжения вновь потекла кровь. Судя по цвету уже засохшей и почерневшей кровавой лужи на том месте, где я лежал, без сознания я пробыл довольно долго — несколько часов, а то и целый день.

Дотащившись до изгиба склона, я с удивлением обнаружил по другую его сторону густую рощу в форме круга в несколько сот шагов диаметром. Добравшись до деревьев, я подобрал с земли подходящую палку и, опираясь на нее как на костыль, стал пробираться сквозь сухостой, стараясь не потерять кровавый след, менее заметный на опавшей листве, чем на снегу. К моему удивлению, в лесу было намного теплее, чем на склоне.

Такой страшной прогулки я не припомню за свою жизнь. Каждые два-три шага мне приходилось останавливаться, чтобы передохнуть. Ловя ртом воздух, морщась от боли, я уже думал, что

вот-вот умру. Лишь желание выяснить судьбу друга удерживало меня от того, чтобы лечь на землю и тихо дожидаться смерти. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я добрался до небольшого озера в центре леса. Над водой поднимались густые клубы пара. Видимо, озеро питали горячие подземные источники и это тепло позволяло расти вокруг водоема густому лесу, нетипичному для таких высот.

Сняв с себя остатки доспехов, я обмыл раны и ссадины на своем теле. Вода из подземного источника явно обладала какими-то целебными или, по крайней мере, восстанавливающими свойствами. Помывшись и даже искупавшись в озере, я почувствовал себя намного лучше. Раны перестали кровоточить, а боль уменьшилась до вполне терпимого предела. Отдохнув, я вновь налег на костыль и пошел вдоль берега. Вскоре я наткнулся на подходящую вплотную к воде и выдающуюся в озеро острым мысом скалу. В гигантском камне виднелась извилистая трещина, расширявшаяся книзу. Лишь только увидев это, я понял, что логово дракона должно быть именно там.

Железное Дерево замолчал, подождал, пока женщина-гном уберет тарелки со стола, а затем, хлебнув еще эля из кружки, сказал:

— Я столько лет не говорил так долго. Горло пересохло.

— Ничего, хоть облегчишь душу, — сказал Нистур. — Пожалуйста, продолжай.

— Что было потом? — спросила Ракушка.

Железное Дерево вздохнул и снова заговорил:

— Уже потом я узнал, что черные драконы обычно водятся в теплых равнинах, предпочитая густые влажные леса и болота. Тот дракон-под-

росток в поисках собственного логова и территории залетел слишком далеко на север и забрался высоко в горы. На свое счастье, он наткнулся на это теплое озеро, где и обосновался, начав потихоньку терроризировать округу.

Но тогда я ничего этого не знал. Мне было нужно только одно — найти Бореаса. Безоружный, я перешел вброд лагуну, отделявшую меня от входа в пещеру. Даже сквозь боль и усталость я ощутил на подходе к ней жуткую вонь. Если вы, начитавшись и наслушавшись легенд, считаете, что логово дракона похоже на дворец, в котором гигантская тварь возлежит на грудах драгоценностей, то ваши представления об этих созданиях не вполне точны. Я могу твердо заявить — молодого дракона заботит только одно: добывать еду и переваривать ее. Я наткнулся на множество останков, в основном лошадей и овец, среди которых кое-где виднелись и человеческие скелеты. Воняло все одинаково отвратительно. Около входа в пещеру я обнаружил самого дракона.

Он был мертв, а на его теле виднелись следы ожесточенной битвы. В разных углах пещеры я увидел куски своих доспехов и, по всей вероятности, клочья моего мяса и лоскутья кожи. Подле израненного дракона валялись мое сломанное копье и согнутый, как тонкая проволока, стальной меч деда. Человеческая и драконья кровь перемешалась на полу пещеры.

Дракон был размером больше доброго коня-тяжеловоза, а мощные хвост и шея делали его еще раза в три длиннее. Увидев такую тварь, я понял, какой глупостью и самонадеянностью были мои мечты победить взрослого дракона в поединке один на один.

Я был вынужден решать, что делать дальше. Нигде не было видно следов Бореаса. Уйти сейчас я боялся. Я не был уверен, что не замерзну и не заблужусь на склоне прежде, чем доберусь до людей. Да и состояние ран внушало мне опасения. Но я пришел сюда, чтобы прославиться как победитель дракона. Мой кинжал оставался при мне, и я из последних сил стал снимать с дракона шкуру.

Должен вам признаться, что работенка эта была не из легких. Я потратил на нее несколько дней и испортил не только свой кинжал, но и оружие тех несчастных, обглоданные кости которых валялись вокруг логова дракона.

— А что же ты ел? — спросила Ракушка. — Ты охотился?

— Это ему не понадобилось, — сообразил Нистур, — потому что питался он мясом дракона.

— Точно. И могу заявить, что оно весьма питательно. Действительно, на драконьем мясе и в целебных водах теплого озера я быстро поправился и восстановил силы. Дракон, даже мертвый, хитро мстил мне. Я уже стал надеяться на полное выздоровление, еще не зная о том, что мои раны все равно смертельны. Яд тогда еще не действовал так явно.

На теле дракона было множество шрамов, небольших ран и две серьезные, каждая из которых могла быть смертельной. Одна рассекла его грудь, другая была следом удара, пронзившего мозг через открытую пасть и пробитое небо. Я не знаю, какая из ран оказалась решающей в бою, не знаю и кто нанес ее. Я действительно не знаю, я ли убил дракона. Быть может, это сделал Бореас, а я лишь легал всем вокруг столько лет.

Обыскав логово, я не нашел сокровищ. Видимо, дракон еще не успел натаскать себе богатых жертв.

Лишь в одном углу я обнаружил вот это. — Железное Дерево потрогал кольцо на своем пальце. — Даже тогда мне было известно его значение, и я решил взять себе волшебное кольцо, смутно предчувствуя, что когда-нибудь оно может сослужить мне добрую службу. Как видите, так и получилось.

Наконец шкура дракона была свернута в рулон. Я хотел унести еще и голову чудовища, но понял, что ни за что не смогу донести такую тяжесть. Единственное, что я не рискнул сделать, — это вскрыть драконий желудок. Я боялся обнаружить там останки Бореаса.

— Да, представляю себе столь безрадостную перспективу, — заметил Нистур.

Ракушка тотчас же пнула его под столом ногой. Железное Дерево продолжал:

— Я так мечтал о том, как я вернусь домой победителем дракона. И что же? Было ясно, что мне обратной дороги нет. Я считал, что виновен в смерти Бореаса, столь любимого всем городом, и, кроме того, я опасался мести его могущественного отца, который в горе мог обвинить меня просто-напросто в убийстве. Поэтому я спустился с горы по другому склону и пошел куда глаза глядят.

Долгие месяцы я скитался по горам и лесам. Доев запас вяленого драконьего мяса, я питался тем, что мог поймать, схватить либо убить камнем или привязанным к палке ножом. Не один раз я собирался выбросить эту шкуру, вес которой изматывал меня. Но вспомнив все, что я пережил, чтобы заполучить ее, я вновь взваливал ее на плечо и шел дальше.

Наконец я оказался не в диких лесах, а среди возделанных полей. За несколько драконьих чешуек я покупал себе еду. Крестьянам я, наверное,

казался безумцем, но безумец со шкурой дракона на плече вызывает не презрение, а осторожное почтение: Придя в-какой-то город, я разыскал лучшего мастера по изготовлению доспехов, который и выкроил по мне эту кольчугу. В качестве платы он взял себе вторую половину шкуры. Сделка показалась ему настолько выгодной, что он отдал мне шлем, неплохой меч, сносного коня и всю необходимую амуницию и сбрую.

С тех пор и по сей день я зарабатываю свой хлеб, воюя за интересы других людей и получая за это деньги. Это, разумеется, несколько не то, что я понимал под рыцарскими странствиями, но я уже давно забыл о таких глупостях.

— Слушай, да твоя история заслуживает целой баллады, нет — поэмы! — не сдержался Нистур.

— А когда ты узнал о своей... болезни? — тихо спросила Ракушка.

— Года два спустя. Однажды я почувствовал легкую дрожь в руках, но, решив, что просто перетренировался с мечом и щитом, не придал этому значения. Но затем это повторилось, а со временем стало все заметнее и чаще. Мои товарищи по службе стали замечать мои проблемы со здоровьем.

Армия ведь очень маленький, тесный мирок, друзья мои. Все всё знают друг про друга, слухам внимают как голосу богов. Я и раньше был белой вороной в братстве наемников: человек, видимо, убивший дракона, но вовсе не ведущий себя как герой. Плюс к тому мое явно не низкое происхождение — все это и так было подозрительно. А тут еще этот странный недуг. Однажды приступ свалил меня прямо в бою. Я был ранен, да еще и один из приятелей чудом уцелел, вытаскивая меня на себе. Потом это стало повторяться чаще, и я уже

сбился со счета полученных из-за этого ран. Но хуже всего, что меня стали сторониться. Прошел слух, что я несу на себе проклятие, а уж от этого недалеко и до того, чтобы отказаться служить со мной. Где проклят один — пропадает и весь отряд. Невезучий человек накликает беду не только на себя, но и на тех, кто рядом. И это еще не все...

— Неужели судьба подкинула тебе еще неприятностей?! — воскликнул искренне огорченный Нистур.

— Мне начал повсюду мерещиться дракон. Сначала он появлялся во сне, но не растворялся при пробуждении. Я считал, что все это — бред моего сознания, на худой конец — призрак убитого мной молодого дракона. Но постепенно чудовище стало показываться все чаще и подолгу, и я понял, что это не детеныш, а взрослая тварь. Дракона стали замечать и другие люди. А значит, это был не призрак. Связать грозное чудовище с моей кольчугой было уже делом времени, и причем не очень долгого.

Однажды я решил съездить в тот город, где оружейник сделал мне мои доспехи. К моему ужасу, я обнаружил лишь пожарище, причем еще дымившееся. Это не было следом военного набега или обычного городского пожара. Нет, на город налетел дракон. Никто из жителей не спасся. Сотни трупов лежали на улицах и площадях, а уцелевшие сошли с ума от ужаса и доживали свои последние дни. Я понял, что это произошло не случайно. От тех, кто еще мог хоть что-то сказать, я узнал лишь одно — дракон был огромным и черным.

Я разыскал одного колдуна из Ордена Красной Магии. Он был хорошо знаком со всем, что касалось драконов. Моя история его очень заинтересовала. Колдун рассказал мне, что появление

черного дракона в холодных странах — большая редкость, ибо они обыкновенно живут в болотистых жарких джунглях. Даже найденное теплое озеро вскоре перестало бы удовлетворять молодого дракона, и в поисках лучших мест он наверняка перебрался бы снова на юг спустя некоторое время. Самое страшное было в том, что этот детеныш слишком рано покинул гнездо и мать стала разыскивать его повсюду. И каким-то непостижимым чутьем она выследила меня по этим доспехам. Тот город она уничтожила, найдя там вторую половину шкуры своего детеныша. Меня она тоже давно разыскала бы, если бы не мои постоянные путешествия. Драконы могут охотиться только по ночам и лишь изредка вылезают на свет. А кроме того, в этих краях довольно холодно, что уменьшает их активность и затрудняет мамаше поиски.

— А почему бы тебе не избавиться от этой шкуры? — спросила Ракушка. — Сколько бы она ни стоила, жизнь-то дороже. А на новые латы ты, глядишь, и заработал бы.

— Я уже пытался, но что-то не позволяет мне снять ее с себя и даже оставлять крепления расстегнутыми больше, чем на несколько минут. Один раз я попросил товарища подождать, пока напьюсь до полусмерти, а затем снять с меня эту шкуру, но стоило ему потянуть за кольчугу, как я чуть было не убил его, прежде чем пришел в себя.

— Да ты просто любимец судьбы, приятель, — усмехнулся Нистур. — Тебе остается замечательный выбор: бегать от дракона и гадать, что убьет тебя раньше: яд мертвого чудовища или месть его живой мамы.

Железное Дерево грустно кивнул:

— Получилось так, что вместе со многими другими наемниками я осел в Тарсисе, дожидаясь если не войны, то хоть каравана, к которому можно было бы пристроиться в качестве охранника. Кроме того, здесь я еще не бывал и надеялся — как оказалось, напрасно, — что моя дурная слава сюда не добралась. Не получив никакой работы, я уже всерьез подумывал о том, чтобы выйти с мечом на большую дорогу и заняться грабежом путешественников. Не правда ли, тяжелая расплата за юношеское тщеславие, которое я из мечтаний решил воплотить в жизнь.

— Кто знает, может быть, судьба переменит свое отношение к тебе, — осторожно предположил Нистур.

— Если это так, то хорошо бы побыстрее, — огрызнулся Железное Дерево. — Сдается мне, времени осталось не так уж много.

— Шаман говорил, что знает средство от твоего недуга, — напомнила Ракушка. — Как вы думаете, он не врет?

— Я бы не доверил Говорящему с Тенями даже вывести бородавку, — ответил Нистур. Поглядев на Железное Дерево, он убежденно добавил: — И не думай, приятель. Я понимаю, что он подбросил тебе надежду, но пойми, он просто пользуется твоим отчаянием и готовностью поверить во что угодно.

— И все же не отчаивайся, — успокоила солдата Ракушка. — Вот вытащим Станбога из-за решетки, а там — дай ему только время, и старик что-нибудь придумает. Он кого хочешь вылечит.

— Наша юная подруга, быть может, преувеличивает, но лишь самую малость, — подхватил Нистур. — В конце концов, мир велик, и никогда не

знаешь, откуда свалятся неприятности, а откуда придет спасение.

— Не нужно меня утешать и успокаивать, — сказал Железное Дерево. — Если бы я был из тех, кто сдается, я уже давно сделал бы это. Ну да ладно... Как там дела у гномов?

Подойдя к туннелю, они посторонились, пропуская очередную тачку с обломками камня. Казалось, что гномы проходят сквозь завал, как гвоздь через масло, оставляя после себя узкий, но достаточный для того, чтобы дать пройти человеку, туннель. В этом проходе ничего не было видно в двух шагах впереди — так плотно висела здесь в воздухе пыль. Лишь откуда-то из темноты доносился ровный, как тиканье часов, стук инструментов о камень.

Пропустив еще одну тачку с камнем и две, возвращавшиеся налегке в туннель, Нистур присвистнул:

— А эти ребята действительно знают толк в своем деле.

— А как ты с ними познакомилась? — спросил Железное Дерево у Ракушки.

— Я же провела все детство в Старом Городе, облазив все обнажившиеся после Катастрофы подвалы, подземелья и туннели. Время от времени я встречала гномов. Они хоть и не самые общительные создания, но, не видя во мне никакой угрозы, все же стали общаться со мной, выясняя, что происходит в городе. Когда Станбог поселился в Гавани, я рассказала им о новом лекаре.

Друзья вернулись в зал и снова уселись за стол. Нистур продолжил разговор:

— А у тебя была семья?

— Не знаю. Я родителей не знала. Сколько себя помню, я побиралась по улицам и помойкам

да пряталась в развалинах Старого Города. — Она невесело рассмеялась. — Вы двое хоть мир повидали, а я нигде не была и ничего не умею, кроме как воровать.

— Зато в своем деле ты мастер, — возразил ей Нистур.

— Но главное, что ты не разучилась быть настоящим другом, ощущать благодарность за добро, — сказал Железное Дерево.

— Последние дни, проведенные с вами, стали самыми интересными за всю мою жизнь, — призналась она и, покрутив в руках серебряную печать, добавила: — Да и с этой штукой было весело. Знай себе изображай важную персону, никто тебя не гонит, не пинает... Но, чувствует мое сердце, всему этому веселью скоро придет конец. — И она печально вздохнула.

— Из всего, что мы можем сказать, — возразил Нистур, — предсказания будущего — самое ничемное и неблагодарное дело. Я полагаю, что весь наш жизненный опыт ничем нам не поможет в ближайшие несколько часов, а посему предлагаю воспользоваться образовавшейся паузой для того, чтобы восстановить силы отдыхом и сном.

Под стук инструментов приятели быстро задремали, подложив руки под головы. Лишь Ракушка забралась на соседний стол и свернулась на нем калачиком, закутавшись в плащ.

Проснулись они оттого, что на их плечи легли руки гнома.

— Мы — под их камерой, — сказал Горячая Кузница, когда друзья протерли глаза. — Вы хотите быть там, когда мы пробьем пол?

— Конечно! — воскликнул Нистур. — Мне доводилось участвовать в побеге из тюрьмы,

организовывать бегство другим, но такой экзотики я что-то не припоминаю.

Ракушка уже бросилась вперед по туннелю, как все вдруг почувствовали глухой удар где-то под землей и последовавшую за ним вибрацию пола и стен.

— Что это? — с ужасом спросила девушка. — Землетрясение?

После Катастрофы всем жителям Тарсиса из поколения в поколение передавался ужас перед землетрясениями.

— Нет, — ответил Горячая Кузница. — Это... будем надеяться, что ничего страшного.

Они быстро прошли по туннелю, где уже почти осела поднятая работой пыль, и оказались в тупике, который гномы расширили в небольшую круглую комнату с высоким потолком. В центре помещения была оставлена аккуратная ступенчатая пирамида, с которой можно было достать киркой до каменного свода. Один из гномов как раз и занимался тем, что аккуратно вынимал скрепленные раствором камни и передавал их тем, кто стоял на ступеньках пирамиды.

Нистур спросил:

— А это точно то место, которое нам нужно? Вы не могли ошибиться?

Гномы явно оскорбились бы, если бы поняли суть вопроса. Один из них простодушно ответил:

— Да где ж тут ошибаться-то?

— И вправду — где? — сам себе буркнул Нистур.

Неожиданно помещение вновь сотряслось от далекого удара. Раздался крик одного из молодых гномов:

— Он просыпается!

— Быстрее! — скомандовал Горячая Кузница. — Нам теперь не до скрытности. Рушьте потолок, не тяните время!

Стоявший на пирамиде гном удвоил скорость работы, но врожденное прилежание и почтение к труду каменотеса не позволяли ему варварски ломать кладку.

Железное Дерево взял в руки тяжелый молот.

— А ну-ка, пусти! — крикнул он, взбегая по каменным ступеням.

После первого же удара на голову солдата посыпались каменная крошка и превратившийся в песок раствор. От второго по потолку побежали ветвистые трещины. Лишенный столь любимой им работы гном-каменщик завопил:

— Варварство! Где это видано? Какой скандал!

— Бывают случаи, когда мы должны отступить от обычаев, — утешил его Горячая Кузница.

С третьим ударом с потолка посыпались крупные камни, а сам Железное Дерево скатился по ступенькам пирамиды прямо в заботливо подставленные руки гномов.

В своде образовался зияющий провал, из которого донесся приглушенный голос:

— Что случилось?

— Станбог! — звонко крикнула Ракушка. — Это мы пробились к тебе на помощь.

— Ракушка? — раздался насколько возможно ласковый голос Мирсы.

— Быстрее спускайтесь! — крикнула Ракушка. — Времени на рассказы и расспросы нет. У нас на пути еще какое-то чудовище.

В этот момент раздался новый подземный удар, за которым последовал истошный вопль:

— Он пробивается через барьер!

Горячая Кузница приказал одному из самых молодых и расторопных гномов:

— Беги к остальным, пусть опускают железные решетки на выходах из зала.

Затем он скомандовал:

— Уходим отсюда! Мы свое дело сделали. Если чудовище прорвется в зал, уходите по туннелям дальше, опуская за собой решетки. Попробуйте заманить его в одну из ловушек. Может быть, сработает, и оно свалится в бездонный колодец.

Железное Дерево вновь взялся за молот, чтобы расширить дыру в потолке.

Нистур спросил у Горячей Кузницы:

— А ты почему не убегаешь?

— Я останусь с вами, — ответил гном. — Я уже стар и все равно скоро умру. Если мы не убьем чудовище, оно съест многих из нас. Потом оно уснет, и, может быть, те, кто выживет, смогут справиться с ним.

— Не бойся, — ободрил его Нистур, — наш победитель драконов быстро наведет здесь порядок.

— Может, твой приятель и победитель драконов, — буркнул гном, — но каменщик из него никуда не годный. Он просто варвар! — И Горячая Кузница закатил глаза, взглянув на неправильной формы дыру в потолке.

Наконец в пролом прыгнула Мирса, приземлившаяся на груды обломков легко, как горная коза. Вслед за ней Бадар опустил, держа за руки, Станбога, а затем прыгнул сам.

— Было бы весьма любопытно узнать, как вам удалось провернуть такое дело, — сказал Станбог, отряхивая свой плащ.

— Сейчас не до того, — ответил Нистур, поправляя перевязь меча. — Тут по соседству шаста-

ет какой-то бехир, и говорят, что встреча с ним не обещает быть приятной.

На лице Бадара застыло выражение, смешавшее в себе восторг и панику.

— Что... что это за место? Где мы? — выдавил он.

Ракушка бросилась объяснять ему:

— Мы в пещерах гномов. Не бойся, здесь есть выходы на поверхность. Но до них еще надо добраться.

— С чего ты взяла, что я боюсь? — Страх Бадара как рукой сняло. — Никогда я не боялся никакой твари — летающей или ползающей. Мне только нужно оружие.

Нистур подмигнул Железному Дереву:

— Узнаешь? Знакомые слова. Эх, молодость, молодость...

— Уходим отсюда! — крикнул солдат, явно не расположенный вести беседу. Меч уже сверкал в его руке.

Горячая Кузница повел всех к банкетному залу. Вновь пополнившим компанию не пришлось привыкать к полумраку. В их камере было еще темнее. У конца туннеля гном остановился и выглянул в большой зал.

— Пока что его не видно, — негромко сказал он. — Один бросок до противоположной стены. Наши приподнимут решетки и пропустят нас. На время мы будем в безопасности, а там...

В этот момент что-то с грохотом вломилось в зал через одну из боковых дверей, выломав косяки и разворотив дверной проем. Сквозь облако пыли было видно извивающееся змееподобное тело, на котором, однако, шевелилось множество пар коротких когтистых лап. На длинной шее

поворачивалась из стороны в сторону огромная, похожая на крокодилью голова, осматривающая зал в поисках добычи. Длинные шипы на макушке и затылке чудовища поднимались и опускались с каждым его вздохом.

Попятившись, вся компания скрылась в своем туннеле. Кроме Станбога, все вооружились: Бадар и Горячая Кузница взяли в руки молоты, а Ракушка и Мирса — прочные стальные прутья, используемые гномами как рычаги при подземных работах. Эти толстые прутья были футов шести в длину, один их конец был заострен, а другой слегка изогнут и расплюсчен.

— Чудовище может услышать нас? — прошептал Нистур.

— Вряд ли, если говорить тихо, — ответил гном.

— Тогда самое время поделиться полезными идеями, если они у кого-то есть. Лично я готов признать, что у меня в голове ничего дельного не наблюдается.

— Ты же говорил, что он, — гном ткнул пальцем в сторону Железного Дерева, — победитель драконов.

— Ну, ведь не всех подряд, а только одного, — оправдывался Нистур. — И давно это было, да и дракон был маленький... Лично я предлагаю отступить в тюрьму, переждать в камере и попытаться выбраться отсюда через верх.

— Я не оставлю мой народ в сражении с бехи-ром, — объявил Горячая Кузница. — А кроме того, я не собираюсь позориться, прячась от опасности в городской кутузке.

— Спокойствие, друзья, спокойствие, — примирительно сказал Станбог. — Дайте-ка мне по-

смотреть на это создание, а потом мы все вместе помозгуем, как с ним можно справиться.

Старик подобрался к самому выходу. Судя по всему, чудовище еще не заметило этот туннель. Поколебавшись, бефир направился к одной из решеток, перекрывавших другие выходы, и ударил по ней вполсилы. Решетка зазвенела, но не поддавалась. Бефир взмахнул шеей и со злости изо всех сил ударил по решетке головой. Крепкая кованая конструкция опять устояла.

Пока чудовище было занято, Станбог внимательно оглядел его и помещение, отметив про себя висящие на стенах железные держатели для факелов и бронзовые корзины-постры со светящимися грибами. Кроме того, от его внимания не ускользнуло и то, что столы и скамьи были не просто прикреплены к полу, а вырублены из единого с ним монолита в процессе строительства зала. Когда бефир стал разворачиваться, пятясь между неподвижными столами, Станбог вернулся к своим друзьям, и вся компания отступила в глубину туннеля.

— Ну что, выяснил что-нибудь полезное? — нетерпеливо спросил Железное Дерево.

— То, что мы имеем перед нами, — тоном лектора произнес Станбог, — есть не что иное, как самый настоящий бефир. Это не дракон, но убить его будет ничуть не легче.

— Я надеялся услышать что-нибудь более обнадеживающее, — вставил Нистур.

— Позволь мне договорить. У бефира есть некоторые таинственные свойства, но в главном нужно исходить из того, что он всего лишь большая рептилия со всеми вытекающими отсюда качествами: свирепостью, активностью на голодный желудок и вялостью в сытом состоянии. Кроме того, эти

твари почти безмозглы. К сожалению, сейчас бехи демонстрирует явные признаки голода.

— Еще он изрыгает молнии! — с ужасом добавил Горячая Кузница.

— Да, — согласился Станбог, — но, используя единожды это страшное оружие, он должен некоторое время ждать, пока накопятся силы для следующей молнии.

— Великолепно, — усмехнулся Железное Дерево. — Выберем одного из нас в качестве объекта для обжаривания, а остальные затем преспокойно забудут молотками безобидную зверюшку насмерть.

— Позвольте мне объяснить вам кое-какие научные положения, — настойчиво сказал Станбог. — Есть два типа молний: природные и магические. Природные все мы наблюдаем во время грозы. Они страшны и могучи, но бесцельны, если, конечно, не направляются волей богов. Магические молнии создаются могущественными колдунами или же продуцируются животными некоторых видов; представитель одного из них пребывает сейчас в состоянии голода по соседству с нами. И те и другие молнии, как известно, тяготеют к земле, а металлические предметы могут притягивать их еще в воздухе и передавать их энергию в землю.

— Думаешь, можно обезопасить себя от его молний? — спросил Нистур.

— Если мы соберемся и будем действовать слаженно и быстро, пожалуй, это было бы возможно.

— А как мы потом уьем его? — осведомился Горячая Кузница.

Все обернулись к Железному Дереву. Тот померчал и махнул рукой:

— А, там видно будет.

Пока Станбог обсуждал с ними свой план, черта на полу какие-то линии и знаки, Бадар и Ракушка принесли еще стальных прутьев. Больше с точки зрения подготовки делать было нечего.

Решившись на что-либо, Железное Дерево больше не колебался. С криком «За мной!» он бросился вперед, сжимая в руках стальной стержень. Вслед за ним метнулась Ракушка, держа в руках его меч, чтобы в нужный момент отдать его солдату или, в случае крайней необходимости, воспользоваться им собственноручно. Хотя никто особо не верил в эффективность клинков против чешуйчатой брони бехира.

Почувствовав движение, чудовище с неожиданной ловкостью развернулось, перебирая множеством лап.

Подняв отвратительную голову на уровень торчавших из стены канделябров, оно переводило взгляд с одного движущегося объекта на другой. Все находились примерно на одном расстоянии и были одинаково активны. Крокодиля голова, казалось, трещала от титанических мыслительных усилий, которые бефир прикладывал, чтобы сделать выбор.

Вбежавших в зал поспешили поддержать криками гномы, спрятавшиеся за решетками. Станбог и Горячая Кузница успели предупредить их, чтобы те не прикасались к металлу.

Не обращая внимания на то, что творилось вдалеке, бефир сосредоточился на агрессивно себя ведущих ближайших возмутителях спокойствия. Чудовище хотело есть и судило о присутствующих только с точки зрения гастрономических показателей. В этом отношении самыми привлекательными ему показались Мирса и Железное

Дерево — наиболее рослые и крупные из всей компании.

Заняв позицию у железных колонн — подставок для факелов — и уперев в них стальные стержни, Мирса и Железное Дерево выжидали.

Наконец чудовище явно сделало выбор. Страшный взгляд его ледяных, янтарного цвета глаз остановился на Мирсе. Женщина-воин еще больше напряглась, до боли в кулаках сжимая железный рычаг. Она знала, что выпущенный из рук стальной прут лишь какое-то мгновение пробудет в воздухе, касаясь одним концом железной колонны. И вот от этого мгновения зависела теперь ее жизнь.

Бехир разинул пасть, обнажив несколько рядов острых, как гвозди, зубов и змеиный, с тремя жалами на конце язык. Шипы на затылке чудовища поднялись вертикально и образовали полукруг за его головой. Бехир чуть вздрогнул и замер, явно прицеливаясь.

— Прыгай! — крикнул Станбог.

Мирса, не отдавая себе отчета в том, что делает, машинально выпустила стальной прут из рук и изо всех сил метнулась в сторону. В тот же миг сверкнула молния. Гномы в ужасе закричали — настолько слепяще ярким был для них этот свет. Люди же, проморгавшись, увидели, что прут и колонна раскалились докрасна и оказались намертво приварены друг к другу. Мирса лежала ничком футами в десяти, но была ли она мертва, без сознания или просто приходила в себя от шока, определить было невозможно.

Бадар бросился к сестре, а в этот момент бехир, оставшийся несколько секунд неподвижным, стал сжимать свое змееподобное тело для броска.

Железное Дерево усмехнулся и сказал Нистуру:
— Ну вот, пришло время проверить, достоин ли герой носить на себе драконью шкуру.

С этими словами он перехватил наперевес свой железный стержень и бросился вперед.

Голова чудовища тотчас же повернулась в сторону опасного движения. Нистур последовал за другом, но без такого же мрачного энтузиазма. Поняв, что важнее всего сейчас отвлечь чудовище, запутать его, Ракушка, Станбог и даже Горячая Кузница запрыгали, замахали руками и закричали на разные голоса.

Но на этот раз примитивный мозг пресмыкающегося уже поставил себе цель. Этой целью стал Железное Дерево. Огромная голова метнулась к солдату, но тот молниеносным движением отскочил в сторону и вонзил заостренный конец стержня сквозь открытую пасть в нижнюю челюсть бехира. Чудовище взвыло и замотало головой, пытаясь выбросить из пасти посторонний предмет, от которого исходила такая боль. Но Железное Дерево всем весом повис на рычаге, загоняя его глубже в рану.

Нистур, подбежав к бехиру сбоку, попытался всадить свое импровизированное копьё ему между лап. Но стержень скользнул по чешуе и ударился о каменный пол. В следующий миг хвост ящера сбил Нистура с ног; тот, не ожидая удара по ногам, рухнул на пол, ударившись всем телом.

Бехиру наконец удалось освободить свою пасть от постороннего предмета. Теперь голод чудовища смешался с черной ненавистью к противнику. Железное Дерево еще не успел поднять рычаг и восстановить равновесие, когда крокодиля голова снова метнулась к нему. Не имея времени

хорошенько прицелиться, солдат ткнул стержнем в пасть бехира, попав в боковую часть нижней челюсти. Резко дернув свое оружие кверху, Железное Дерево успел поставить его вертикально — так что пасть бехира не могла захлопнуться полностью. Стержень начал на глазах сгибаться в полукольцо, и одновременно с этим чудовище резко вскинуло голову к потолку. Железное Дерево, не отпустивший оружия, теперь болтался на изогнутом рычаге, как акробат на трапедии. Вдруг в мозгу рептилии что-то сработало, и она стала изгибаться всем телом, протягивая переднюю пару лап к столь непривычно несговорчивому и причиняющему боль обеду.

К этому времени Мирса, опираясь на руку Бадара, встала на ноги и ждала, пока исчезнут пляшущие перед ее глазами круги. Первое, что она увидела, когда зрение вернулось к ней, это огромные когти, скребущие кольчугу Железного Дерева, и открывшееся брюхо бехира с менее крупной и крепкой чешуей на шкуре. Издав дикий боевой клич, она метнулась к выпавшему из рук Нистура острому железному пруту и с расстояния десяти футов метнула это подобие копья, наполовину вонзив его в тело чудовища.

Вслед за сестрой метнул свой стержень и Бадар, угодив в брюхо чудовищу рядом с первой раной. Бехир заревел, напрягся от боли, и Железное Дерево рухнул на пол, сжимая в руках обломок своего стального прута фута в два длиной.

В это время вскочивший на ноги Нистур взмахнул мечом и рубанул по шкуре бехира. Безрезультатно. Тогда Нистур прицелился между двумя крупными пластинами шкуры и попытался вонзить острие меча в эту щель. Отличный, выкован-

ный гномами клинок изогнулся дугой под весом человека, но не смог проткнуть толстую шкуру. Нистур в сердцах выкрикнул:

— Это все равно что штурмовать крепость зубочистками!

Не упуская из виду хвост бехира, Нистур не глядя опустил меч в ножны и крутил головой в поисках более эффективного оружия.

Несмотря на полученные раны и отвлекающие действия всех людей, бехир сконцентрировался на одном противнике. Чудовище и Железное Дерево глядели друг на друга почти с одинаковой ненавистью, явно решив сразаться до победы или смерти.

Железное Дерево, полуприсев, выжидал, сжимая в руках острый обломок прута. Неожиданно для всех наблюдателей голова чудовища метнулась к нему, целясь широко разинутой пастью посередине туловища человека. Еще более неожиданными оказались действия Железного Дерева. Вместо того чтобы отскочить в сторону, он изо всех сил бросился вперед, словно желая быть проглоченным. Челюсти захлопнулись, заскрежетали по кольчуге зубы. Бехир задрал голову, и по его шее и телу пробежали судороги — чудовище явно торопилось заглотать добычу.

— Нет! — послышался крик. Нистура, который, схватив двадцатифутовый молот, изо всех сил опустил его на шею бехира, что не произвело никакого эффекта. Горячая Кузница, к которому частично вернулось зрение, столь же безрезультатно ударил молотом по шее ящера с другой стороны. Мирса и Бадар выхватили свои копья из ран и вновь вонзили их в брюхо чудовища, которое лишь взвыло в ответ, не прекращая глотать

добычу. Ракушка изо всех сил молотила мечом по толстой шкуре бехира, разумеется, без какого бы то ни было результата.

Рептилия, не обращая ни на что внимания, продолжала заглатывать человека. Наконец ее челюсти сомкнулись. Железное Дерево оказался целиком в глотке чудовища.

Несколькими ударами хвоста бехир расшвырял по залу остальных нападавших и замер, решая, сможет ли он проглотить кого-нибудь еще прямо сейчас или же стоит, не обращая на них внимания, передохнуть и подождать, пока проглоченная добыча по крайней мере попадет в желудок. Вдруг шея ящера резко изогнулась, словно гигантская плеть, взлетела к потолку голова, из пасти донесся низкий стон — и бехир рухнул на пол. Хрустнула, ударившись о каменный пол, нижняя челюсть, янтарные глаза закатились и погасли.

Все осторожно приблизились к ящеру, опасаясь какой-нибудь ловушки с его стороны.

— Смотрите! — крикнула Ракушка, показывая на затылок бехира, где из рваной раны торчало несколько дюймов металлического острия.

Нистур восхищенно произнес:

— Вот расплата за пожирание героя!

— Чудовище еще живо! — закричала Ракушка, заметив конвульсивные подергивания шеи бехира.

— Его мускулы будут подавать признаки жизни еще несколько часов, — успокоил ее Станбог, — но мозг уже мертв.

— Оно все еще пытается глотать, — заметил Нистур и неожиданно, словно утратив дар речи, показал рукой на странную выпуклость, образовавшуюся на более мягкой шкуре на горле бехира.

В следующий момент это вздутие было прорвано изнутри, и из разрыва показалось лезвие кинжала, а за ним — рука в чешуйчатой кольчуге.

— Он жив! — завопила Ракушка.

— Дай-ка мне меч! — крикнула ей Мирса.

Схватив оружие, она поставила одну ногу на шею поверженного чудовища и, размахнувшись, сильно и предельно точно ударила по краю разреза, сделанного изнутри, не задев при этом руки Железного Дерева. Еще два удара последовали один за другим — и в шкуре бехира образовался разрез, достаточный, чтобы вытащить человека из глотки чудовища.

— Тащите! — скомандовал Нистур, разводя шире края раны.

Бадар и Мирса ухватились за торчащую наружу руку и резко потянули на себя. Железное Дерево в мгновение ока был вытащен из чрева ящера, весь покрытый отвратительно пахнущей слизью. Все сразу обратили внимание, что с драконьей кольчугой творится что-то непонятное. Она на глазах бледнела, становясь синей, голубой, а затем и вообще прозрачной; при этом она словно кипела. Чешуйки сжимались и отваливались от основы, которая тоже, в свою очередь, начала съеживаться и кусками опадать на пол.

— Он освободился от проклятых доспехов, которые чуть не заменили ему собственную кожу. — Станбог сорвал с себя плащ и стал протирать кожу солдата, объясняя остальным: — Едкие вещества, содержащиеся в слюне бехира, оказались способны растворить даже драконью кожу. Она защитила нашего друга, сохранив ему жизнь еще раз. Да, так я, пожалуй, смогу что-то добавить в свод знаний о драконах и им подобных.

— Можешь интерпретировать это как хочешь, — сказал Нистур, помогая Станбогу снять с друга остатки некогда роскошных доспехов, — но я бы назвал это наградой за героизм и крепость духа. Впрочем, я ведь, в конце концов, поэт, а не ученый сухарь.

Железное Дерево вдруг глубоко вздохнул несколько раз и прохрипел:

— Я жив?

Станбог, улыбаясь, ответил:

— Не только жив, но, по-моему, даже не получил ни одной серьезной раны.

Нистур тоже улыбнулся и, чтобы привести друга в чувство, сильно хлопнул его по плечу:

— Ну, приятель, теперь ты убедился в том, что именно ты сам убил того черного дракона?

Глава 12

Вернувшись в ту часть подземелья, где обычно жили гномы, участники побега и сражения промыли и перевязали свои раны. Все, кроме Станбога, так или иначе пострадали в схватке с бехиром. Больше всех досталось, конечно, Железному Дереву, которому потребовалось сменить несколько раз воду в ванне. Гномы разыскали для него одежду подходящего размера, а затем устроили небольшую пирушку в честь героя, его друзей и доброго лекаря Станбога. Больше всех радовался, пожалуй, Горячая Кузница. Еще бы, теперь его имя будет навеки вписано в скрижали истории гномов рядом с именем победителя бехира.

Поев, Станбог завел серьезный разговор с двумя гномами-знахарями, объясняя им, как и на что можно использовать те или иные части тела бехира. То, что не годилось в качестве лекарства, можно было выгодно продать колдунам для использования в различных заклинаниях.

Затем Нистур быстро, но образно пересказал Станбогу то, о чем поведал ему Железное Дерево во время подготовки побега. Выслушав историю, старик серьезно задумался.

Наконец обед был закончен, и друзья вспомнили о тех опасностях, которые продолжали угрожать им.

— Итак, — начал Нистур, — Ракушка сказала, что тебе удалось выяснить, что означают рисунки на руках шамана.

— Да. Помните, я сказал, что они, скорее всего, принадлежат к обманным заклинаниям.

— Так оно и было, — подтвердил Железное Дерево.

— Так вот, перед самым арестом я обнаружил очень похожий рисунок в книге. Это один из символов перемен.

— Каких еще перемен? — удивился Нистур. — Объясни толком.

— Ну, в данном случае, это часть большого заклинания, помогающего человеку изменить внешность. Не превратиться в другого, понимаешь? А только поверхностно измениться в глазах других.

— И много их — таких заклинаний? — поинтересовался Нистур.

— Огромное количество. И я едва-едва успел найти точно тот символ, который углядела Ракушка. Знаете, что он означает?

— Ну говори же!

— Это символ заклинания перемены цвета глаз.

Все вопросительно уставились на Станбога.

— Ты уверен? — высказал Нистур общее недоумение.

Станбог пожал плечами:

— Если вы правильно нарисовали символ, то да.

— Но как же он мог защитить его от огненной рожи? — спросила Ракушка.

— Великолепный вопрос, девочка, имеющий полное право быть поставленным и обдуманым. Но боюсь, что у меня на данный момент нет готового ответа на него, — витиевато ответил Станбог.

— Значит, этот Говорящий с Тенями — настоящий маг? — спросил Нистур.

— Вовсе не обязательно. Я ведь уже объяснял вам, как поступают в таких случаях те, кто знаком лишь с азами Искусства и Мастерства. Они покупают у настоящего колдуна какое-то поверхностное заклинание, которое состоит, например, из этого символа да нескольких магических строк на одном из тайных языков. Таким продуктом можно пользоваться, но нельзя его изменить; кроме того, со временем заклинание теряет свою эффективность и нуждается в новой подпитке Силой. А сделать это может только достаточно сильный колдун.

Железное Дерево негромко, словно сам для себя, несколько раз повторил:

— Цвет глаз... другой цвет глаз...

— Насколько я помню, у шамана были темно-карие глаза, — сказал Нистур. — Хотя поручиться не могу. Во-первых, мы видели его в полумраке, во-вторых, он был в шапке с кучей всякой дребедени, свешивающейся на лицо. А в-третьих, сама его физиономия была вымазана зеленой краской. Впрочем, все это ерунда. Ну зачем, скажите мне, Говорящему с Тенями могло понадобиться изменять цвет глаз?

В комнату ворвался молодой гном и что-то прошептал на ухо Горячей Кузнице. Тот выслушал и обратился к спорящим приятелям:

— Я послал разведчиков послушать, что творится в городе. У нас есть такие места, откуда

можно многое узнать, оставаясь незамеченными. Так вот. В городе переполох: кочевники готовятся к штурму. Вполне вероятно, что через пару часов начнется бой. Пока что объявлено перемирие для встречи Правителя с Киагой. Кажется, Правитель и Высший Совет решили, кого выдать в качестве убийцы вождей. Если Киагу не устроит их решение и он не согласится с тем, что именно этот человек совершил убийство, то делегация Тарсиса будет отпущена в город, а штурм начнется в тот момент, когда закроются ворота.

— У вас отлично налажена система сбора информации. — Нистур сделал искренний комплимент гномам.

— Что-то перестал я верить этому Киаге, — заметил Железное Дерево. — Извини меня, Бадар, но я не удивлюсь, если, нарушив условия перемирия, твой вождь возьмет да и захватит Правителя и его свиту в заложники.

— Киага поклялся в своих словах душами всех предков, — сказал Горячая Кузница.

Бадар встрепнулся:

— Если Великий Вождь дал такую клятву, он выполнит все договоренности. Если же он нарушит ее — ни один вождь, ни один воин не последуют за ним.

— Я полагаю, — сказал Нистур, — и вряд ли у вас есть другие версии, — что выдан кочевникам будет Советник Мелкар. Одно это уже будет победой для Киаги-дипломата. Ведь Мелкар — единственный стоящий командир из городской знати. Остальных всерьез воспринимать нельзя.

— Что же мы можем предпринять? — спросил Станбог.

— Признаюсь, я не вижу выхода, — вздохнул Нистур. — Расследование убийства оказалось нам не по зубам. Жаль, конечно, Советника Мелкара. Он пострадает ни за что. Но, боюсь, весь этот город плохо кончит. Все местные аристократы — с рождения плуты, интриганы и мошенники.

— Мы взялись разобраться и найти виновного, — скрипнув зубами, с расстановкой сказал Железное Дерево. — И мы сделаем это.

Все с удивлением посмотрели на него. Сам же солдат обратился к гному:

— Слушай, Горячая Кузница, ты говорил, что у вас есть туннели, ведущие за городские стены. А нет ли у вас выхода в лагерь кочевников?

— Конечно, есть. Если хотите, я могу провести вас к самому шатру Киаги. А будь у нас пара часов — мы бы прокопались и под шатер.

— Это уже лишнее. Пошли, — скомандовал Железное Дерево всем присутствующим.

— Но послушай, приятель... — возразил было Нистур, однако резкий жест солдата оборвал его фразу.

Затем Железное Дерево сказал:

— Дайте мне спокойно подумать. Я должен составить план, как офицер перед сражением. Времени у нас нет, поэтому во многом придется действовать наугад, принимая решения с ходу.

— Так ты догадался, кто убийца? — с надеждой спросил Станбог.

— Пока нет. Никак не могу свести все концы. Но это уже дело нескольких минут. Все, теперь я его не упущу!

И солдат с силой сжал ладонь в кулак.

— Все это замечательно, если твоя мысль успеет опередить события, — заметил Нистур. — А если в

самый ответственный момент ты окажешься только на подходе к принятию решения или не сможешь выстроить строгую систему доказательств?

— Можешь не ходить со мной, — ответил Железное Дерево. — Если нужно, я пойду один.

Нистур фыркнул:

— Ах, какие мы гордые и благородные! Ладно, не кипятись. Так и быть, уважу старого приятеля. Да и куда ты денешься без моего красноречия...

Железное Дерево улыбнулся и хлопнул друга по плечу.

— Я тоже не упущу возможности поприсутствовать при обвинительной речи, — сказал Станбог.

— Я пойду со Станбогом, — словно эхо, отозвалась Мирса.

— Нет, — сказал ей Железное Дерево. — Я хочу, чтобы вы с братом пошли в город и достали нам лошадей. Сколько у нас денег?

Порывшись по карманам, все выложили свои монеты на стол. Пересчитав их, солдат сказал:

— Этого хватит на несколько сносных кляч. Хороших скакунов, разумеется, на эти деньги не купишь. Не будет хватать на шесть, берите пять. Ракушка может ехать с кем-нибудь вдвоем.

Горячая Кузница извлек откуда-то и выложил на стол основательный мешок, полный монет.

— Вот, держите. Тут вам хватит и на хороших лошадей, и на первое время в дороге. Ведь, если я все правильно понял, вы вскоре собираетесь покинуть город, причем, скорее всего, в изрядной спешке. А значит, главное, что вам сейчас нужно, — надежные скакуны. Я полагаю, что вам стоит купить по два коня на каждого. Не переживайте, за долгие годы у нас скопилось немало монет,

а пользоваться деньгами нам приходится ой как редко.

— Спасибо, — коротко и просто сказал Железное Дерево, а затем еще раз обратился к Мирсе и Бадару: — Тогда не торгуйтесь — берите лучших коней и не задерживайтесь. У нас каждая секунда будет на счету.

Горячая Кузница обратился к Станбогу:

— Я хотел бы попросить тебя об одной услуге.

— Если это в моих силах, рад буду помочь, — ответил лекарь, и они с гномом зашептались о чем-то.

— Ворота ведь заперты, — напомнила Ракушка. — Как вы собираетесь выехать из города?

Отвлечшись от разговора со Станбогом, гном сказал:

— Я вас выведу. Неподалеку от конного рынка среди старых развалин есть вход в широкий туннель, по которому можно даже лошадей провести. А заканчивается он за холмом к югу от города.

— Отлично. Значит, там мы и встретимся, если, конечно, останемся в живых.

Мирса выразительно посмотрела Станбогу в глаза, но тот кивнул и произнес:

— Делай, что он сказал, дорогая. А мы с тобой скоро увидимся.

Махнув рукой Бадару, Мирса скрылась в одном из коридоров вслед за Делвером и еще несколькими гномами. Ракушка с тоской проводила взглядом Бадара.

— Ну что ж, не будем терять время, — сказал Железное Дерево, вставая из-за стола. — Пошли. Я хотел бы быть на месте в тот момент, когда делегация Тарсиса подъедет к шатру Книги.

Нистур последовал за ним, говоря:

— А что? Это будет дело, достойное поэмы. Слушай; а если наша версия не устроит Правителя, или Киагу, или, того и гляди, обоих?

— Придется уносить ноги, — честно ответил солдат.

— Ах, это будет короткая, но захватывающая дух, восхитительная пробежка!

Всю дорогу по бесконечным туннелям Железное Дерево молчал, обдумывая свой план. Наконец Горячая Кузница остановил их где-то в середине бывшей подземной деревни. Один из встретивших их гномов бойко доложил:

— Мы сейчас под выходящим на поверхность валуном, прямо перед шатром Киаги. Делегация Тарсиса как раз на подходе.

— Значит, пора поговорить с ними, — произнес Железное Дерево.

— Согласен, — отозвался Станбог. — Мне не терпится увидеть этого Великого Вождя вместе с его шаманом.

— Мне тоже, — сказал Железное Дерево, внимательно поглядев лекарю в глаза.

Ракушка подбросила на ладони печать Правителя:

— Я так думаю, в последний раз мы пользуемся этими побрякушками.

Горячая Кузница подвел их к лестнице, которая вела в странное, неправильной формы помещение. Изрядно поднатужившись, несколько гномов отодвинули фрагмент стены, открывший выход в узкую, чуть шире человека трещину, рассекающую валун надвое. Само помещение оказалось выдолбленным изнутри камнем.

— Удачи вам, друзья, — сказал Горячая Кузница. — Дверь для вас будет открыта. Если вам

понадобится путь к отступлению — не мешкайте. Сразу сюда. Мы захлопнем выход за вами, и пройдет очень много времени, прежде чем преследователи поймут, куда вы подевались, а уж тем более сумеют добраться до входа в туннель. А дальше никто из них не сунется, уверяю вас, а если и рискнет, то непременно заблудится в коридорах. Так что мы вас ждем.

Выйдя из тени валуна, вся компания осталась практически незамеченной в утренних сумерках. Стоявшие неподалеку кочевники не обратили на чужаков никакого внимания, так как все их взгляды были нацелены на площадку перед большим шатром Книги.

Там, гарцуя на рослом, богато украшенном скакуне, Великий Вождь ожидал приближающихся представителей Тарсиса. Рядом с ним на более скромной лошади восседал Говорящий с Тенями, за их спинами возвышался великан-знаменосец в бронзовой маске.

Приближающаяся кавалькада была весьма внушительна. Сотня молодых воинов-аристократов плотным каре окружала саму делегацию. Расступившись, богато наряженные всадники пропустили вперед Правителя в роскошных доспехах и его советников. За Советником Рукхом следовал отряд его личной стражи: Советник Альбан вел за собой неумело держащихся в седле астрологов из его компании. Лишь Советник Мелкар ехал без почетного эскорта. Он также восседал на роскошном коне, но был закован в позолоченные, по причине столь высокого ранга преступника, кандалы. На стенах и башнях Тарсиса собралась толпа горожан и солдат, не желающих упускать такое редкое зрелище.

Правитель неспешно подъехал шагов на двадцать к Киаге и остановился. Все вокруг замерло.

— Киага — Меткий Лук, — громко, нараспев начал Правитель Тарсиса, — как и было обещано мною, я привел сюда и выдам тебе убийцу двух твоих подданных — посланника и другого вождя. Я надеюсь, что это поможет перекинуть мост через пропасть, которая пролегла между нашими народами, и мы сумеем возобновить столь трагически прерванные переговоры.

Несколько секунд Киага разглядывал делегацию Тарсиса, затем его взгляд задержался на гордо поднявшем голову, закованном в кандалы Мелкаре.

— Было совершено два убийства, — крикнул в ответ Киага, — но я вижу здесь только одного обвиняемого. Я готов признать его убийцей Гуклака, который был найден повешенным на воротах его дома. Но я никак не убежден в том, что именно он убил Ялмука — Кровавую Стрелу.

Рев тысяч воинов подтвердил, что кочевники согласны с мнением своего Вождя. Лишь только шум стих, раздался голос Мелкара:

— Я никого не убивал, но ни один из вас на самом деле не желает выяснить, кто убийца!

— Молчать! — заорал Правитель. — Не пытайся скрыть свою вину за жалкой ложью.

Эти слова были встречены с нескрываемым неодобрением строем воинов Киаги. Недовольны были явно и сопровождавшие Правителя всадники. В воздухе повисла опасная напряженность, готовая в любой миг разразиться бурей насилия.

— Стойте! — раздался громкий, звучный голос Железного Дерева. — Прекратите! Этот человек

невиновен. Мы, следователи, назначенные расследовать эти убийства, нашли правду!

Все с удивлением молча воззрились на взявшуюся словно из-под земли странную маленькую компанию, направившуюся к площадке между двумя переговаривающимися сторонами. Первым нарушил молчание Правитель Тарсиса:

— Эй, откуда вы взялись? Вас не было в моем эскорте.

— И мимо моих часовых они не проходили, — опомнился Киага. — Что все это значит?

Нистур церемонно снял шляпу, поклонился Правителю и Вождю и сообщил:

— Мы ведь следователи. Такие штучки, позвольте заметить, — наш фирменный стиль.

— Это неважно! — крикнул Правитель. — Я снял с вас полномочия с того момента, когда вы нашли убийцу в лице Мелкара. Прочь отсюда; или вы рискуете навлечь на себя мой суровый гнев!

— У нас все еще осталось вот это. — Железное Дерево поднял над головой серебряную печать. — А это значит, что полномочия с нас не были сняты. Нам было поручено не сообщить о случайно найденном трупе, а выяснить правду, что мы и сделали, уложившись при этом в срок. Изволите ли вы выслушать наш доклад?

— Вы — презренные простолюдины и шарлатаны! — крикнул Киага. — Прочь отсюда! Молчать, когда говорят властители народов!

Из строя кочевников выехал человек и громко заявил:

— Я, правая рука вождя племени Гнилого Источника, Лагхан — Боевой Топор, хочу выслушать, что собираются сказать эти люди.

— Да, да, — поспешил согласиться сам вождь, как всегда, пьяный. — И мне интересно. Пусть расскажут, что они выяснили.

Опять послышались нестройные голоса; большинство кочевников хотело узнать, чем закончилось расследование убийств следователями Правителя. Все это время Станбог внимательно следил за Киагой и шаманом, время от времени недовольно хмурясь и покачивая головой.

Лица Киаги под маской не было видно. Но все его тело выдавало сильнейшее напряжение.

— Ладно! — крикнул он. — Говорите, только побыстрее. Мои люди жаждут войны и мести.

— Я полагаю, — предложил Нистур, — что будет лучше, если высокие договаривающиеся стороны проследуют в шатер и спокойно выслушают подробный доклад нашей группы.

— Это не входило в мои требования к тебе, Правитель Тарсиса! — крикнул Киага. — Я обязуюсь соблюдать все условия, но пусть твои клоуны не испытывают моего терпения.

— А как я могу удостовериться, что все это не ловушка, подстроенная тобой в сговоре с ними? — спросил Правитель.

— Минуту, — вдруг вступил в разговор Станбог.

Он подошел к компании астрологов Советника Альбана и коротко переговорил с ними. Те покивали головами и, спешившись, встали кругом между двумя делегациями.

— Нам понадобится копьё, — объявил Станбог.

Правитель ткнул в сторону одного из своих всадников и щелкнул пальцами. Воин подъехал к Станбогу и протянул ему двенадцатифутовое

копье, которое тот воткнул в землю так, чтобы оно стояло абсолютно вертикально. Маги-астрологи Альбана затянули какой-то речитатив на не понятном никому, кроме них и Станбога, языке. Старый лекарь пояснил:

— Почтенные колдуны развешивают над всеми присутствующими полог мира. Все мы оказываемся под властью этого заклинания. Все видят, где сейчас солнце. — И он показал на сверкающий диск, поднявшийся над горизонтом. — Если кто-либо нарушит мир до того, как оно достигнет зенита и исчезнет тень от копья, на головы всех нас обрушится суровая кара богов. Не хочет ли почтенный Говорящий с Тенями присоединиться к столь благородному и похвальному делу?

Ко всеобщему удивлению, человек с выкрашенным зеленой краской лицом яростно замотал головой. Ответил же за него Киага:

— Наш шаман говорит с тенями предков и духами Равнин, а не участвует в выродившейся профанации городских колдунов.

— Жаль, — ответил Станбог и негромко добавил: — Хотел бы я посмотреть на эту зеленую рожу в деле. — Затем, вновь набрав побольше воздуха в легкие, Станбог предложил: — Проследуем же в шатер, ибо, даже пока я говорю, наше время уходит.

Под гул голосов советники и вожди спешили и прошли в большой шатер Киаги. За это время друзья успели перекинуться несколькими фразами.

Нистур напомнил:

— Опять этот шаман ни слова при Киаге не вымолвил.

Железное Дерево улыбнулся улыбкой настигающей жертву акулы:

— Помнишь, что сказала Жабий Цветок? Фальшивые глаза! А что еще — не забыл? Есть один. Один!

— Сдается мне, ты раньше меня сумел найти в старушечьем бреду зерно истины,— признал Нистур.

— Теперь следи за тем, что я буду говорить, соображай на ходу и прикрывай меня, если я что-то упусти,— сказал Железное Дерево.

В шатре Киага и вожди сели по одну сторону от входа, а Правитель, его советники и свита — по другую. Все глядели на противников с едва прикрытой враждебностью. Железное Дерево, Нистур, Ракушка и Станбог вышли на середину.

— Говорите, и не испытывайте наше терпение,— приказал Киага.

— Мой суд будет скор и суров, если вы солжете,— пообещал Правитель Тарсиса.

— Не волнуйтесь.— Нистур церемонно раскланялся.— Наш доклад превзойдет все ваши даже самые смелые ожидания и догадки. Мой друг и коллега обратится к вам со своей речью первым.— Жестом передав слово Железному Дереву, он шепотом добавил: — Ну давай смелее!

— Мое имя — Железное Дерево. Я — наемный воин, назначенный Правителем Тарсиса расследовать убийство Ялмука — Кровавой Стрелы и впоследствии Гуклака — Укротителя Лошадей. В результате расследования я пришел к следующим выводам..

Железное Дерево обвел суровым взглядом всех присутствующих, словно желая убедиться в том, что все внимательно его слушают. Затем он обернулся к Правителю Тарсиса:

— Мой господин, несколько дней назад вы приняли в городе посольство от Киаги — Меткого Лука. Ныне покойный вождь Ялмук — Кровавая Стрела был уполномочен вести переговоры в отсутствие Великого Вождя до тех пор, пока Киага сам не прибудет в лагерь своего войска. Это так?

— Абсолютно верно, — подтвердил Правитель.

— Так вот, это абсолютно не соответствует истине. — Эти слова Железного Дерева были встречены всеобщим вздохом удивления. — Это была первая ложь из дальнейшей цепи обманов. Киага вовсе не отсутствовал в лагере и в городе. Наоборот, он присутствовал как здесь, так и внутри городских стен. Да, да, в Тарсисе Киага побывал даже раньше, чем туда прибыл назначенный им посланник со спутниками.

— Он лжет! — крикнул Киага.

Железное Дерево подскочил к нему с ловкостью рассерженного льва.

— Выслушай меня, а потом назови лжецом, если посмеешь!

— Продолжай, продолжай, — крикнул Потрясающий Копьем, пьяный и явно наслаждающийся спектаклем. — Я хочу дослушать до конца!

Железное Дерево снова обратился к Правителю Тарсиса:

— А вы, мой господин, пытались посеять раздор между приближенными Киаги, в особенности между Ялмуком и Говорящим с Тенями. Вы также приказали советникам, принимавшим вождей в своих домах, проверить на прочность их верность Киаге — Меткому Луку.

Правитель развел руками, словно призывая всех внять чувству здравого смысла:

— Это же дипломатия! Кто из властителей, переживающих за судьбу своего народа, не пользуется этими приемами?

— Грязная игра велась в Тарсисе, а не дипломатия. Ваши же приближенные лгали вам и плели свои заговоры. Но в итоге получилось, что все вы работали на Киагу, играя по его правилам и по его плану.

— Ты, по-моему, просто заговариваешься, — сказал Правитель.

— Вовсе нет, — возразил Железное Дерево. — Советник Рукх, вы докладывали, что Гуклак был фанатично предан Киаге? Было такое, господин Правитель?

— Да, — отозвался Правитель Тарсиса. — Такой доклад я от него получал.

— Но, опросив других вождей, мы выяснили, что его верность вовсе не была столь уж непоколебимой. Говоря точнее, этот человек был готов продаться противнику. Но Советник Рукх придержал эту информацию, полагая использовать слабость Гуклака себе на пользу. О колебаниях второго убитого — Ялмука — вы узнали лично.

— Но как это все соотносится с твоими словами о том, что Киага был в городе, когда все считали, что его нет даже в лагере его армии? — спросил Правитель, гневно глядя на Советника Рукха, который сидел с выражением оскорбленной невинности на лице.

— Ну, для начала... — С этими словами Железное Дерево шагнул к Говорящему с Тенями и, прежде чем кто-либо опомнился, сорвал с его головы увешанную амулетами островерхую шапку, за которой потянулись и длинные пряди парика. Под шапкой оказались коротко стриженные волосы, а

сам человек с зеленым лицом с ужасом в глазах уставился на Киагу, не издав при этом ни звука.

— Это не шаман, — объявил Железное Дерево. — Узнали ли вы этого человека? Да, это безязыкий раб Киаги, исполняющий роль шамана в присутствии самого Меткого Лука.

— А на банкете, я помню, он разговаривал весьма оживленно, — возразил Правитель.

Железное Дерево четко ответил:

— Вы говорили не с шаманом. Тот, кто скрывался за зеленой краской и сетью амулетов, был не кто иной, как сам Киага, собственной персоной!

Быстрым, словно пантерьим, движением Железное Дерево схватил Киагу за руку и сорвал с нее перчатку, обнажив на тыльной стороне ладони Вождя таинственный знак. Одним взмахом зажатой в кулак перчатки он превратил символ в бесформенное пятно. Изумрудно-зеленые глаза Киаги, широко раскрытые и полные ненависти, стали светлеть.

— Когда Вождь притворялся Говорящим с Тенями, заклинание делало его глаза карими, у Киаги они были зелеными. А теперь смотрите, какого цвета они на самом деле.

Вожди столпились вокруг Киаги, наблюдая, как его глаза быстро становились бледно-голубыми. Железное Дерево продолжил:

— Не было никогда никакого Говорящего с Тенями. Этот человек сам предсказал вам свое пришествие в качестве Великого Вождя.

Выражение разочарования и горя на лицах кочевников было почти комично. А Железное Дерево словно вознамерился добить их окончательно:

— Не существует не только Говорящего с Тенями, но, следовательно, и Киаги — Меткого Лука!

— Кто же тогда этот человек? — требовательным тоном спросил Правитель, явно не имея ни малейшего намека на ответ в своей голове.

Железное Дерево сорвал с лица Книги повязку, открыв всем довольно красивое, но невыразительное лицо, искаженное сейчас страхом.

— Ни вы, ни кто-либо из присутствующих не знает этого человека, кроме меня. Его имя — Бо-реас. Он проходимец, но при этом актер и музыкант-арфист. Когда-то, в другой стране, почти в другой жизни, он был моим другом. Но дружба прервалась, когда он предал меня в минуту опасности, а затем оставил умирать.

В этот момент послышался возглас Ракушки:

— Значит, не зря Жабий Цветок сказала, что за всем этим стоит музыкант. Музыкант, фальшивые глаза, не многие — один!

Железное Дерево кивнул и продолжил:

— Когда он понял, что Ялмук и Гуклак могут предать его, он решил уничтожить их наиболее выгодным для себя способом. Лучшим вариантом было представить дело так, словно убили их жители Тарсиса. Так он достигал двух целей: избавлялся от опасных приближенных и объединял остальных вождей еще крепче, подогревая их общую ненависть и желание отомстить.

— Какое бесчестье! — картинно воскликнул Правитель.

Железное Дерево одарил его безжалостной улыбкой:

— Дальнейшего успеха этот человек добился, сумев навлечь подозрение на Советника Мелкара. Он знал, что, выдав ему единственного достойного командира, Правитель Тарсиса серьезно ослабит оборону города. Он все четко рассчитал, видимо,

хорошо зная таких людей, как вы. Он заранее понял, что вы ухватитесь за малейший повод, чтобы избавиться от потенциального соперника.

Советники озлобленно глядели на Правителя, но тот, не обращая на них внимания, заявил:

— И все же ты меня не убедил!

— Ну что же, продолжу объяснения. Для такого актера, как Бореас, ничего не стоило изобразить из себя одного из тарсианских аристократов, тем более что обычно они появлялись на людях в масках. Одеваясь как местный житель, он спокойно проходил через ворота. Причем сделать это он мог в любое время дня и ночи — городскую стражу ничего не стоит подкупить, чтобы она открыла калитку в неурочный час. Скорее всего, в одежде и в маске аристократа он и вызвал Ялмука на разговор на площадь. Тот не ожидал ничего, кроме очередной попытки подкупа или же, наоборот, предложения о сотрудничестве с вождями кочевников. На самом же деле на пьедестале статуи Абушмулума Девятого Ялмука уже поджидал вот этот самый раб. Он или сам Бореас — это уже неважно — накинул проволочную петлю на шею несчастному Ялмуку, и вдвоем они в момент подняли тело на пьедестал. Вот почему вся кровь стекла с постамента на мостовую.

Приблизив свое лицо к испуганному лицу Верховного Вождя, Железное Дерево усмехнулось:

— Проволочная удавка — не правда ли, замечательное, стильное оружие для арфиста? Что скажешь, Бореас? — Оглянувшись, он попросил: — Разыщите его арфу. Я уверен — на ней не будет хватать струны.

— Ну а Гуклак? — раздался голос одного из вождей.

— Нет, ничего проще. Скорее всего, он убил его еще здесь, в лагере, а затем, переодевшись тарсианским аристократом, перекинул его труп через седло и поехал к городу. У стражи на воротах есть приказ не впускать в город чужеземцев и не давать ходить туда-сюда своим горожанам. Но к аристократам это не относится. Бореас всегда мог выдать себя за патрульного всадника, возвращающегося с дежурства с добычей или телом убитого кочевника.

— Он лжет! — истошно завопил Бореас-Киага. Этот крик был встречен мрачным молчанием.

Ракушка обернулась к Нистуру:

— Вот как ему удалось пройти испытание Рукон Истины! Он сказал, что Говорящий с Тенями не убивал Ялмука. Это же правда! Шаман действительно никого не убивал и не мог убить, потому что его самого не было в природе!

Нистур кивнул:

— Еще один урок нам обоим: никогда не доверяй человеку, говорящему о себе в третьем лице.

Один из вождей с досадой крикнул:

— Но как мог нас провести какой-то проходец, жалкий актеришка!

— Я полагаю, это мы сейчас объясним, — сказал Станбог. — Вот идет мой коллега с доказательством и объяснением.

Действительно, из дальней части шатра, отгороженной висящими коврами, появился один из колдунов Советника Альбана, державший на вытянутых руках медную клетку с изящной подставкой внутри.

Объяснения Станбога были прерваны появившейся вслед за астрологом его полной коллегой, которая объявила:

— Арфы там нет, но зато я нашла вот это. — И она подняла над головой лютню, на которой явно недоставало одной струны.

— Логично, — согласился Железное Дерево. — Арфу было бы затруднительно таскать с собой во всех путешествиях.

Когда улегся поднявшийся шум, Станбог вновь взял слово:

— Несколько лет назад эти два человека — Железное Дерево и Бореас — вступили в бой с молодым черным драконом. Железное Дерево убил чудовище, но и сам был тяжело ранен. Бореас же, скорее всего прятавшийся в бою за спиной друга, вырезал у поверженного дракона сердце и оставил своего спутника умирать. Сердце дракона он возил с собой повсюду. Вот оно.

Почтительный ропот прошел по рядам тарсианцев и кочевников, когда Станбог поднял над головой сверкающую клетку, в центре которой на подставке лежало ярко-алое, горящее изнутри сердце размером вдвое больше бычьего. И хотя сам дракон был убит уже несколько лет назад, сердце все еще пульсировало, полное какой-то сверхъестественной энергии. Станбог продолжил:

— Сердце черного дракона, заколдованное несколькими заклинаниями опытного колдуна, знатока Искусства и Мастерства, может придавать особый внутренний облик тому, кто им обладает. Способный будет казаться талантливым или даже гениальным, самый обыкновенный человек обернется великим титаном. Бореасу стала мала любая сцена. Своим театром он решил сделать весь мир.

Резкий возглас Нистура прервал речь Станбога. Бывший ассасин возбужденно крикнул:

— Точно! Я узнал тебя!

Подойдя к Бореасу, он извлек из-под складок туники кошелек с монетами и бросил его под ноги бледному как смерть актеру.

— Я возвращаю тебе деньги, ибо я не выполнил твой заказ.

Обернувшись к присутствующим, Нистур пояснил:

— Этот человек, одевшись одним из аристократов Тарсиса, нанял меня, чтобы убить того, кто стоит сейчас рядом со мной. Тогда мы еще не были с ним знакомы. Тот, кто называет себя столькими именами, одержим манией убийства. Помимо тех двух, которые он совершил лично, он возжелал смерти моего друга, причем из страха предпочел сделать это чужими руками. Ко всему этому он нанял еще и банду убийц, которые напали на нас в Старом Городе.

Слова Нистура подхватил Станбог:

— Этот человек задумывал нечто большее, чем просто убийство, когда планировал это. И не просто завоевать Тарсис собирался он, готовясь к осаде города.

— А что может быть важнее, чем завоевание Тарсиса? — почти обиделся Правитель. — Если, конечно, предположить, что я допустил бы такое.

— Похоже, что Бореас внимательно изучил все, что известно о черных драконах. Это не просто летающие ящеры, какими мы их обычно представляем. Они сами и части их тела обладают могучими сверхъестественными силами. У Бореаса было сердце дракона, но у Железного Дерева оставалась его шкура. Объединенные, эти два предмета в сочетании с некоторыми древними заклинаниями превратили бы Бореаса во владыку, более могущественного, чем он мог даже мечтать. Где-то

в руинах Старого Города в Тарсисе похоронена знаменитая библиотека Кристанна. Если где-то и сохранились те древние заклинания, то искать их нужно именно в свитках этой библиотеки.

Бореас, судивший о людях по себе, узнал, что Железное Дерево появился в Тарсисе, и тотчас же заподозрил, что его бывший товарищ тоже разыскивает свиток с древними заклинаниями и собирается похитить у него драконье сердце. Вот Бореас и нанял Нистура убить Железное Дерево, проговорившись, что заинтересован в его кольчуге. В другой раз он поспешил нанять отъявленных негодяев, чтобы мы не вышли живыми из Старого Города, где может находиться тот древний свиток. Итак, Бореас хотел смерти Железного Древа, хотел получить оставшуюся часть драконьей шкуры и, кроме того, рассчитывал разыскать заклинания власти в древней библиотеке.

— Что значит — оставшуюся часть шкуры? — спросил Правитель.

— Похоже, нас ждут еще серьезные осложнения. Дело в том, что эти два человека совершили даже более безрассудный и необдуманный поступок, чем они предполагали. Убитого ими молодого дракона разыскивала его мать. Найдя своего детеныша мертвым, она обезумела от горя и жажды мести. С тех пор она разыскивает убийц. Когда она разыскала оружейную мастерскую, где оставалась вторая половина шкуры ее детеныша, не пощедя на доспехи Железному Древу, она уничтожила весь этот городок, спалив его дотла, и отправилась на дальнейшие поиски. И вот у стен Тарсиса сердце и шкура оказались рядом.

— Дракон! — сказал Правитель. — Мне докладывали, что часовые на башнях видели летающую

змею в последние дни в ночном небе. Но я решил, что это всего лишь иллюзия, игра воображения.

— Еще не поздно! — отчаянно взмолился Бореас. — Дракон-мать охотится только по ночам и не вынесет долгих холодов. У меня есть сердце, у Железного Дерева... — Оказалось, что Бореас до сих пор не замечал, что на Железном Дереве нет его привычных доспехов. — Он... он спрятал шкуру, но под пыткой он признается, где она. Гномы Тарсиса должны знать, где находится пропавшая библиотека. С этими талисманами и свитком заклинаний я смогу справиться с этим драконом и с любым другим! — Обернувшись к Правителю, он крикнул: — Я поделюсь с тобой этим могуществом, брат мой, Правитель Тарсиса!

— Я должен взвесить все плюсы и минусы... — начал Правитель, но был перебит яростным криком Потрясающего Копьем:

— Что же это за змеиное гнездо лжецов и предателей! Я такого в жизни не видел! — кричал он, схватившись за рукоять сабли.

— Да что ты вообще в жизни видел, пьянчуга? — ответил ему кто-то из вождей.

Освободившись от авторитета Книги, вожди тотчас же вспомнили о давней межплеменной вражде.

В это же время Мелкар обернулся к Правителю и прохрипел:

— А ты ведь еще хуже этих варваров! Да, черен был тот день, когда ты сел на трон Правителя Тарсиса. Прикажи меня расковать! Немедленно!

Повсюду уже сверкали выхваченные из ножен клинки, и лишь истошный вопль Альбана предотвратил перерастание скандала в побоище.

— Стойте! Вспомните, что нарушение мира до полудня повлечет за собой страшную кару.

Все обернулись к воткнутому в землю перед входом в шатер копью. Его тень сжалась до каких-то нескольких дюймов. Наступила полная тишина, которой воспользовался Станбог.

— Случилось так, — вернулся он к своей теме, — что кольчуга Железного Дерева была уничтожена целиком, до последней чешуйки, раз и навсегда. Осталось только разыскиваемое матерью сердце. Насколько мне известно, черные драконы не очень умны, но они славятся своей мстительностью и безжалостностью. Дракон-мать страдает, мучается и копит в себе злобу. Боюсь, что, обезумев от горя и злости, чудовище сможет напасть на тех, у кого находится сердце ее детеныша, даже при свете дня. Я уже стар, друзья мои. Быть может, уши уже обманывают меня и шутят со мной шутки. Но не слышит ли кто-либо из молодых какого-нибудь странного и необычного звука?

Все замерли, и в наступившей тишине явно стали слышны раскаты далекого грома. С каждой секундой звук приближался.

— Пора сматываться, — негромко, без лишней патетики сказал Нистур своим друзьям. — Пойдем, — потянул он за собой Железное Дерево.

Тот с трудом заставил себя отпустить Бореаса, который от ужаса почти перестал соображать что-либо. Уже с порога Нистур, еще раз поклонившись и помахав шляпой перед присутствующими, сказал:

— Мы позволим себе удалиться, ибо наша работа сделана. Господа, я надеюсь, что ваше дальнейшее общение будет не менее приятно, чем наша общая встреча. Всего хорошего.

Друзья с достоинством покинули шатер и, лишь завернув за угол, со всех ног бросились к валуну. Добежав до открывшейся перед ними потайной двери, они остановились и оглянулись.

— Смотрите! — воскликнула Ракушка.

Но все и так внимательно наблюдали за происходящим, не в силах оторвать взгляд от такого зрелища.

Из шатра выбегали попеременно тарсианцы и кочевники. А само черно-алое сооружение накрыла огромная тень. В следующий миг тень обернулась черным, как ночь, силуэтом дракона. Истощенная долгими поисками и измученная холодом мать убитого дракона тем не менее сохранила силы для отчаянной атаки. Приземлившись на задние лапы, она хвостом разбросала, словно котят, воинов и их лошадей, а когтями передних лап вцепилась в шелк и войлок шатра. Разорвав огромную палатку надвое, словно старую простыню, она сунула в разрыв голову и закрутила ее под складками ткани.

— Пойдем скорее отсюда! — взмолилась Ракушка. — Не хочу я смотреть на это!

Но несмотря на эти произносимые машинально слова, она была не в силах заставить себя отвернуться.

Голова дракона вынырнула из-под рухнувшего шатра. В одной когтистой лапе чудовище сжало сверкающую клетку с мерцающим алым факелом — сердцем, а в другой извивалась человеческая фигурка. Дракон присел на задние лапы и издал дикий рев. Затем могучие крылья громоздочно хлопнули в воздухе, и поднявшийся вихрь снес не один шатер в лагере. С невероятной

скоростью крылатая черная тень скрылась в зимнем свинцовом небе:

— Ну, теперь, — тихо сказал Станбог, — мы действительно можем уходить.

— Вот то, что ты просил, — сказал Горячая Кузница, протягивая Станбогу довольно большой керамический горшок, плотно закрытый деревянной пробкой и залитый для герметичности воском. Помолчав, гном добавил: — Не забудь только о моей просьбе, хорошо?

— Разумеется, не забуду, друг мой, — заверил его Станбог.

Гномы провели их еще раз по лабиринту туннелей и вывели к последней перед выходом на поверхность площадке.

— Что это? — спросил Железное Дерево.

— Помнишь, что сказала Жабий Цветок? — И Станбог очень похоже передразнил речь старой гадалки: — Хочешь лекарство против яда дракона? Иди вниз! Ищи огненного червя!.. Так вот, здесь часть сердца бехира и несколько его когтей. Все это имеет свойство приостанавливать действие драконьего яда.

— Этим я смогу вылечиться? — переспросил Железное Дерево.

— Я не уверен, что окончательно, но с помощью этих средств и кое-каких заклинаний мы сумеем ослабить действие яда и избавить тебя от приступов, по крайней мере, до тех пор, пока не найдем полного противоядия.

— В любом случае это лучше, чем ничего, — улыбнулся солдат.

Гномы распахнули потайные двери и выпустили их на поросший травой склон холма. Солнце

растопило почти весь снег, и даже небо из свинцового стало почти голубым. В нескольких ярдах ниже по склону Мирса и Бадар сидели прислонившись спинами друг к другу. Рядом паслась дюжина стреноженных лошадей. Брат с сестрой расплылись в улыбках, увидев четыре уставшие фигуры, появившиеся в буквальном смысле из-под земли.

Нистур поинтересовался у Станбога:

— О какой услуге просил тебя Горячая Кузница?

— Я пообещал ему, что буду рассказывать об их колонии всем гномам, с которыми мне доведется встретиться в странствиях. Здесь у них огромный город, есть и чем торговать с другими гномами. Появись у них приток свежей крови — и через одно-два поколения большинство болезней, передающихся по наследству, исчезнет. Гномы Тарсиса смогут вновь стать многочисленным и процветающим народом.

Неожиданно вдалеке за их спинами раздался неясный шум. Он доносился со стороны города или из-за него. Затем в небо поднялись столбы дыма.

— Это началось с полчасика назад, — сказала Мирса. — Либо бой, либо мятеж.

— Мне показалось, — осторожно сказал Бадар, — что я видел пролетающего над городом дракона. А вы не заметили ничего такого?

— Еще как заметили, — подтвердил его догадку Нистур, — причем с расстояния, пренеприятно малого.

Станбог покачал головой:

— Глупость человеческая беспредельна. После всего увиденного и услышанного, после всех потрясений они еще хотят воевать.

Вздыхнув, он добавил:

— Я остался без своих книг и приборов, но главное сокровище лекаря и ученика Искусств и Ремесла здесь. — И он похлопал себя по макушке.

Неожиданно, уже подходя к предложенной ей лошади, Ракушка попятилась и сказала:

— Я никогда не выходила за пределы города. Мне страшно.

— Тебе нельзя здесь оставаться, — объяснил ей Станбог. — Даже если кочевники не захватят Тарсис, у тебя в городе появилось слишком много врагов.

Нистур начал уговоры с другой стороны:

— Поехали с нами, Ракушка. Хоть мир посмотришь. Знаешь, сколько на свете интересного!

Девушка опасливо погладила лошадь:

— Да я и верхом-то никогда не ездила.

— Я тебя научу, — улыбнулся ей Бадар. — Для начала проедешь немного со мной.

Юноша протянул улыбнувшейся Ракушке руку. Безо всякого усилия он одним движением поднял девушку и посадил ее в седло позади себя.

— Как, оказывается, просто решаются проблемы, — вздохнул Нистур. — Нужно только, чтобы решал их нужный человек.

Неожиданно Железное Дерево от души рассмеялся:

— Нет, вы только посмотрите на себя! Ну и компания: безработный наемник, к тому же изрядно больной и известный своей невезучестью. К нему прилагается ассассин, который больше не может убивать и все больше строит из себя знатного рифмоплета. Затем — колдун, еретик, нарушивший все клятвы своей братии и отказавшийся от колдовства напрочь. Ну и дальше:

воришка-карманница и парочка варваров — изгоев и выроdkов даже по меркам своих диких племен. Ну и сборище!

— И все же судьба свела нас всех вместе, — заметил Нистур.

— Да, — согласился Станбог. — И я не могу отделаться от мысли, что это неспроста.

— Вполне вероятно, что мы уже спасли мир от тирана, — гордо заявил Нистур.

Станбог кивнул:

— Да, но бoльшую часть опасностей мы создали сами. Не кажется ли вам, что четверо из нас — я имею в виду себя, Нистура, Железное Дерево и даже Ракушку — чем-то очень похожи? Каждый из нас в прошлом оступался, хотел получить благополучие — такое, каким он его себе представлял, — идя по легкой, но скользкой дороге. Оправдание есть только у Ракушки — судьба не предложила ей другого выбора. Мы же трое сами виноваты в своих бедах. Я думаю, что эта встреча дает нам шанс загладить нашу вину и искупить грехи. И нужно мудро воспользоваться этой возможностью. Другой у нас не будет.

Рассаживаясь по своим скакунам и беря в поводья запасных лошадей, все вдумчиво размышляли над словами старика.

Над Тарсисом висело сплошное дымное облако.

— Но что мы должны делать, чтобы выполнить волю богов и искупить наши грехи? Как мы сможем заработать себе прощение? — очень серьезно спросила Ракушка.

— А разве это не очевидно? — удивился Нистур. — Нас наняли расследовать убийство, и с первого же раза, осмелюсь заявить, мы блестяще справились с делом. Если такие проблемы возникли

у Правителя Тарсиса, то почему бы им не быть и в других местах? Будем зарабатывать себе на жизнь, распутывая убийства, заговоры и другие преступления! Пусть о нас узнают, как о тех, кто восстанавливает Истину и утверждает Справедливость.

— И куда же мы направимся? — Железное Дерево охладило поэтический пыл Нистура прозаическим вопросом.

Нистур покрутил головой и привстал в седле.

— Ах, друзья мои, в том-то и прелесть нашего дела! В отличие от наемных солдат, нам не придется искать или дожидаться войны; в отличие от купцов, мы не будем искать, где и что можно дешевле купить и дороже продать. — Обведя рукой горизонт, Нистур добавил: — Куда бы мы ни отправились, где бы ни остановились, мы везде найдем порок. А значит, без работы мы не останемся.

Выслушав эту воодушевляющую речь, они повернули лошадей и поскакали прочь от охваченного пожаром Гордого Тарсиса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	. 5
Глава 2 .	31
Глава 3..	50
Глава 4 . .	77
Глава 5 .	99
Глава 6 :	123
Глава 7 .	152
Глава 8 .	183
Глава 9	208
Глава 10	231
Глава 11	257
Глава 12	287

*Литературно-художественное
издание*

Джон Мадлокс Робертс
УБИЙСТВО В ТАРСИСЕ

Перевод с английского
В. Правосудова

Редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Илья Кучма

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректор
Татьяна Андрианова

Верстка
Владимир Титов

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано к печати с оригинал-макета 22.11.96.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 16,8.

Изд. № 198. Заказ № 523.

Издательство «Азбука»

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета

в типографии им. Володарского Лениздата.

191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Кто повинен
в гибели посланника
сопредельной державы?
Какие силы грозят лютой смертью
обитателям мирного города?
Группа отважных героев
при помощи магии
и верных стальных клинков
пытается раскрыть
загадочное

УБИЙСТВО В ТАРСИСЕ

TM

4 600202 000776

DRAGONLANCE and the TSR logo are trademarks of TSR, Inc.
Copyright © 1996 TSR, Inc. All rights reserved.